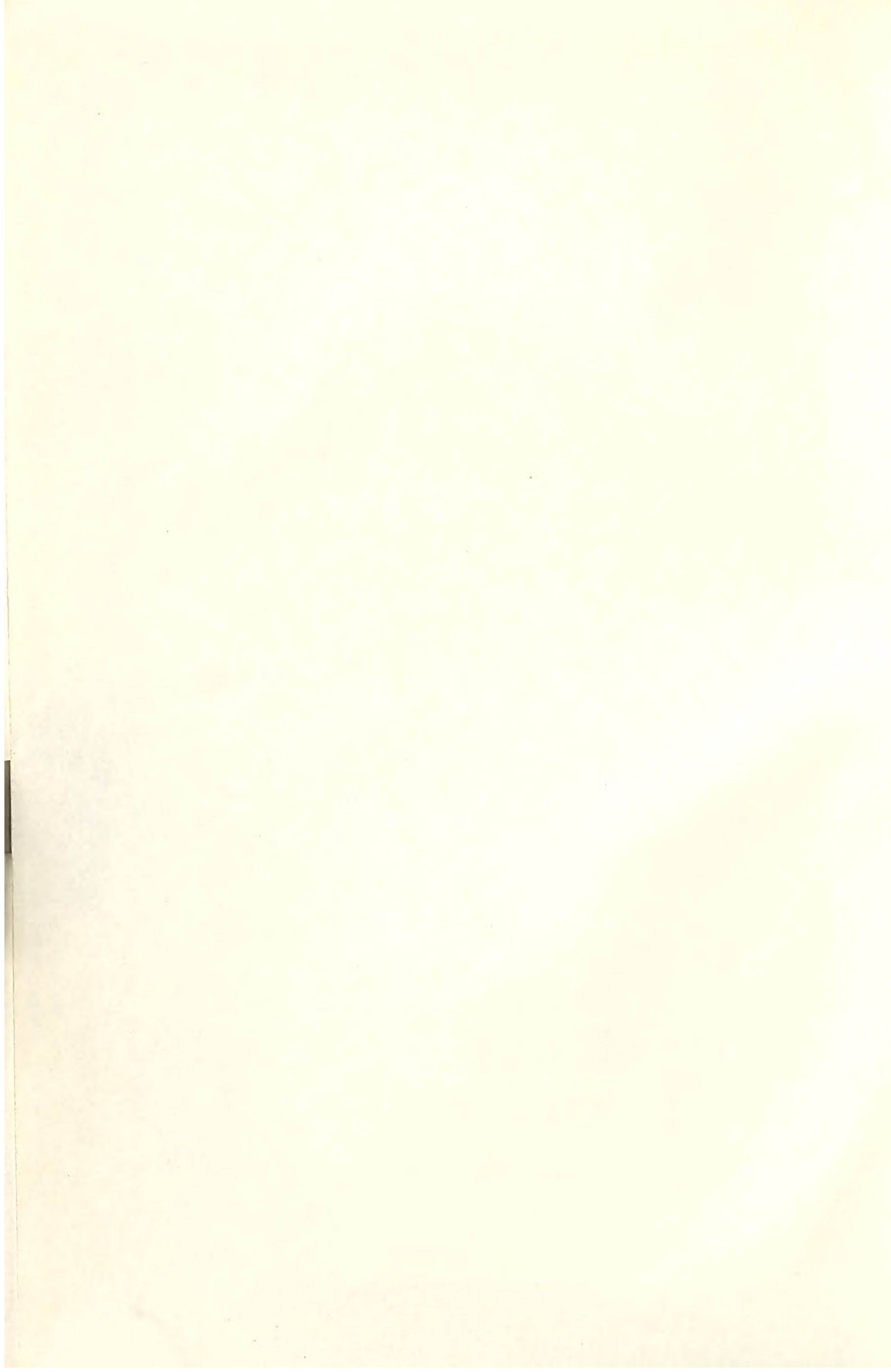

<36643999170013

<36643999170013

Bayer. Staatsbibliothek

Р. арх- 1891 г. № 6-12.

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Часть
1-4.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

Vigel'
Zapiski
1-4

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1891.

2-600

Р. н. 5176 48 9

12

BAITNEN

PHOTOGRAPH

BNTE

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BAITNEN

PHOTOGRAPH

Loc. Mayr. E. ka
Oomen
Mayr. E. ka

BAITNEN

PHOTOGRAPH

1881

*

Записки Филипа Филиповича Вигеля печатались въ 1864 и 1865 годахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ 1866 году вышли отдѣльно въ трехъ книгахъ, подъ заглавіемъ «Воспоминаній». Нынѣшнее изданіе этихъ Записокъ печатается въ болѣе полномъ видѣ, съ подлинной рукописи. Ф. Ф. Вигель родился въ 1786 году въ Пензенской деревнѣ, скончался въ Москвѣ 20 Марта 1856 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ по выходѣ въ отставку изъ должности директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій.

*

There is a great deal of
writing in the world, but
it is all so much of the
same kind, that it is
impossible to read it
all. The only way to
get the best of it is
to read it with a
critical eye, and to
select the best of it.
The only way to do this
is to read it with a
critical eye, and to
select the best of it.

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ Западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы; но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и геніемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тлѣнное и мало-значительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ пріобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчію.

Обстоятельства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препятствовали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе. Они не перемѣнились, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть можетъ, бесполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

По большей части историческія записки составляютъ государственными людьми, полководцами, любимцами царей, однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и въ коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки -- главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ за-

мѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ тоже время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ; глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды: я долго жилъ посреди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ также отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, всѣ состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ Востока до Запада и отъ Юга до Сѣвера и былъ внѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана странствовалъ до Содомы Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ *) завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволить мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ; а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допустить меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и

*) Сочинитель женатъ не былъ. Ц. Б.

портреты и многообразіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но, дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ я необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ, что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ. Одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Илукъ и Куртна. Мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ. Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ; я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе, что представилось къ тому весьма удобное средство: г. Брунъ, шуринъ г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамиліи, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ и, что еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусомъ.

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получаютъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое Латинскимъ *усомъ*. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой—сынъ какого-нибудь пастора или профессора Финскаго племени, который, исходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли

непремѣнно ему нужно было себя латинизировать, не называться ему донъ-Вигелемъ, какъ были донъ-Калметъ, донъ-Букетъ. *Донъ* не такъ тѣсно связывается съ именемъ какъ *усъ*; его легче отбросить. Хвала дѣдушкѣ, что, вступивъ въ военную службу, онъ сбрилъ сей ученый усъ.

Но какъ бы то ни было, я не Шведъ. Увы, нѣтъ никакого сомнѣнія: я Финнъ или Эстъ, или, попросту сказать, Чухонецъ! Потомству обязанъ я говорить всю истину, но отъ современниковъ буду тщательно скрывать сію ужасную тайну. Открывъ ее, враги-насмѣшники конечно не оставятъ попрекать меня Чудскою моею породой. Они готовы сдѣлать болѣе: они готовы будутъ сравнивать меня съ сими безчисленными несчастными, презрѣнными тварями, съ сими потерянными женщинами, кои, родясь въ окрестностяхъ сѣверной столицы, такъ легко впадаютъ въ бездну пороковъ, и которыя думаютъ возвысить себя и состояніе свое, называя себя Вѣтками, т. е. Шведками. Впрочемъ, что дѣлать? Если бы сіе и случилось, у меня всегда будетъ чѣмъ заплатить имъ.

Похвастаться дѣдомъ моимъ, Лаврентіемъ Владимировичемъ (какъ Русскіе его называли) имѣю я болѣе причинъ. Почти съ самаго дѣтства слѣдовалъ онъ за побѣдоносными знаменами Карла XII, быстро проходилъ чины и земли его герою покорявшіеся и въ званіи капитана драбантскаго полка, едва имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, взятъ былъ Русскими въ плѣнъ подъ Полтавою. Почему съ другими плѣнниками не былъ онъ тогда отправленъ въ Сибирь, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы Остзейскихъ провинцій, сдѣлавшіеся новыми подданными Петра Великаго.

Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой и никогда не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ своей и долго велъ уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю какъ сіе случилось, но наконецъ полюбилась ему одна благородная дѣвица, Гертруда фонъ-Бриммеръ. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, и по ней отецъ мой и дяди удостоились чести быть въ родствѣ съ Буксгевденами, Бревернами, Розенами и другими знаменитыми Лифляндскими баронами—чести, которою я, по крайней мѣрѣ, всегда весьма мало гордился.

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣдѣ моемъ я не имѣю, ибо отецъ мой выросъ не при немъ и рано его лишился. Знаю только, что онъ никогда не покидалъ своего помѣстья, былъ столь же трудолюбивымъ хозяиномъ, какъ храбрымъ воиномъ, и что сей капитанъ-Цинциннатъ всегда плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію.

Доказательствомъ сей ненависти служить слѣдующее. Изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ, не знаю по какому праву, послалъ онъ за границу служить другому герою, великому Фридриху.

Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана: одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, уцѣлѣлъ въ Семилѣтнюю войну; другіе же трое Оттонъ, Фредерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибли отъ Русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ Прусской службѣ умеръ генераль-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуня. (Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенапъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пансіона, посредствомъ нашей миссіи).

Младшихъ трехъ сыновей своихъ, Ивана, Якова и Филипа, рѣшился дѣдъ мой посвятить Россіи; но на то были особливныя причины.

Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейнскій, внукъ сестры Карла XII-го, великій почитатель, какъ извѣстно, великаго Фредерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола. Но его блеска какъ бы не видѣлъ сей слѣпотствующій Германецъ; могущество народа, надъ коимъ ставила его судьба, не могъ понять сей слабоумный, сей слабодушный внукъ Петра Великаго. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ: воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Нѣмцы, кои сохраняли ихъ въ немъ и въ его царствованіе, надѣялись воскресить времена Бирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки. Подобно Фридриху, обожателю всего Французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ (сихъ мыслителей по превосходству) и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, Всероссійскій наслѣдникъ началъ подражать всему Нѣмецкому, презиралъ все Русское и мундиръ Прусскаго генерала предпочиталъ императорской коронѣ. Забывая или не зная, что создатель Прусской славы вводилъ строгую дисциплину въ войскѣ и образовалъ солдатъ своихъ не для парадовъ, а для побѣдъ, онъ первый у насъ началъ видѣть просвѣщеніе въ маршировкѣ и, говоря словами того времени, въ метаніи артикула. Потому-то Голштейнскій его баталіонъ и Кадетскій Корпусъ Нѣмецкаго изданія, коего онъ былъ шефомъ, сдѣлались постоянными, единственными предметами его занятій.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистой землѣ. Ихъ приняли въ Кадетскій Корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала Русскую кровь,

другая содержалась и воспитывалась на Русскія деньги. Старая Россія, въ незлобїи и безпечности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ. Въ наукахъ, въ поведеніи, даже самою наружностію младшій отличался отъ двухъ старшихъ — это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему живѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвращаться. Теперь поспѣшу окончить рассказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями, они не могли пойти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что въ старину называлось «забубенный»: влюбчивъ, мотовать и весьма не строгихъ правилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчательнъ необыкновенною честностію въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки; они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьей въ Санктпетербургскомъ Надворномъ Судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отмѣнно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но какъ говорится, доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной движимости, не оставилъ. Долгое поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его знавалъ и всегда дивился скромности его желаній и удовольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ Нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же нанималъ онъ огородъ въ Екатерингофѣ и, покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и почтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна: онъ зналъ любовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ-бъ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ

это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава Евангелическихъ въ Россіи церквей, и протестантизмъ, видно, былъ у насъ не лучше магометанской вѣры (что бы, кажется, ему такъ и не оставаться!) Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ. Я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускаться. Увы, говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ, чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Ѳедоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софіи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старѣе, такъ что племянникъ былъ почти ровестникомъ дядѣ. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непріятельскій огонь въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣдній же разъ въ чинѣ генералъ-майора подъ Парижемъ въ 1814-мъ. И такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ (куда его сдѣлали комендантомъ), на приступѣ и при взятіи коего онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь израненъ и, не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить, при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Подъ конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генералъ-лейтенантомъ, и хотѣлъ еще разъ взглянуть на столицу. Дорѣгой, въ Твери, одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣреніемъ его убить и ограбить; разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мъ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургъ. Казалось, онъ безсмертенъ; однакоже по пріѣздѣ кончилъ онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденія своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1-го Января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежит и самый бракъ; онъ выигралъ жену свою на билиардѣ. Одна молодая,

прекрасная Кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтреннаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ билиардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ. Когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Аріадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять. Кажется, искренно она его никогда ни любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ быть своею заботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ, какъ за ребенкомъ *). Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайны муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умильнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, невозможно Марину Игнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губернскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ: онѣ живутъ тихо, спокойно, и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безпрестанныхъ переходовъ, среди шумной, бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: «нашъ полкъ», «нашъ эскадронъ»; онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться вмѣстѣ съ ними и жертвовать за нихъ жизнію, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное; онѣ милы какою-то солдатскою откровенностью. Жаль, что ни одна изъ нихъ неизвѣстна

*) Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимся пожизненными только достаточными доходами, жениться на пожилыхъ красавицахъ не строгой нравственности и владѣвшихъ долго искусствомъ плѣнять: по старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему поклоннику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ и, окруженный призраками, старый мужъ медленно приближается ко гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы; но примѣръ Польки Шишковой нашелъ уже подражаніе въ Нѣмкѣ Обрѣзковой. Авось ли сіи оба примѣра возбудятъ соревнованіе въ нашихъ любезныхъ соотечественницахъ. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстаемъ!

Жакобу, Сю или Бальзаку: какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ! Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ неизлишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе, что оригинальность его довольно замѣчательна.

III.

Разсказавъ все, что зналъ, о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о Русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои, гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всесожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть лѣтъ съ не большимъ полтора ста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей именующихъ себя въ исторіи Россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мартыновыхъ, сихъ именныхъ прозваніяхъ, кои по отцу всякій принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или неправо наживши имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмѣвать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ. Послѣ того пусть еще гордятся у насъ древніе дворяне, почитающіе себя древними!

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременною моею матерью, и старшую восьмилѣтнюю дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать, что онъ также ничто иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному дереву; но вотъ что служить дока-

зательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами; а что еще убѣдительно того, матери моей досталось отъ отца по наслѣдству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ отъ Пензы, еще донинѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадѣда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наслѣдству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабушка, овдовѣвъ, вышла второй разъ замужъ за одного Рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вотьчима, въ совершенномъ почти ребячествѣ. Вскорѣ потомъ бабушка ея съ материнской стороны приняла къ себѣ малютку; но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василиемъ Ивановичемъ Чулковымъ и, не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранить здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ, неизвѣстно какъ, попалъ въ придворные истоппики на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и служилъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ: онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже, наконецъ, генераль-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Кривская, урожденная, хотя Татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истоппика, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того, чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я знавалъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы Петровны и со слезами умиленія вспоминали о немъ. Сія государыня,

съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а Европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя Русское; но она не знала тѣхъ приличій, кои нынѣ царямъ необходимы, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣйный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить, лѣтъ съ тридцать тому назадъ, между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ престопаго, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней безсонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала рассказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали, что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга Василій Ивановичъ долженъ былъ также тутъ находиться и, не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и, какъ безсмѣнный стражъ, ложился у ногъ ея. Зная, что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ чистыхъ: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ, чтобы опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокаивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она, вставая ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ; а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря; «охъ, ты моя лебедка бѣлая!».

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпій пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію: для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливыя, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Мнѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни на тронѣ и столько, сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣяніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои, подобно свинѣ Кримова, ищутъ одного навоза, не хотятъ или не умѣютъ отдѣлить частной жизни царей отъ

политической и, привязываясь къ однѣмъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцать мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставилъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и... не погибла. Ангелъ-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной сироты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости (она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ), но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершеннѣйшій, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить о ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отечество побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Благодарное потомство умѣетъ отличать его отъ единоплеменныхъ ему палачей, и имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслию создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравниться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи, почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семь случаевъ предпочитались. Впослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель Корпуса томился въ ссылкѣ, разсад-

никъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола былъ назначенъ его шефомъ. Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Видно, что оно основано было на твердыхъ началахъ: ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ и, подобно своимъ послѣдователямъ, предпочиталъ имъ маршировку. Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ Корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II, и, что всего удивительнѣе, ни одинъ почти изъ воспитанныхъ при немъ кадетовъ не былъ причастенъ къ тѣмъ порокамъ, кои безславили и, наконецъ, сгубили несчастнаго государя.

Въ особенности отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно-дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопристойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча *).

Можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ; но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его, какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть границы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ, на примѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережливость скупостію; смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболѣпство, и благородное чувство собственнаго достоинства въ несносную спѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности, и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе, какъ отца, можно было назвать *l'homme du juste milieu*.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ разсудокъ; страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ

*) Иные, можетъ быть, заключать изъ того, что отецъ мой былъ человѣкъ женообразный, жеманный и найдутъ похвалы мои смѣшными. На тѣхъ, кои знавали его, можно сослаться и спросить: смѣхъ или невольное уваженіе производила краска стыда и негодованія, на мужественномъ лицѣ его иногда выступавшая?

начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ то же время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ: для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ, онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевлѣ и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ. Что же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человекъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человекъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ (ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина), Русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню ихъ сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выражать мысли, если бы въ самихъ сихъ мысляхъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса 1750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ и, что всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя найти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, понеже и дондеже, ни сентиментовъ, реверансовъ, онора, конфузій, словъ иностранныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ, какъ на природномъ, а на Французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человекъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилій ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ Нѣмецкій.

У людей совѣстливыхъ долгъ и склонность въ безпрестанномъ состязаніи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкія, подлыя или незаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщаніемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на порокъ смотрѣлъ въ грозномъ молчаніи. Любопытно было видѣть,

какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: «какой негодный человѣкъ!» Какъ всякій праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сіи несправедливости, но не примѣшивая ни единого оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманія; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ перемѣнить разговоръ. Изъ сего можно заключить, какъ мало позволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнія, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обильными словами облегчать страданія, причиняемыя мнѣ глупостію или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бываютъ обыкновенно нѣсколько лѣнны, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразить ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣтеленъ, онъ не знавалъ минуты бездѣйствія и скуки. Съ ранняго утра причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только, когда ложился спать; халатъ былъ для него эмблемой болѣзни; пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много поменѣе пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность, и въ самыхъ знатныхъ домахъ сами барыни были весьма нечистоплотны. Опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи. Объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православной, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умоляла его совершить надъ нимъ святое мѣропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра Греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ

для моей матери: съ той минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ, что произошло, и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно-христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но, можетъ быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ, что напоминало ему о неволь-но случившейся съ нимъ перемѣнѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не совсѣмъ обыкновенно, но къ счастію и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, что отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изъ всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 Іюня 1740 года; не знаю, когда поступилъ онъ въ Кадетскій Корпусъ, но знаю только, что въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы Петровны былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтовой службы ввели его въ особенную милость къ наслѣднику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими и, щедрый на награды, какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ отца моего въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день, царскія именины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генералъ-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца, объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 Іюня было 28-е. Въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исакиевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ карауль. Екатерина вступила на престолъ.

Тогда попали въ честь Орловы, а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой «въ крѣпость, въ карантинъ». Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили и, не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ къ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтелѣ его, Петрѣ III-мъ. Онъ не хвалилъ его наружности, объ умѣ слова не было; но за то съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ обружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія, чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находившихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ произносилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ея слабостей (о томъ у насъ въ домѣ и помину не было), но за то никогда и не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ее превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хорошъ, ни дурень.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ слѣпаго и умирающаго своего отца, принялъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и, возвратясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ Европейскаго образованія: надобно было открыть ему всѣ отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вызвались охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ. Какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами Нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію! Человѣческій родъ примѣтно умножается, особенно между Славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и

учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода и, несмотря на врожденное въ ней искусство царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ польвъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для принятія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно и безразсудно на краю государства, чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже и пользы отъ того мало: казна тратится, а прибыли не имѣтъ; ибо по прошествіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло; только жители Сарепты размножили сѣянiе табаку и горчицы, что и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генераль-фельдцейгмейстеръ и надъ фортификаціями генераль-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военнoучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей: инженеръ-майора Либгарда и отца моего. Симъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціальныя города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или, лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многoлюдные уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьими крестьянами населенныя, и плодородныя, широкими рѣками орошаемыя степи, никѣмъ или еще мало обитаемыя, и степи безводныя, и солончаки; въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью третью Россіи; въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая; въ ней растутъ береза и виноградъ, произведенія Сѣвера и плоды Юга; въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли, и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой. Сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и, не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ *).

*) Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

бернія Пензенская сжата на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями. Въ противоположность Саратовскаго разнообразія, въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасныя виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно-зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ Русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословій воспріяло Европейское образованіе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣвъ того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе составляетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу: тамъ находилъ онъ начала, нѣкоторые признаки общежитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михайловича провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломой и имѣли плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы, съ тѣхъ поръ построенные, и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни Пензенскихъ дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую (за то человѣкъ хотя нѣсколько достаточный не садился за столъ безъ двадцати-четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ). У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дварня, псарня и конюшня поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣ-

нилось. Правильныя улицы, и изъ нихъ инныя мощенныя, украсились каменными двухъ и трехъ-этажными домами и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы; явилась нѣкоторая опрятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ—необходимые спутники просвѣщенія. Перемѣна во всей Россіи шла гораздо быстрее, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Геній и улыбка Екатерины творили сіи чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Что касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней пріобрѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастью слушались.

Верстахъ въ тринадцати отъ Пензы, по Саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтною дочерью помянутое имѣніе.

Неудивительно, что вдовѣ г. Симбухина, живущей, такъ сказать на чужой сторонѣ, полюбился молодой, красивый и всѣми уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моему отцу. Нетрудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семъ мірѣ счастье бываетъ рѣдко продолжительно: едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны (такъ звали первую жену отца моего), какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но, какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится во владѣніи нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и опорой горестной, бездѣтной тещѣ: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжнѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нея не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи

траурнаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвицами, жившими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодого вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому цѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Французы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвицъ, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но вселяло какую-то робость въ тѣхъ, кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно, противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца; въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки, и захотѣла вторично сдѣлать его счастливымъ. «Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоимъ: женитесь». Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнію.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ Іюнь 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему отменно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повы-

шеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ батальона, опять не помню, котораго-то егерскаго корпуса *).

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было что называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороною, какъ Пенза хлѣбною, тамъ гдѣ все гласить и понынѣ о прибыли, онъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего, по мнѣнію моему, онъ весьма могъ обойтись. Это были секретари Саратовской колониальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы: Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ быть, въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ ему пріятно было найти людей болѣе совѣтливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ. Тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за честность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подъячему открыли путь до степени государственнаго человѣка и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, и пусть мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ Пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался честностью, прямотою, веселостію, незлобіемъ и необычайнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ, казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части

*) Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ. Батальоны назывались нумерами.

агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе *).

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на Востокѣ свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на Югѣ чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда называть тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальонъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятствовало: вмѣсто того, чтобъ подъ знаменами Румянцева идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасти отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали и, подстрекаемые Турками Черкесы всѣхъ наименованій, съ большею безопасностію, съ большею дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попеременно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Дмитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ, насталъ миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣшили они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ міръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ея лѣта, съ ея воображеніемъ, Московскіе праздники оставили неизгладимыя впечатлѣнія, и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Мнѣ всего памятнѣе одинъ рассказъ ея о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какаго-то славнаго бала,

*) Я обоихъ знавалъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желавшихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было: и бастіоны, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою. Правда, и цѣна за то была неимовѣрная; кажется, пять рублей.

Между тѣмъ егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу. Туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, Русскія войска почти не покидали Польши, хозяйничали въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; иныхъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дать никакъ не въ состояніи. И потому-то посреди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москальку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, Польскія дамы сами полюбили ее до того, что, наконецъ, и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Что касается до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знаменитѣйшею Русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ Русскихъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились, въ особенности же начальникъ отца моего, генераль-поручикъ Романіусъ (о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался) и пріятель его, гусарскій полковникъ Древицъ, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались Нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой: онъ пожало-

ванъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта ¹⁾. Тогда полковникъ было и чинъ, и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Недолго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ: ему скоро дали Алексопольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимой мечтой Екатерины. Только не задолго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда, вмѣстѣ того, чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло, и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украшались звучными именами не существующихъ Греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владимиръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, но могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ, при устьѣ Днѣпра, поставить новый городъ, такъ сказать, южный Петербургъ. Въ князѣ Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія и понынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ. Какое поле или, лучше сказать, какая степь представилась тогда для его дѣятельности! Неумоимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ планами, и первый красивый домъ построилъ для себя (въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну). Сии занятія сблизили его, сдружили съ однимъ «Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ» ²⁾, съ извѣстнымъ инженеръ-генераль-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, главнымъ производителемъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли никакъ его не удивила: едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. По-

¹⁾ Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе на подобіе драгунскихъ.

²⁾ Названіе одного романа, впрочемъ не весьма замѣчательнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

добно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ и былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добратъся. Въ младенчествѣ моемъ я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителенъ, не злопамятенъ; а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ, иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности. Однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится Русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ; а со всѣмъ тѣмъ онъ Русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему Императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того, что онъ дѣлаетъ, а того, что можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, кои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ; въ немъ совсѣмъ не было того, что привыкли мы называть спѣсью. Но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно-обидное; взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: «вы не стоите моего гнѣва». Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ неистощимаго его презрѣнія къ людямъ; а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣяннo-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери. Сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздочные шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной маленькой ножки, какъ у моей матери. «Неужели?» сказалъ Потемкинъ. «Я не примѣтилъ. Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка». И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаяніе супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ непріятностей, онъ упросилъ ее отправиться немед-

ленно въ деревню; ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ Виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мірѣ, столь извѣстный послѣ толстый король Виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей недостаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ.... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своею нравію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбельярскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ Нѣмецкихъ принцевъ, въ нашей службѣ находившихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣе чѣмъ ничто; но родному брату супруги наслѣдника Россійскаго престола онъ долженъ былъ невольно показывать болѣе уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто наперекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, посреди такихъ непріятностей, моему отцу самому желательно было отойти съ честію.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ; ему доставалось въ бригады, а въ семь чинѣ немногимъ оставляли полки. Потемкинъ представилъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать было нечего: онъ былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ мыслию близкаго свиданія съ семействомъ и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ недолго дожидаясь производства: онъ получилъ бригадирскій чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность *).

*) Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадирахъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спискахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста; они въ сѣмъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призывала къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ

Не прошло года по прибытіи отца моего въ Пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разскащикомъ слышаннаго, а сдѣлаюсь повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ, что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году; послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ недолго; другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первые пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей; потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня, черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и донинѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ родителей произошла важная переменѣна. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ, наконецъ, поссорился съ Виртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своенравія принца. Потемкинъ былъ великодушень, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставку жившему, доставилъ генераль-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ кліентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскакать въ Петербургъ: съ такимъ талисманомъ въ рукѣ хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: Оло-

ними и, не прежде какъ убѣдясь въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

нецкаго губернатора и Кіевскаго оберъ-коменданта. Онъ предпочелъ послѣднее изъ сихъ двухъ мѣстъ, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно-прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимавшихъ оное. Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ. Въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути честей останавливаться. Я не смѣю роптать на отца моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонецкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Императрицѣ; а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто уменъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-то намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно-многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жителство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминаніе о немъ еще и понынѣ способно извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотецъ градовъ южной и западной Россіи долго стоналъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ не пускали. Уже болѣе полутора ста лѣтъ возвращень онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего Польскимъ правительствомъ, еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты: нищету и великолѣпіе. Безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, беско-

нечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша *).

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возрасло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, лелѣяло меня.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну, является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери, и потому-то оно было приличнѣе моей незабвенной Аксиныѣ Ивановнѣ. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, Русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка; но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія едва не болѣе были для насъ полезны, чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, когда господа немного поменѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ началъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня, начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найти до Петра Великаго и нѣсколько времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиныѣ Ивановнѣ. Она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени, видно, не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все, что преданность имѣетъ благороднаго, являла въ себѣ сія старуха; почтительно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило; но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, приноровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ

*) Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

обязанностяхъ къ Нему человѣка, о любви къ родителямъ, о любви къ ближнему. Даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю: жена гарнизоннаго прапорщика, Василиса Тихоновна (фамильнаго имени ея не запомню, потому что у насъ въ домѣ мало объ немъ заботились). Она была природная, чрезвычайно бѣдная Новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходившаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было незавидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ необразованными солдатскими дочерьми; а въ тогдашнее время (я думаю еще и въ нынѣшнее) трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксиныѣ Ивановнѣ, также умной женщинѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, свѣжая женщина, лѣтъ сорока; важная черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость, умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ: мужа и кого умѣла найти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы. *Бову Королевича, Петра Золотыхъ Ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ рассказывала; однимъ словомъ, была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня, что объ ней, когда приведутъ меня къ матери. Ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту; она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей мамушки былъ довольно отборный. У нея еще было два пріятеля, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской Воскресенской церкви и Кіевскихъ гарнизонныхъ батальоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яновскій, штабъ-лѣкаръ тѣхъ же батальоновъ и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго (ибо, сколько припомню, у насъ въ домѣ всѣ и всегда были здоровы); но помню, что онъ былъ весьма пріятный человѣкъ, небольшого роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только не безобразила его, но въ цѣ-

ломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ Кіевскій бурсакъ, то-есть учился въ духовной академіи; Малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ рассказывалъ происшествія своей Украйны. Отецъ Степанъ рассказывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и прочее; мамушка про Русскую старину; Василиса Тихоновна сказывала сказки. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся быть самъ рассказчикомъ.

Во дни оны, Кіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и Украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и Великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святымъ мощамъ, и, наконецъ, просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему, и должность Кіевского коменданта была тогда совсѣмъ не синекурой, какъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ Европейскимъ вкусомъ и Нѣмецкою бережливостію онъ соединялъ Русское хлѣбосолюство и былъ, какъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто, имъ занимаемое, давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій: повинуюсь волѣ отца моего, она большую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утро занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, которыя подрастали и близились къ возрасту невѣстъ. Опытъ показалъ ей, что можно положиться на Аксиныю Ивановну, и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія строгости кормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостиную. Тамъ видѣлъ я и ленты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любой вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются, а въ другомъ меня забавляютъ, и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной Кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиную моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксиныя Ивановна, и

Василиса Тихоновна! Прибавить ли еще моську Азорку, первую и последнюю собаку, которую я любилъ.

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго; но какой жестокой читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который, можетъ быть, въ послѣдній разъ я бросаю на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни? Сквозь тьму временъ все еще блеситъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время недолго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось и оканчивалось. Едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ, какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наследовать имъ въ его попеченіяхъ. Но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція. Первые ея взрывы уже сбросили мишурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ изъ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ Французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святой мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, внѣ опасностей, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоценности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты Возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ Нѣмецкая и Англійская ученость не могла ожидать великой пользы: Французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась. Въ Италиі науки были дѣло постороннее, но по художественной части тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссены и Ле-Сюёры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французы думаютъ недолго, а иногда и ничего не думаютъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они поспѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды; посредствомъ скипетра ея съ гремушками она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европой; въ поваренномъ искусствѣ Французская школа не въ шутку имѣетъ превосходство предъ всѣми другими; во Фран-

ціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все накумарищенное, налакированное; и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготой. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду. Многіе изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для инаго бывшаго артилериста кухонный огонь замѣнилъ боевой, и на столы гастрономовъ онъ началъ пускать *bombes à la Sardanapale*; познакомились тогда Нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но—хвала имъ!—все не отставая отъ родимаго бирсупа и жаренаго митъ-пфлауменъ-ундъ-розиненъ; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать букли и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во что гораздъ!

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножавшимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію, страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя Русскій хлѣбъ, голодные искусники какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ небольшой охотникъ; а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастью моему, мнѣ на участь достался Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому не имѣетъ никакого отношенія къ моему воспитанію; но какъ въ послѣдствіи Французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ приличнымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы Германскаго педагога. Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ комнатѣ, а уже не въ дѣтской: я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое, изумляли и мертвили меня, пріученнаго къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего; но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ непрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину? Я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности

отеческихъ обязанностей; онѣ казались ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамиліярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъясненій гнѣва; правоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ; онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не позволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ быть, все это весьма нужно съ другими дѣтьми; но у меня оно отняло много счастья, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ не столько грознымъ судіей, какъ пучиной благодати.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ необычайною силой обнаруживалась. Я не смѣлъ вѣрить счастью своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю упрекать священную тѣнь твою: ты всѣмъ жертвовалъ тому, что почиталъ своимъ долгомъ; но еслибы ранѣе открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣе бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель.

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое: съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ, и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы, и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе; отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія; и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юноши? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпрестанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у Переяславскаго коменданта подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Мута для меня въ наставники. Его приняли съ радостію; ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки. Ему самому было довольно лестно перейти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій: онъ

видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты и душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ Лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима; остроуміе Французовъ плѣняло его, равно какъ и основательность и расчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразныя виды, въ коихъ является природа. Станный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма нестрогихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня Русской грамотѣ по Псалтырю и Часослову нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего Русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Муть: часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! Ставилъ въ уголъ, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ линейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человѣкъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность; вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей: ибо, какъ уже я выше сказалъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивлявшіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все собирался полюбить его и подъ конецъ успѣлъ-таки въ томъ. Онъ же съ своей стороны, сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣплялся къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя: зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно Французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я попривыкъ къ

нему и началъ понимать по-нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе; мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и къмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ тоже дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи семействъ. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ *herbier*, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все что касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеологіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, и общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ милости дозволенія дѣтямъ своимъ со мной учиться. Ихъ было трое: сыновья артиллерійскаго генераль-маіора Нилуса, гарнизоннаго маіора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *). Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Муть не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. Поутру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему передъ обѣдомъ; а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это пересказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и какъ-нибудь.

Сверхъ того я бралъ еще другіе уроки: Софійскій кафедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ Законъ Божій, артиллерійскій штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня ариѳметикѣ и геометріи, на-

*) Всѣ они были добрые ребята, простые, провинціальныя, гарнизонныя мальчики, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ именемъ въ мірѣ; но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ, и были утѣшеніемъ и подпорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ, кажется, еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ. Яхонтовъ убитъ въ Фридрихсбургѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами Русскими и иностранными, окончилъ достопамятный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

укамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало успѣвалъ. Одинъ Малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили (кажется, звали его Чернецкій), училъ меня играть на фортепіано, а какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина, если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: нашли, что они бесполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, выпущенные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про танцы еще рѣчь впереди.

Я обѣщалъ въ началѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во всѣ подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто-нибудь еще читать, а память можетъ ослабѣть. Если Запискамъ симъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя и весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернскій архитекторъ Гельмерсенъ, пасторъ Граль, аптекарь Бунге, плацъ-маіоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль. Но гораздо чаще посѣщалъ онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сіи общества, степенныя, спокойновеселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о политикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія; потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброда и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слыхалъ ругательствъ на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно Русскій.

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута: все тянуло его въ Переяславль, и, не смотря на возраставшую его привязанность къ нашему дому, Нѣмецко-лютеранское семейство г. Фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро начнутъ подростать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года,

когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною: черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случилось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ. Когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ; прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. Фонъ-Фока, которое послѣ переѣхало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Перемышля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери Фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей Фонъ-Фока: оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ и вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семъ первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторыя примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланое мною упущеніе.

VII.

Всего памятнѣе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена Польскаго короннаго гетмана. Не знаю, гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью; но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившейся тогда за границей, хотя только въ 80 верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и жила по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ; но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озарялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгартовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ

того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго Польскаго магната, преданнаго Россіи. По всѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріязненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ Смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные говорятъ въ непозволительныхъ, связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старѣе, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ раззоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно-пріятное, свѣжее и серьезно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму Императрицы: длинное нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой *); а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанкою*. Все это напоминало Востокъ и романическо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей чудотворной царицы, списанный искусною рукой Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Лампи, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянетъ на него,

*) Эти пряжки были тогда въ модѣ у всѣхъ дамъ; ихъ называли *пафталями*; онѣ были самой искусной Азіятской работы съ цѣпами, серебряными, позолоченными или золотыми, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими камнями, также смотря по состоянію.

только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною: я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ. Мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтняго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню? Я обмеръ, но скоро подозвала она меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался ея маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому *), видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней. Она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ рассказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который, по мнѣнію моему, заслуживаетъ найти мѣсто въ сихъ Запискахъ: онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Браницкой, пріѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарѣе. Мы смотрѣли разъ въ окошко на планъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные Малороссійскіе пѣшіе казаки-стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами. Ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 1812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ какіе жолнеры (воины) у васъ Москалей». Я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его, какъ смѣю такъ говорить съ Польскимъ графомъ (будто есть настоящіе Польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же, и пошла у насъ сильная драка; насъ розняли, и молодаго графа легонько побранили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патріотизмомъ своимъ и, мо-

*) Графиня А. В. Браницкая скончалась въ 1838 году. Поэтому можно опредѣлить приблизительно время, когда Ф. Ф. Вигель началъ писать свои Записки. П. Б.

жетъ быть, самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слышалъ, какъ про него рассказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Последнихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ, и вотъ почему. Едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже, что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мучимъ и умерщвленъ; еще понятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изъ всѣхъ устъ услышалъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей, и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и немного ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и фесиками.

Вдругъ одна Французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась; все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артилерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ, какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *). Не знаю, какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ. Онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевѣ. Никто не хотѣлъ взять труда доискиваться, откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только: этого было довольно. Дородная его супруга поспѣшила сдѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почитла своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня, не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ. Мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ, поднялъ глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохо-

*) Нынѣ мы стали умнѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

тался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребиный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они протекаютъ, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подъ нимъ старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами Тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекроеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ нея атмосферу, которою обыкновенно дышать только по близости сельдяныхъ буяновъ. Вы человѣкъ благоразумный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы; но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ невзыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семъ упражненіи; не знаю, какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней принюхались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любитъ, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ ней церемониться; у насъ въ домѣ до того дошло, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человѣка за *Шардоншей*! Такъ называли ее позаочности, но въ глаза поступали съ ней почтительнѣе. У нея спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили Марью Леонтьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? Держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ готовить себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странное существо. Мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мепитизма, ею распространяемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ ученымъ видомъ учитель мой,

г. Муть, отъ котораго желаній своихъ я скрыть не умѣлъ. «Тучность тѣла, сказалъ онъ мнѣ, располагаетъ ее къ частой транспираціи, а по дурной привычкѣ или по лѣности, она рѣдко мѣняетъ бѣлье; она полагаетъ, что свѣжесть лицу даютъ румяны, а не вода, и употребленіе сего элемента, кажется, ей вовсе незнакомо; наконецъ, любимая пища ея, сколько я могъ замѣтить, Голландскій сыръ, треска, чеснокъ и фезандированная, то-есть, полусогнившая дичина». Симъ объясненіемъ совершенно удовлетворилось мое любопытство.

Нѣкоторые изъ замѣчаній моихъ насчетъ г-жи де-Шардонъ въ послѣдствіи времени оказались весьма основательными. Въ одной изъ комнатъ занимаемаго нами дома висѣло нѣсколько довольно дурно гравированныхъ эстамповъ съ картинъ Теньера и Остада; въ каждой изъ нихъ видѣлъ я по Шердоншѣ; я сказалъ объ этомъ, и тѣ, которые имѣли нѣкоторыя понятія о живописи, начали подозрѣвать, что она принадлежитъ къ Фламандской школѣ. Когда эмиграція до того размножилась, что нѣкоторые эмигранты начали даже появляться въ Кіевѣ, то между ними были какіе-то проѣзжіе старики, которые ни мужа, ни жену за соотечественниковъ признать не хотѣли, утверждая, что они Бельгійскіе уроженцы, и тайкомъ увѣряли, будто когда-то видѣли ихъ въ Антверпенѣ или въ Монсѣ увеселяющими публику пляскою на канатѣ: по ультра-дорождному сложенію г-жи де-Шардонъ трудно было этому повѣрить.

Скорѣе можно было найти что-то плясовое въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ супруга ея. Онъ былъ длинный и сухой старикъ, на длинныхъ и сухихъ ногахъ, которыми ежедневно мѣрилъ онъ верстъ до пятнадцати, обходя каждый день верхнюю, среднюю и нижнюю части Кіева. Какимъ образомъ онъ сдѣлался инженеромъ, это бы знать весьма любопытно; въ Россію вѣдь не прямо же онъ сорвался съ каната. Если догадки мои справедливы, то прежде того былъ онъ работникомъ у какого-нибудь оптического мастера, ибо черствыя его руки и пальцы носили на себѣ слѣды ремесленныхъ трудовъ, и онъ вѣчно занимался дѣланіемъ барометровъ и термометровъ и, разумѣется, за деньги снабжалъ ими весь Кіевъ. Сверхъ то, онъ былъ великій штукать и эскамотёръ; сіе искусство было тогда еще въ дѣтствѣ, мы видѣли въ немъ почти колдуна; а мнѣ приходитъ иногда на мысль, что эти господа Французы, прежде отправленія въ Россію, вѣроятно, совѣтуются между собою, а можетъ быть и мечутъ жребій, кому за кого себя выдавать. Инженерная часть выпала на долю мусью Шардону, а для сей роли онъ уже былъ приготовленъ и прежними своими занятіями.

Существованіе его въ Россіи было, впрочемъ, не блестящее: они съ женой были очень бѣдны, и нынѣшніе инженеры по всѣмъ наиме-

нованіямъ должны тому дивиться. Приписать ли сіе безкорыстію его или недостатку въ доходныхъ занятіяхъ? Его все переводили изъ старой крѣпости въ старую крѣпость; строеніемъ же новыхъ въ царствованіе Екатерины занимались Сухтелены, де-Витты, де-Воланы, столь же благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ одарила Голландія, единственная западная страна, постоянно Россію однимъ полезнымъ надѣляющая.

Генераль де-Шардонъ былъ въ Кіевѣ покровителемъ одной весьма нестарой, свѣжей и плотной Жидовки, которая не только умѣла плясать на канатѣ, но даже ходить по проволоку. Прежде, бывало, онъ самъ привозилъ къ намъ и даромъ показывалъ Китайскія тѣни, но, выучивъ ее тому, уступилъ ей и право свое. Сего мало, онъ составлялъ для нея маленькія пьесы, пантомимы, неизвѣстныя еще Кіевлянамъ; въ нихъ увидѣли мы ее Коломбиной, а двухъ гдѣ-то избранныхъ шутовъ Арлекиномъ и Пьерро. Все это чрезвычайно умножало доходы ея и правѣ г. Шардона на ея благодарность. Сія женщина дерзостно и безнаказанно назвала себя мадамъ Россети; слава сего имени не гремѣла еще въ мірѣ, и можетъ быть сама Жидовка почитала его вымышленнымъ, а можетъ быть и имѣла на него какое-нибудь право.

Еще нѣсколько словъ о Шардонѣ и Шардоншѣ: я ничего не сказалъ о томъ, были ли они по крайней мѣрѣ добрые люди. Онъ въ обществѣ бывалъ очень мало, а когда бывалъ, то мало говорилъ; ибо немногіе тогда знали по-французски, а онъ, какъ уже я выше сказалъ, не умѣлъ или не хотѣлъ выучиться по-русски; однакоже, злодѣй, столько зналъ на нашемъ языкѣ, чтобы говорить, разсердясь за бездѣлицу на деньщика и приказывая его раскладывать: «клади его на сюртурокъ и давай ему сто палкъ!» Что касается до нея, то она была женщина не злая, и гибкость ея характера, а не стана, служить тому двойнымъ доказательствомъ. Главный порокъ ея былъ непостоянство; душою пухъ, хотя и свинецъ тѣломъ, она быстро мѣняла пріятелей. Дружбою ея обязаны мы были комнатамъ немного лучше чѣмъ у другихъ убраннымъ, весьма худо, но лучше чѣмъ у другихъ освѣщеннымъ, нанятому довольно искусному повару, для всѣхъ открытому столу, и большому, чѣмъ у другихъ, числу гостей; но, Боже сохрани, если, бывало, болѣзнь или какая нибудь скорбь посѣтитъ домъ нашъ: тогда съ ней прощайся; тогда она нашей печали, а мы ея веселости уже видѣть не можемъ; тогда тѣло ея, вмѣстѣ съ духомъ, отъ насъ отлетитъ. Случалось иногда, что завистники подарками стараются ее переманить, и въ томъ успѣваютъ. Что за бѣда! Если, бывало, старая шляпка отниметъ ее у насъ, то блондовая косынка, ея легкомыслію подобная, опять намъ ее возвратитъ.

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 1793-мъ или въ 1794-мъ году, Кіевскій вице-губернаторъ Башиловъ (отецъ сенатора-забавника) пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ изъ Москвы князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *). Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить и, покрытый симъ мишурнымъ блескомъ, совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію формъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ достоинствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Хованскаго пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтренность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь Французскаго не съ Нижегородскимъ, а съ Московскимъ. Совсѣмъ противное случилось съ бывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго, сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружились любезность ея ума, и кротость нрава, и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина; но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской спѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность. На лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала

*) Сихъ бригадировъ называли дюжинными, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ каждаго гвардейскаго полка, коихъ было четыре; это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему неспособные. Князь Вяземскій ошибается, полагая, что Фонъ-Визинъ комедіей своею заклеилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадаръ* старинный служака, а въ долготѣнее царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество Московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, ко всѣмъ привѣтливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла, втайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самовужнѣйшемъ. *Dulde, lächle und stirb* (терпи, улыбайся и умирай): такъ въ трехъ словахъ одинъ Нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду кн. Хованскую.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгиней, и дружба съ нею была совсѣмъ иного рода чѣмъ съ г-жею де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердець, княгиня Хованская съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма простительные ея недостатки, молила ее воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь, и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись, видно, повѣрять ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выражается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія, то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь Хованскій любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же непріятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальною своей жены далъ онъ ей комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью. Сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинуюсь невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго города; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже самыхъ низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную добродѣтели.

Для вѣрной супруги, чтò можетъ быть горестнѣе, унижительное сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она покорялась волѣ мужа

и несла безъ ропота тяжелый крестъ сей. Но для бѣдной княгини были еще другіе источники скорби: получивъ въ приданое весьма хорошее состояніе, она принесла его въ жертву прихотямъ своего мужа; имѣніе сіе было совсѣмъ разстроено, все въ долгахъ. Въ то же время умножалась болѣзнь таящаяся въ груди ея, силы изнемогали, и, нѣжно любя трехъ малютокъ, дочерей своихъ, она уже видѣла грозящія имъ нищету и сиротство.

У трехъ дѣвочекъ сихъ были совсѣмъ различные характеры и наружность. Старшая изъ нихъ, Наталья ¹⁾, была умна и только этимъ не походила на отца своего; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально-привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское, и она исполнила свое предназначеніе. (Она давно живетъ въ Москвѣ, тамъ очень извѣстна и замужемъ за столь же извѣстнымъ тамъ почтдиректоромъ Булгаковымъ). Средняя ²⁾, Прасковья, была дѣвочка смирная, добрая, простая, вся какъ-то сжатая въ комокъ, не хороша собою, и самое неблагообразіе ея не имѣло въ себѣ ничего примѣчательнаго: его можно было назвать общимъ мѣстомъ. Но меньшая, Софія ³⁾, была, какъ говорили въ старину, вылитая мать. Никакому ребенку не могло быть приличнѣе названіе ангела; тоненькое, эфирное созданіе, съ прекраснымъ личикомъ и молящими взорами. Ей также, какъ и матери, не суждено было оставаться долго на землѣ, но участь ея была счастливѣе; она вышла за красиваго, благороднаго юношу, который страстно любилъ ее и пошелъ за нею въ могилу. Если еще нужны сравненія, то старшую изъ сихъ сестеръ можно было уподобить молоденькой вакханочкѣ, еще удерживаемой стыдомъ, но готовой скоро его сбросить; меньшая была совершенная сильфида, средняя — гномъ.

Князь Хованскій любилъ хлѣбосоольство нашего дома, жена его любила хозяевъ; живши въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, наши семейства видѣлись почти каждый день. Я росъ вмѣстѣ съ миленькими дѣвочками и, признаюсь, общество ихъ предпочиталъ дружбѣ моихъ добрыхъ товарищей. У нихъ не было тогда гувернантки, а няня и учитель, старый Французъ, мусью Фремонъ, который самъ былъ охотникъ буфонить и надъ которымъ всѣ трунили; вскорѣ явился еще Французъ-танцмейстеръ, мусью Потѣ, маленькій, старенькій, худенькій, чопорный и съ пребольшими претензіями на бельомство. Я все болѣе и болѣе дивился, стараясь понять, какъ могутъ цареубійцы быть

¹⁾ Н. В. Булгакова ум. въ 1841 г. Слѣд. Вигель началъ писать свои Записки до 1841 г.—²⁾ Впослѣдствіи супруга Вас. Александр. Обрѣзкова.—³⁾ За Прокоп. Фед. Соковиннымъ, бабка графа А. В. Бобринскаго. П. Б.

такъ смѣшны. Два раза въ недѣлю ходили мы съ маленькимъ Нилусомъ къ кн. Хованскому брать танцевальныя уроки у г. Потò; на cadaго изъ насъ были по двѣ дамы, три маленькія княжны, да еще Настенька Бережецкая, нынѣшняя сенаторша Безроднова, дочь обогатившагося бывшаго таможеннаго чиновника, служившаго въ Казенной Палатѣ подѣ покровительствомъ вице-губернатора. Я былъ довольно толстъ, тяжелъ, неповоротливъ и нѣсколько лѣнивъ, и мнѣ отъ Француза иногда доставалось хлыстикомъ по ногамъ, чтобы выше прыгать. И безъ того уже я его терпѣть не могъ; одинъ случай заставилъ меня его возненавидѣть.

Я любилъ подслушивать, когда говорили о любви, и наконецъ, мнѣ самому вошло въ голову, будто я горю чистѣйшимъ пламенемъ къ меньшей изъ княженъ Хованскихъ; разумѣется, я ни слова не смѣлъ о томъ сказать ей, равно какъ и старшей ея сестрѣ, которую также любилъ, но какъ-то иначе. Не надобно забыть, что мнѣ еще тогда не было десяти лѣтъ отъ роду. Вдругъ почувствовалъ я третью страсть, въ ней смѣло открылся и не худо былъ принять. У этой маленькой Бережецкой, которая меня годомъ была моложе, были такіе чудесныя глазки, и такой поощрительный взоръ, и такія прелестныя губки, что разъ, во время танцевальнаго класса, въ углу, гдѣ я полагалъ, что насъ никто не видитъ, я рѣшился ее поцѣловать, а проклятый Потò очутился тутъ какъ-тутъ. Онъ раскричался насчетъ безнравственности Русскихъ, у которыхъ даже дѣти заражены порокомъ, и никто не умѣлъ зажать ему ротъ. Я жестоко былъ наказанъ, не тѣмъ, что дома, хорошенько побранивъ меня, поставили на колѣна, но тѣмъ, что бѣдную дѣвочку за меня высѣкли.

Я и въ ребячествѣ былъ столь же долготерпѣливъ, какъ непокоренъ и упрямъ, когда мѣра терпѣнія моего преисполнялась. Ни угрозы, ни удары хлыстомъ не могли меня сдвинуть съ мѣста; злодѣю-Французу отвѣчалъ я на нихъ презрительно-насмѣшливымъ взоромъ. Я разсказалъ моей матери о рубцахъ, которые покрываютъ мои ноги, и г-ну Потò отказали не совсѣмъ учтивымъ образомъ. Самъ кн. Хованскій, который о танцевальномъ искусствѣ имѣлъ вообще столь высокое мнѣніе, съ видомъ состраданія совѣтовалъ отцу моему не тратить за меня понапрасну денегъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «жаль, право, мальчика; изъ него никакого прока не будетъ». Мадамъ Шардонъ, которая всегда присутствовала при нашихъ танцевальныхъ упражненіяхъ, глядя на меня, также пожимала плечами, дивясь, какъ можно даже на полу не выучиться плясать.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, князь Хованскій, не знаю за чѣмъ-то, сколько помнится за Владимирскимъ крестомъ на шею, по-

уѣхалъ въ Петербургъ, оставя жену со всѣми признаками злой чахотки и съ началомъ водяной болѣзни. Оттуда вскорѣ прислалъ онъ для образованія дочерей молодую эмигрантку, мамзель де-Рювиль, съ эмигрантомъ-отцомъ. Онъ скоро куда-то уѣхалъ; а она, полуденный цвѣтокъ, въ варварскую страну заброшенный, какъ будто всѣмъ брезгала и была весьма не сообщительна; но, надобно признаться, имѣла отмѣнный тонъ, вѣжливый и пристойный. Въ обоихъ мнѣ всего памятнѣе костюмъ ихъ, который былъ новостью для всѣхъ жителей Кіева. Онъ былъ въ темно-синемъ, довольно поношенномъ фракѣ, съ непокрытою головой, даже на улицѣ, всегда съ шпагою при бедрѣ и шляпою-блиномъ подъ мышкой; такъ, говорилъ онъ, всегда слѣдуетъ быть легко-кавалерійскому Французскому капитану. Прическа его также была замѣчательна; вмѣсто тупея, волосы его въ самой серединѣ головы дѣлились на двое дорожкой, называемой *chemin de Coblenze*, въ обѣ стороны шли очень гладко и оканчивались надъ ушами огромными тuffами à l'aile de pigeon; сзади, вмѣсто обыкновенной косы, какія тогда носили, былъ у него толстый, довольно короткій, вдвое согнутый катоганъ; за неимѣніемъ пудры и помады, то-есть денегъ на покупку оныхъ, все это было туго набито саломъ и мукой. Мамзель Рювиль первая явилась къ намъ съ короткою таліей, опоясанная преширокою лентой, которая спереди на лѣвой сторонѣ завязывалась огромнымъ бантомъ съ длинными концами; у нея увидѣли мы также въ первый разъ короткій шиньонъ, книзу расширяющійся и открывающій весь затылокъ, что, кажется, называлось à la guillotine.

Конецъ страданій несчастной княгини Хованской приблизился: она слегла въ постель и съ нея уже болѣе не вставала. Мать моя была при ней неотлучно; кромѣ ея и одной монахини Александры, она никого въ послѣдніе дни своей жизни видѣть не соглашалась. Она велѣла позвать дочерей, благословила ихъ, поручила ихъ моей матери, просила ее взять ихъ къ себѣ до возвращенія отца, потомъ отпустила ихъ и черезъ нѣсколько минутъ отдала Богу праведную душу свою. Погребеніе ея, которое, по позднему осеннему времени, мнѣ позволено было только видѣть въ окно, было самое необыкновенное: не было ни одного экипажа, но цѣлыя толпы, тысячи со стономъ и слезами шли за гробомъ, который важнѣйшіе чиновники несли попеременно съ простолюдинами. Все многочисленное Кіевское духовенство также пѣшкомъ провожало процессію; нѣсколько дней вездѣ встрѣчались печальныя лица, и святой градъ оплакалъ истинно-святую жену. Можно ли повѣрить! Лѣтъ четырнадцать тому назадъ былъ я въ Кіевѣ и не нашелъ почти никого, кто бы ее помнилъ; теперь едва ли сыщется кто-нибудь такой, который слыхалъ объ ней. Я посѣтилъ ея

могилу и нашелъ, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высокихъ добродѣтелей совсѣмъ потерявъ для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ и утѣшаюсь надеждою, что когда случайно появятся Записки сіи, когда кости мои будутъ истлѣвать въ утробѣ земли, на поверхности оной ея нетлѣнные останки будутъ чтимы православными.

Возвратясь изъ столицы, князь Хованскій, на печальныя ему привѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на Кіевскихъ балахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роялистка древней фамиліи требовала серьезной законной любви. Шардонша ладила сдѣлать ее княгиней; дѣло не состоялось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини Хованской, наши семейства рѣже видѣлись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сблизилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано утромъ; я жилъ тогда на антресолѣ и еще спалъ. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя Хованскаго, высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соколовъ, соколомъ бросился вверхъ и нашелъ, что я преспокойно сплю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и пламя бѣгомъ снести по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашелъ моихъ родителей. Не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соколову. Какъ я былъ босъ и полунагъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю Хованскому; тамъ оставался я недѣли двѣ, пока заняли другой домъ, и все опять пришло въ порядокъ.

Семейство князя Хованскаго, коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того недолго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Башилову, князя Хованскаго сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жизни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерьми. Онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и о Соколовѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время было еще въ Кіевѣ нѣсколько примѣчательныхъ лицъ, съ коими непременно надобно мнѣ познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ Кіевскомъ обществѣ. На сіе намѣренъ я посвятить слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при Польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ Русской исторіи нигдѣ не встрѣчается. Первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила и въ Единбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины. Но ученіе и самый опытъ не даютъ того, что природа отняла.

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру Англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать и кои часто ничтожныхъ тварей, изъ одной оригинальности, возводятъ въ званіе супруговъ своихъ, онъ долго не задумался, взялъ да и женился, не бывъ даже серьезно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ; но, по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генералъ-майора.

Горе ученымъ глупцамъ! Для головы ихъ обширныя познанія тоже, что жирная пища для слабаго желудка: ихъ безпрестанно несетъ вздоромъ.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго Кіевского переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ людей, какихъ могъ найти въ Кіевѣ, шутовъ, всякую иностранную сволочь, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости. Несчастный утѣшался презрѣніемъ, которое могъ онъ изливать на всѣхъ окружающихъ его, на жену, на тестя, на всю родню ихъ.

Не смотря на несправедливое пренебреженіе, которое онъ также оказывалъ какъ жителямъ того города, который выбралъ онъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, такъ и обычаямъ ихъ, они сначала приглашали его на всѣ праздники свои, на всѣ вечеринки. Онъ былъ красивый, видный мужчина и также, какъ Хованскій, страстный охотникъ до танцевъ, которые тогда были едва ли не болѣе въ модѣ, чѣмъ нынѣ; но онъ не хотѣлъ на вечерахъ сихъ ни одну даму, ни одну дѣвицу пригласить, а съ начала до конца безпрестанно танцевалъ съ одной своей женой. Какъ бы не замѣчая, что есть хозяйева, есть гости, онъ безъ церемоніи сажалъ ее къ себѣ на колѣни и цѣловалъ въ засосъ; потомъ, за что-нибудь поссорившись съ ней, при всѣхъ начиналъ ее бить по щекамъ.

Мои родители застали его уже женатаго и сначала, какъ и всѣ другіе, водили съ нимъ знакомство. Досадуя на цѣлый міръ, онъ всѣхъ поносилъ, всѣхъ клеветалъ и тѣмъ уже охолодилъ отца моего. Одинъ вечеръ, будучи у насъ, онъ за что-то прогнѣвался на жену и далъ ей толчка; тогда отецъ мой ему напомнилъ, что онъ не дома и просилъ для супружескихъ исправленій избрать другое мѣсто. Онъ гордо поглядѣлъ на него, не сказавъ ни слова, потомъ взялъ подъ руку битую жену и вышелъ съ нею съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ отца моего. Сей примѣръ подѣйствовалъ на Кіевлянъ; наскучивъ его отвратительными странностями, одинъ за другимъ перестали къ нему ѣздить и звать его къ себѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ потомъ въ шумномъ своемъ уединеніи, среди грубыхъ, отчаянныхъ наслажденій, ни на что неупотребляемый, забытый дворомъ и ненавидимый обществомъ.

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица; помѣщики же бываютъ въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской, Черниговской и Новгородско-Сѣверской; бѣольшая часть нынѣшней Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители Черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе Новгородско-Сѣверскихъ, сохранили или приняли много Русскихъ навыковъ, бывши неоднократно подъ владычествомъ Московскихъ государей; жители же южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были при Хмѣльницкомъ.

Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ Кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два-три передъ тѣмъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщъ и галушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту же Запорожскую неопрятность. Ихъ губернскій городъ былъ за Днѣпромъ, почти въ ненавистой имъ Польшѣ, и со временъ Петра Великаго въ немъ непрерывно начальствовали Москали и Нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа имъ вовсе не были чужды; однакоже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, то обязанные служить по выборамъ, то привлекаемые пріятностями общежитія, они начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться.

Въ изображеніи лицъ, составлявшихъ тогдашнее Кіевское общество, долженъ буду я слѣдовать, такъ-сказать, іерархическому порядку мѣстъ, ими занимаемыхъ, и потому долженъ начать съ губернатора или правителя намѣстничества, какъ Екатерина Вторая, сія Нѣмка, страстная ко всему Русскому и вводившая вездѣ Русскія названія, повелѣла имъ именоваться.

Тогда управлялъ Кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-лѣтній, полумертвый старецъ, Семень Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генералъ-поручикъ по арміи, въ Польской лентѣ Бѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямылся оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честію и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемыя. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чиновничеству, которое въ то время строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ. Его довольно любили, но семейство его было самое странное; вообще весь этотъ родъ Ширковыхъ, Курскихъ помѣщиковъ, какъ прежде такъ и послѣ, имѣлъ весьма худую славу; членовъ его обвиняли въ насиліяхъ, убійствахъ, кровосмѣшеніи, разнаго рода преступленіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были доказаны по дѣламъ. Такъ какъ семейство сіе недолго при насъ оставалось и я чуть его помню, то и почитаю себя въ правѣ не входить въ описаніе всѣхъ ужасовъ, кои слышалъ я послѣ о сихъ Русскихъ Атридахъ.

Послѣ Ширкова былъ губернаторомъ Василій Ивановичъ Красномилалевичъ, Смольянинъ, человѣкъ умный и пріятный, израненный, извѣстный храбростію генералъ, который и на гражданскомъ поприщѣ умѣлъ показать усердіе и способности. Онъ былъ холостъ и не слишкомъ богатъ, слѣдственно и не могъ имѣть открытый домъ, однакоже

нѣсколько разъ въ годъ давалъ балы. О вице-губернаторахъ или поручикахъ правителя я уже говорилъ.

Изъ губернскихъ предводителей мнѣ памятенъ Демьянъ Демьяновичъ Оболенской, человекъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячъ душъ и жену красавицу и кокетку *). Тѣмъ и другой онъ чрезвычайно гордился; а послѣднею гордились или, лучше сказать, хвалились еще и другіе. Онъ лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорятъ, у него столъ не накрывался, а не раскрывался: цѣлый день пили и ѣли: завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ; послѣ обѣда закуски или заѣдки, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе, и все это заключалось столъ же изобильнымъ ужиномъ. Ну ужъ желудки были въ старину! Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина. Меня какъ-то разъ взяли съ собой на одинъ изъ сихъ вечеровъ. Вотъ что я нашелъ: двѣ пріемныя комнаты, длинную и низенькую залу и гостиную немного ея поменьше, обѣ обклеенныя самыми обыкновенными бумажными обоями и освѣщенныя довольно плохо, однакоже восковыми свѣчами, что тогда почиталось роскошью; всѣ мебели простаго дерева, обитыя разноцвѣтными ситцами; и посреди такой простоты, на карточныхъ столахъ шандалы, а по угламъ канделябры, литые, тяжеловѣсные, серебряные, а иные позолоченые; цѣлый полкъ служителей, не совсѣмъ худо одѣтыхъ, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ разносящихъ питья и яствы. Жена г. Оболенскаго носила брилліанты, жемчуги и богатая платья, изъ которыхъ каждое, однакоже, въ зиму разъ по десяти или по пятнадцати, безъ всякой на немъ перемѣны, появлялось на балахъ. Изъ всѣхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, исключая Разумовскихъ, одинъ Оболенской позволялъ себѣ такъ жить. Но вся эта роскошь, какъ можно видѣть, была весьма не раззорительна тѣмъ болѣе, что цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія. Имѣніе свое оставилъ онъ по смерти въ цѣлости, безъ долговъ, единственному сыну своему, неразсчетливому, необузданному, сластолюбивому, который началъ жить въ прихотливый вѣкъ и предаваться всѣмъ прихотямъ своимъ, который, гнушаясь вандальскимъ гостепріимствомъ отца, составилъ себѣ въ Петербургѣ избранный кругъ повѣсь и съ ними, невидимымъ образомъ, умѣлъ промотать не только отцовское наслѣдіе, но и другія ему доставшіяся,

*) Она была родная тетка извѣстнаго Якубовича.

во Французскихъ трактирахъ на Страсбургскихъ пирогахъ и Шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о Кіевскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома; ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера. Хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно Польскимъ *) съ почетнѣйшею изъ дамъ; мушны выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки, и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мушны становился противъ ряда женщинъ. Старались сколь можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Соорег; другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, Прѣжуге vaincu, Англіійскій променады. О мазуркѣ и краковякѣ и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши; также о матрадурѣ и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Въмѣсто Французской кадрили танцовали какой-то монюмаскѣ, а потомъ чего уже не было! Наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандѣ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій наругавенный докторъ Шѣнфогель. Кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и Малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во что гораздъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться Польскимъ, такъ непременно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный, гротатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ: тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться прежде-

*) Любимый Польскій былъ тогда сочиненія, кажется, Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: „слався симъ Екатерина“, по первымъ словамъ, на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостію ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

временно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ. У одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ: у него были уже трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола; но за то отъ дома его бѣжали, какъ отъ заразы. Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлала всю прелесть старинныхъ нашихъ баловъ. Ководомъ на нихъ былъ шестидесяти-семилѣтній старикъ-Нѣмецъ, артилерійскій генералъ Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами, приказывалъ музыкантамъ и съ неимоверною живостию плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ; но лишь только немного отпустить ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ, и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Потто, все бывало въ движеніи. Одного отца моего, не знаю почему, исключая Польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были нѣкогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ воланъ или въ помъ: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль, и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться; теперь для немолодыхъ дѣвицъ есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступая за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забаву первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обоего пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку. Это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю; но мнѣ все кажется, что, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильона, столь утомительный для слуха, долженъ непременно усы-

пить осторожность дѣвицъ, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе въ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоятъ въ блокадѣ, запираются непроходимой комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей: вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переношусь въ настоящее время: спѣшу переброситься лѣтъ за сорокъ тому назадъ, въ мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ Уголовной Палатѣ предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневской, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что, кажется, довольно великая похвала для уголовного предсѣдателя. Онъ былъ домосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. Въмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополь Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у Кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась Русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было. Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найти у выписныхъ мамзелей. Симъ доказываетъ, какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

До Вишневскаго былъ уголовнымъ предсѣдателемъ г. Москотиньевъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ. Его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ, часто насъ посѣщала, и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а все ея не любили и довольно сухо принимали; это происходило оттого, что она слыла отмѣнно жестокосердою дѣвою: увѣряли, будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли сострадаемость, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туман-

ской, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся; а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на спокойномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселіемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ; скромность его была въ совершенной противоположности съ несносною спѣсью, коею всѣ родные его, однофамильцы, даже до четвертаго поколѣнія, еще и понынѣ одержимы.

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбе, ужасалъ безобразіемъ, но какъ увѣряли, плѣнялъ умомъ и удивлялъ ученостію, что утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ, была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ: онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли еще о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста нынѣ почитаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вредномъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ Губернскомъ Правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Ѳеодоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли оба украсить Сенатъ, если бы въ немъ засѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была пристрашная лгунья и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе. Странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ Малороссійскомъ нарѣчьи ею произнесенное, подтверждало то, что глаза ея говорили; за то отъ

стара до мала всѣ равно любили ее. Одну только замѣтили въ ней слабость: будучи двоюродною сестрою *Безбородьки* (какъ она выговаривала) она часто любила о томъ напоминать *).

Ничего, кромѣ похвалъ, не могу я сказать и о другихъ чиновникахъ воинскихъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ находившихся и мнѣ нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее безпрестанно повторяемое можетъ наскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ, Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу моему. Сынъ его былъ одинъ изъ заговорщиковъ 14-го Декабря.

Можетъ быть, отдаленіе украшаетъ въ глазахъ моихъ всѣ предметы; можетъ-быть, имѣя въ сердцѣ обильный источникъ любви къ ближнимъ, ничто не препятствовало ему разливаться на все меня окружавшее, и я другихъ ссужалъ собственными чувствами; какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что нигдѣ еще не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ, и, по моему мнѣнію, сей городъ былъ тогда вмѣстѣ святой и благочестивый. Одна минута все перемѣнила, и тѣмъ доказывается, что время сіе, не для однихъ ребятъ, было золотымъ вѣкомъ Россіи.

Посреди сего всеобщаго благочестія, жилъ одинъ старецъ, ознаменованный небесною благодатію, и молитвы его, конечно, низводили ее на ввѣренную ему паству: святитель Самуиль управлялъ тогда древнѣйшею епархіей въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, что есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, олицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно было постигать высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка посвятившаго себя единственно Небу. Сей великій іерархъ удостоивалъ мать мою отеческою любовію; обремененный не столько еще лѣтами, какъ слѣдствіями труженической жизни, онъ рѣдко покидалъ свое уединеніе, однакоже два или три раза въ годъ посѣ-

*) У нихъ было довольно многочисленное семейство. Одна изъ дочерей ихъ была замужемъ за генераломъ Левицкимъ, который до 1830 года игралъ столь важную роль въ Варшавѣ; одинъ же изъ сыновей былъ назначенъ въ 1829 году губернаторомъ въ Бессарабію. Когда онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ и увидѣлъ его кривыя, неопрятныя, воюющія улицы, когда предъ нимъ отверзлась бездна столь же кривыхъ и запутанныхъ дѣлъ, на каждомъ шагу встрѣчая нечистоту или нравственную, или физическую, онъ до того испугался, что, пробывъ только двѣ недѣли, пожертвовалъ всѣмъ, бросилъ все и губернаторское мѣсто, и службу, и надежду на повышеніе, и будущіе успѣхи.

щаль домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ. Какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? Невольный трепеть, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же, грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ быть, въ другомъ мірѣ и языкомъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не задолго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня, какъ малолѣтняго, имѣя любимаго, поставили близъ самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника; но что было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!» Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отменно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и нынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ: то, видно, нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанина.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, что только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенествѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно: все похвальное въ нихъ хочется украсить, всѣ несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обѣщался вѣщать одну только истину. Итакъ пусть ее одну только узнаютъ мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имѣ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не дозволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ

моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещеныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанныя невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представилъ возможность дать сестрамъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепіано; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа не была скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучший ея подарокъ — доброе сердце, и она обѣихъ имъ надѣлила. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи: въ этомъ сравниться съ нею трудно; ни голубицы, ни агнцы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подозревала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрить; она знала, что есть люди раздражительные и опасно сердить ихъ, но ихъ мщенія, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междоусобія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она, бывало, надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду; но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера; но въ соединеніи съ строжайшими правилами нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой опредѣлено было долго ничѣмъ не управлять и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмѣрное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души: она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспослалъ въ него надежду: она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигнетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жизнь и исцѣленіе. Когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой

міръ, совершенно убѣжденная, что милые ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслию о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но или ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью; она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолитъ прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся Записки сіи; покамѣстъ ограничусь сказаннымъ. Счастливъ, если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее. Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поклялся я быть твоею подпорой, но что бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогуцій, среди старости, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомога тебѣ благодѣтеля *), который душевною добротою даже съ тобою поспорить можетъ.

Ко второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе. Всѣ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; нравомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрить каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недовѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣренностію, какъ бы повинуюсь необходимости. Не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не знавалъ; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхожденіи съ нею самихъ родите-

*) Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую по законамъ она не имѣла никакого права.

лей замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственнаго достоинства инымъ казались гордостію; но они скоро узнавали ошибку свою, увидя, сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія, вывели ее рано изъ ряда подругъ и ровесницъ, и тогда какъ они занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ея моложе.

Мои читатели вспомнятъ, можетъ-быть, о княгинѣ Хованской; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, не смотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей юности, въ родительскаго дома, провелъ я вмѣстѣ съ нею, слѣдственно буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю лишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Таже самая разница, которую можно было найти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ уживчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ нраву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упрямъ, какъ всѣ люди неодаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для постороннихъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны. Изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями; онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нему преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто божественное. Не смотря на безконечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ непритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою; сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ обществѣ, вѣроятно научился терпѣливости, которою отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недуренъ собою. Одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ: кусокъ фаянса, отскочившій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго:

у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотенъ и въ мелочахъ аккуратенъ до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего, чѣмъ въ него самого: Нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила, чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе. Въ Пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и комендантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего, что я слышалъ объ немъ, можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастью, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девеля, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали дома или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе, впрочемъ, столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ. Полагали, что они уже всему выучены и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастью и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтныя, живущіе дома и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соотвѣтствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины, смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генераль-поручикомъ Петромъ

Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали вахмистрами лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Старшинство между тѣмъ сохранялось, и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ-другой; но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію и, едва показавшись на службу, они были выпущены 1 Января 1795 года ротмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской, бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева. По свисходительности начальства и вообще по обращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они большую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ: три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ и, смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецевъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать. Пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранятъ такимъ нѣжнымъ голосомъ; когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли, чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старѣйшинства между родными; оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать: дяди и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ, уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки, какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за неимѣніемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, слугъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина!

Всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стоить бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихоръ Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима какая-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ; что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенчествѣ. Хорошо, еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, разсчета, а прежде все это было чувство, и, кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занимались, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшей сестрѣ нашей Александрѣ, которая, какъ уже сказалъ я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма испортила ея лицо; кожѣ необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасные глаза. Дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся нѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея изъясненія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ рождало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости; старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ, и мнѣ, который въ ребячествѣ имѣлъ наклонность къ постыднымъ порокамъ зависти и ревности, ни минуту не приходило на сердце ей позавидо-

вать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись; долго не рѣшались занимать ее ученіемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался, наконецъ, Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ посторонними лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

X.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на Югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южные предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердостію, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежъ, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двадцати лѣтъ наслаждалась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада ищутъ прохлады, а силою великаго свѣтила зрѣютъ жатва и плоды.

Въ сіи двадцать слишкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно, просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ цѣлый составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственною рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло; грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ; но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству Русскаго имени, сколько къ предразсудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Пер-

выя искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показались при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями; мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдныя, губернскіе города, и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ то же время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнца Россія являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ. Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ будто бы бессмертная дѣлами была также бессмертна и тѣломъ.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала плѣнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День именинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го Ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города. Въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ Кіевскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали съѣзжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились: самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ возшелъ какъ обыкновенно: домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательныя лица и нелѣстивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ, и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ нескладныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка,

какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили; но, спустя полчаса, отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ же; онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала, что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разѣхались по домамъ.

На другой день поутру весь городъ узналъ ужасную тайну. Прѣхавшій наканунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генераль-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Перваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью прѣхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ; помню изъясненіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ, тогда какъ печальные взоры говорили всѣмъ противное. Молва заносила къ намъ вѣсти о его раздражительномъ и слабомъ характерѣ, по коему онъ невольно покорялся той, предъ кою всѣ смирялись; намъ рассказывали о его странностяхъ, о его мрачномъ житіѣ въ Гатчинѣ, среди лѣса и болотъ, въ семь Минтурнѣ *), гдѣ онъ помышлялъ о мести. Многіе видѣли въ немъ жертву, но жертву озлобленную, и при имени его чувство состраданія сливалось съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ. Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія, полученныя потомъ изъ Петербурга, многихъ обрадовали: щедроты лились рѣкою. Но благоразумные люди рассчитывали, что если такъ продлится, то наружные знаки отличія потеряютъ всю цѣну, а раздача денегъ и деревень скоро истощитъ государство; впрочемъ, они приписывали сіе избытку радости при достиженіи давножелаемаго вѣнца.

*) Минтурнъ—городъ въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ скрывался изгнанный Марій. П. Б.

Вскорѣ потомъ другія извѣстія, быстро одно за другимъ приходящія, всѣхъ изумили. Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодовигу, казалось, онъ говорилъ Русскому народу: жги что ты боготворилъ и боготвори что ты жогъ. Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца.

Всѣ окружавшіе Петра III были призваны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ списокъ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать: ибо, безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины, вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ, изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ, учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимирскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ своимъ наслѣдственнымъ Голштинскимъ и для того раздѣлилъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимирскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяць послѣ Екатерины, 6 Декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные войны, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ. Преданный ему душою, онъ не безъ сожалѣнія видѣлъ, что благорасположеніе его раздѣляетъ онъ съ княземъ Дашковымъ, и сіе, можетъ быть, умножило его отвращеніе къ сему человѣку. Графъ Румянцовъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ, слѣдственно тогда еще былъ на питанъ Германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ великимъ Фридрихомъ и, среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчаннымъ полководцемъ, дивился его искусству и генію; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ

говорить объ немъ. Отечественное онъ мало уважалъ и жилъ всегда окруженный Нѣмцами. За то и Россія, платя ему дань удивленія, ограничивалась симъ холоднымъ чувствомъ, тогда какъ имя Суворова еще и понынѣ заставляетъ биться сердца патріотовъ *).

Тѣло покойнаго фельдмаршала привезено было въ Кіево-печерскую крѣпость и, по приказанію Павла, предано землѣ въ Лаврѣ съ величайшими военными почестями. Три холостые сына, изъ коихъ младшему, Сергѣю Петровичу, было уже за сорокъ лѣтъ, прибыли къ печальной церемоніи. Они принимали посѣщенія, но сами ихъ никому не дѣлали, и одинъ только изъ нихъ, Николай Петровичъ, умѣлъ со всѣми быть любезенъ и привѣтливъ. Въ память уваженія отца своего къ моему, подарилъ онъ ему богатую конскую сбрую и любимую лошадь покойника, вороную, откормленную, на которой онъ изрѣдка

* Въ новѣйшее время у Русскаго войска было также два любимца: Воронцовъ и Ермоловъ. Первый изъ нихъ и доселѣ еще управляетъ обширнымъ, мало населеннымъ, пограничнымъ краемъ; онъ живить его, устраиваетъ, заселяетъ и посвящаетъ ему весь умъ свой, познанія, дѣятельность, могущество и богатство. Послѣдній во многомъ обвиняемъ, а болѣе всего въ ошибкахъ, устраненный отъ дѣлъ, неимущій, зарылся въ деревнѣ, величаво уединился. Пусть объ нихъ спросятъ у любого. Въ обоихъ видятъ погибшія надежды; но перваго никто терпѣть не можетъ, послѣднимъ все еще клянутся. Отчего же такая несправедливость? До двадцатилѣтняго возраста воспитанный въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ имѣетъ все Англійскіе навыки; въ частной жизни, какъ и въ общественной, являетъ себя болѣе лордомъ чѣмъ бояриномъ; всякой Англичанинъ, хотя бы былъ небогатый купецъ, идетъ до самаго кабинета его въ шляпѣ, войдя же въ него безъ наклоненія головы трясетъ ему просто руку; тогда какъ отъ Русскихъ подчиненныхъ своихъ онъ требуетъ знаковъ низжайшей покорности. Онъ женатъ на полу-русской и бредитъ европеизмомъ. Ермоловъ, напротивъ того, видитъ въ Русскихъ (среди ихъ варварства или просвѣщенія, все равно) первый народъ въ мірѣ; какъ они, онъ властолюбивъ иногда до жестокосердія, мраченъ и остроуменъ въ насмѣшкахъ, и какъ они, имѣетъ великодушіе, отважность и самую наружность царя лѣсовъ. Его обвиняютъ, а на каждомъ шагу вы можете найти между военными, гражданами и купцами сильныхъ и усердныхъ его адвокатовъ; старая, вѣрная Москва хотѣла утѣшить его избраніемъ въ свои предводители; самыя милости къ нему правительства, не весьма хорошо къ нему расположеннаго, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ знаки уваженія къ общественному мнѣнію и принимаются имъ съ восторгами благодарности. Послѣ этого пусть скажутъ, что у насъ вовсе нѣтъ національности. Мы въ этомъ случаѣ нѣсколько похожи на древнихъ Грековъ: въ нашихъ богахъ и полубогахъ мы любимъ находить наши слабости и даже наши пороки; мы желаемъ, чтобъ они были мы же, но гораздо въ большемъ размѣрѣ. Когда мы были погружены въ пучину золь, то сострадательное Небо послало намъ архангела Скопина-Шуйскаго; теперь же торжествующіе, надменные, мы такого чуда ожидать не можемъ и готовы удовольствоваться какимъ-нибудь Ляпуновымъ или Ахиллесомъ, dont la rage est d'un tigre et les vertus d'un dieu.

выѣзжалъ и которая потомъ болѣе шести лѣтъ служила отцу моему для прогулокъ.

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному родителю, я было забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было на Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ горцами и жилъ съ молодою, добродушною женой, которую отменно тогда любилъ. Она была красавица въ Русскомъ вкусѣ, бѣла, румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогъ и Черкасскъ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться Русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Оденъ Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ, какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню. Не знаю, насильственная смерть герцога Ангіенскаго произвела ли во Франціи между роялистами тотъ ужасъ, коимъ сіе извѣстіе поразило всю Россію. Она содрогнулась. Симъ ударомъ, нанесеннымъ національной чести, властелинъ хотѣлъ какъ будто показать, что ни заслуги, ни добродѣтели, ниже самая слава не могутъ спасти отъ его гнѣва, справедливаго или несправедливаго, коль скоро къ возбужденію его поданъ малѣйшій поводъ. Симъ не довольствуясь, по какому-то неосновательному подозрѣнію, онъ велѣлъ схватить всѣхъ адъютантовъ его, всю многочисленную его свиту, посадить въ Кіевской крѣпости, и бѣдный отецъ мой осужденъ былъ стеречь сподвижниковъ великаго человѣка!

Екатерина и Румянцовъ во гробѣ, Суворовъ за-живо похороненный, многіе вельможи, подпоры трона, опрокинутые слѣпымъ самовластіемъ, представляли картину разрушенія Россіи въ началѣ 1797 года. Скоро, скоро отъ прежняго, недавняго ея величія осталась одна только ея колоссальность, служащая подножіемъ маленькой фигурѣ, которая на ней кривлялась и топорщилась.

XI.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрною быстротой, болѣе еще чѣмъ при Петрѣ; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Тридцать пять лѣтъ пріучали насъ почитать себя въ Европѣ; вдругъ мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкою, одѣтымъ однакоже въ мундиръ Прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую Французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ. Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были

его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ Французскаго дореволюціоннаго правительства.

Званіе намѣстниковъ и генераль-губернаторовъ уничтожено и замѣнено званіемъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частію. Въ сію должность назначали того же самаго графа Румянцова; но онъ умеръ, и на его мѣсто прибылъ вновь пожалованный фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Военные генералы, управлявшіе губерніями, переименованы въ соотвѣтствующій ихъ классу гражданскій чинъ и названы гражданскими губернаторами. Оберъ-коменданты лишились сего названія, остались просто комендантами, и у нихъ отняли инспекцію надъ крѣпостями и гарнизонами; но за то въ ихъ вѣдѣніе поступила полиція губернскихъ городовъ, и въ случаѣ отсутствія военнаго губернатора не гражданскіе губернаторы, а они заступали его мѣсто.

Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная перемѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною. Въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ; и что за форма! Милліоны истрачены, чтобы Русскихъ сдѣлать уродами. Описаніе сего безобразнаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между сими фалдами, воткнутой сзади; изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, изъ двухъ насаленныхъ надъ ушами буколей съ длинною, туго проволокою и лентою перевитою косою. Все это въ подражаніе подражателю Фридерика Второго, отцу своему, тогда какъ въ самой Пруссіи сей странный нарядъ давно уже былъ брошенъ. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта; но за то отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ: удивительное единообразіе и пестрота въ одно время, живое изображеніе единства воли и безпорядка мыслей ее движущихъ.

По неограниченной любви моей къ истинѣ и справедливости долженъ я сознаться, что въ началѣ сего царствованія, сдѣланы были и такія перемѣны, которыя были весьма полезны для службы, хотя иныя

и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбіе. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребованы на службу; иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтныя за неявкою исключены вовсе изъ полковъ. Нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Но что значить исправленіе мелкихъ злоупотребленій въ сравненіи со всеобщими, губительными распоряженіями, противными политикѣ и здравому разсудку? Начало сего несчастнаго 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкой, коей зловредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и Полоцкихъ князей. Онѣ были обитаемы тѣми же самыми маломыслными, смиренными, слабыми дикарями, которые нынѣ стонутъ подъ тяжкимъ игомъ жестокосердыхъ своихъ завоевателей, а прежде платили легкую дань своимъ добрымъ и сильнымъ сосѣдямъ. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій Литовскихъ, начали изъ-подтишка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить замки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ Востока и Запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные прибытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на Сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились; Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два Русскіе города, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Нарву. Еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междоусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами. Мужество Баторія не допустило грознаго царя удержатъ за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчныя же ея владѣтели, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и утопали въ нѣгѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣснимые сильными государствами, они должны были попеременно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ

ХІІ и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда, дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать, кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенному, земли, ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они увѣряютъ, будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій, извѣстный по своему пристрастію ко всему Европейскому, обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привиллегіи, вредныя, даже унижительныя для Россіи. Солиманъ, при взятіи Родоса и Англичане въ Мальтѣ не позаботились о правахъ существовавшаго еще ордена; а мы хотѣли показать великодушіе и учтивость хищникамъ нашей собственности. Всѣмъ извѣстно, какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона, да и всякій разъ, когда случай къ тому представлялся. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ; но смерть ея навсегда отдѣлила ихъ отъ насъ. Одна Нѣмка, коей поручила она воспитаніе своихъ внуковъ, мадамъ Ливенъ, Шарлота Карловна, осыпанная ея милостями, не устыдилась сыну ея представить нѣкоторыя нововведенія, какъ посягательство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его, что и введеніе Русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе. Павлу Первому стоило указать на мнимыя несправедливости его матери, чтобы возбудить его къ противодѣйствію.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо Русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно. Къ несчастію, Павелъ Первый зналъ ее плохо; онъ переписывался съ Лагарпомъ, который весьма исправно сообщалъ ему литературно-драматическія извѣстія, закулисные анекдоты, Парижскія сплетни; но едва ли зналъ наслѣдникъ Всероссійскій, кѣмъ и когда перенесена столица изъ Кіева во Владимиръ, кто первый у насъ возсталъ противъ Татаръ, какимъ образомъ и кѣмъ Москва освобождена отъ Поляковъ; имена мамзелей, хотя и не дѣвицъ, Лекуврёръ и Клеронъ ему были извѣстнѣе, чѣмъ имена Пожарскаго и Минина.

Жители разорванной на трое, несчастной Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей, особенно же тѣ,

кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя Русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали Греко-Россійскую вѣру; а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унію, готовы были возвратиться въ нѣдра Православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на всѣ мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ея проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показалъ на опытѣ, какъ легко и естественно сливаются Славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживаетъ переломленный членъ, осторожно перевязанный искуснымъ врачомъ, такъ Украина начинала было приростать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли, и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій Литовскій статутъ! Я тогда не въ состояніи былъ чувствовать всю безпредѣльность зла, Россіи причиненнаго; но нынѣ сердце обливается кровію всякій разъ, что вспомнишь, какъ безумно играли судьбами великаго народа.

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное перемѣжаніе губерній, то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? Это одинъ Богъ знаетъ. Три Малороссійскія губерніи слились въ одну. Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной Польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую дворяне, въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ опять представляется вопросъ: для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими? Но какъ въ это царствованіе все дѣлалось безъ цѣли и по однимъ только прихотямъ, то и отвѣчать опять будетъ трудно.

Итакъ, я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при Польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ Польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число Русскихъ чиновниковъ и Малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличивалось.

Но таковы были слѣдствія направленія, даннаго умамъ въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почтеніемъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Не знаю, ненависть ли къ памяти Екатерины, или безразсудство, въ которомъ ихъ обвиняють, рождали ихъ симпатію къ сему царю; но они его дѣйствительно любили. Странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ. Можетъ быть, они чувствовали, что съ нимъ невозможно ни на что положиться и что въ иную минуту ему могло бы вздуматься заставить ихъ перемѣнить вѣру: отъ него все бы сталося.

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, не смотря на траурный годъ, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботясь объ увеселеніяхъ, дѣлали сіе конечно въ угожденіе царю. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ. Въ сей крытой галлерей новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова; онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ, обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной и изъ коего были чудесныя виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда, въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминаціи, и иногда спускались небольшіе воздушные шары; однимъ словомъ, всѣхъ насильно хотѣли заставить веселиться.

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ Полекъ; онѣ отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Что касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ. Онѣ къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣвскихъ, панью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше Кіевское общество составляло одно семейство;

и взрослые, и молодые дѣвицы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мной какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мной, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибутъ-Воронецкая, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои, какъ извѣстно, породнились съ домами Прускимъ и Виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на Польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за Курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу; онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привилось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она замкомъ и палацомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голыхъ фрейлинъ, пановъ-служонцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ; когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *). Визитныя ея карточки были огромныя панкарты, на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титулъ, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша Австрійскаго ордена звѣзднаго креста (*dame de la croix étoilée*) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудаконъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была инаго рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василя Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство; можетъ быть, кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Кіевскомъ воеводствѣ.

*) Сей обычай соблюдается и понынѣ между Польскими помѣщиками въ Украйнѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо онъ напоминаетъ давно уже не существующее Польское тиранское владычество надъ храбрымъ народомъ Русскаго племени.

Вдова его слыла нѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семисадесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчаный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлила съ нея сыпались; но она была мрачна, угрюма, и въ очахъ ея впадшихъ неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосолъ подлѣ жирной Шардонши; объ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серьезнымъ, всеневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе, видно, не подѣйствовали на этихъ княженъ: объ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости *).

Изъ Русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или таѣмъ-называемыхъ графовъ Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго Варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи? Отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

*) Старшая была замужемъ за Русскимъ полковникомъ Марченкой. Оставшійся послѣ нея единственный сынъ въ Петербургскихъ гостиныхъ блисталъ свѣжестью лица и франтовствомъ и, кажется, болѣе ничѣмъ.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе, что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ. При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой; ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволяю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на Сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ слились въ одинъ могущественный народъ, который назывался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на Западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ Германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами образовалось не весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, не смотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не устали вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междоусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы; но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище: сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки почти въ одно и тоже время; но первые приняли Греко-восточную вѣру, послѣдніе Латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ; они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо Татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ; сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властите-

лей, гнушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна Монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась она обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя Славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ Нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря. Скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ Нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться; но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары. Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было бесполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ Римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отовсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы. Сіи вѣчные враги рода христіанскаго стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и раззоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на Польскомъ тронѣ являться Француженки *). Ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Онѣ взялись образовывать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочною, набожною, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской; отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удержи-

*) Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ Польскихъ королевъ не надобно забывать и женоподобнаго Гевриха Валуа.

ваемые, ни страхомъ Божіимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество; онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, кою прежде они были одарены, и тогда-то въ Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно-милаго поэта нашего, прекрасный поль

..... утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Предель нѣги и стыда.

Но что же дѣлали тогда мужчины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? Ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ, что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими состояются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мужчинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись посвоему рыцарствовать, пить Венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золь и беспорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія Римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлалъ богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только: могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды Европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой-соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могущею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями. Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ то же время опытомъ,

плодомъ двухъ-вѣковыхъ протекшихъ бѣдствій; была сильна одиновластіемъ царей, единомысліемъ народа. На ней еще видны были слѣды тяжкихъ оковъ, которыя недавно она сбросила и истоптала; но самый видъ заживающихъ ранъ, самое воспоминаніе о Татарахъ, еще болѣе воспаляли ее противъ Литвы (ибо имя Польши было ею уже давно забыто).

Началась семейная распря, народная оиваида, упорная, лютая борьба, изрѣдка прерываемая перемиріями. Въ семъ кровавомъ процессѣ одинъ Богъ былъ судьей; Европа въ наши дѣла не мѣшалась, и сей Высшій Судія постоянно, многократно рѣшалъ въ пользу варварства противъ полупросвѣщенія. Нынѣ, послѣ троекратнаго, въ глазахъ нашихъ совершившагося покоренія, Поляки подають на аппеляцію въ Парижъ. О какъ жалки они! Судей, коихъ участь мы недавно сами рѣшили, не должно намъ страшиться.

Но прежде чѣмъ Польша перестала существовать, увѣ что стало съ самой Россіей! Высшіе слои общества потеряли въ ней совершенно народную физіономію. Сначала противъ воли, потомъ все болѣе и болѣе увлекаемые, мы наконецъ съ остервенѣніемъ устремились на Западъ, будто бы за познаніями, а въ самомъ дѣлѣ за всѣми утонченностями роскоши и порока. Самодержавіе, которому благоразуміе повелѣвало осторожно знакомить насъ съ Европой и ея просвѣщеніемъ, потащило насъ на сей опасный путь и въ ослѣпленіи своемъ часто требуетъ отъ насъ невозможнаго, любви къ отчизнѣ вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ иноземному, и такимъ образомъ ставитъ себя въ безпрестанное съ собою противорѣчіе. Насъ ни мало не ужасаетъ примѣръ Польши. Милосердое къ намъ Небо между Европой и Россіей поставило ее какъ строгій спасительный урокъ; но мы не внемлемъ ему, и горе намъ! Позволено ли будетъ, говоря о столь важномъ предметѣ, сдѣлать сравненіе не совсѣмъ важности его приличное? Мнѣ все кажется, что судьба поступаетъ съ нами и съ Поляками какъ иной господинъ, въ устрашеніе барскаго сына своего, безъ милосердія наказываетъ холопскаго мальчика: судьба сѣкла и сѣчетъ еще Польшу, а барченокъ Россія на то глядитъ, и все шалить, все проказничаетъ и если не уймется, то рано или поздно сломитъ себѣ шею.

Коль скоро дѣло коснется до Польши и до Русскаго европіанизма, то кровь бросается мнѣ въ голову, мысли во множествѣ начинаютъ въ ней тѣсниться, и я дѣлаюсь плодовитъ, хоть и десятой доли ихъ не въ состояніи выразить. Такимъ образомъ, желая изобразить характеръ Поляковъ, я заговорился о политическомъ состояніи прежней Польши; но имъ же и можно объяснить пороки, въ коихъ обвиняють ея жителей. Ни одно государство въ мірѣ не имѣло столь бурной жизни;

Славянская природа въ немъ спорила съ Европейскими навыками, западная церковь съ восточною; въ немъ можно было найти все что вольность имѣетъ необузданнаго и все, что рабство имѣетъ унижительнаго; все это приучило Поляковъ къ сильнымъ ощущеніямъ, и все являлось въ нихъ въ преувеличенномъ видѣ, и гордость, и униженіе. Мужикъ, который попадалъ въ шляхтичи, почиталъ высокомеріе обязанностію своего новаго званія, и въ тоже время, по старой привычкѣ, не переставалъ падать до ногъ и цѣловать «ренки пански» у тѣхъ, коихъ считалъ выше себя. За то мы называемъ ихъ спѣсивыми подлецами. Кто гордъ и подлъ, тотъ обыкновенно бываетъ трусъ; а можно ли этимъ упрекнуть Поляковъ? Изъ множества словъ Латинскихъ, вкравшихся въ Польскій языкъ, ни одно такъ не ласкаетъ слуха ихъ, какъ гоноръ. Впрочемъ, «падамъ до ногъ» въ разговорѣ тоже самое, что покорнѣйшій слуга въ письмѣ,—одна учтивость. Весьма безтолково называемъ ихъ также безмозглыми. Когда страсти не заглушали разсудокъ? Еслибъ отъ сильнаго ихъ волненія онъ и помрачился у Поляковъ, то у нихъ всегда сохранится необыкновенная живость ума и воображенія. Въ вѣкъ философіи и либерализма, всѣми обманутые, всѣми обиженные, раздѣленные и перераздѣляемые своими и чужими, то возносимые до чрезмѣрности незаслуженными похвалами, то унижаемые столь же незаслуженнымъ презрѣніемъ, всѣ понятія ихъ о ихъ правахъ и обязанностяхъ, о настоящей ихъ пользѣ, о истинномъ патріотизмѣ смѣшались и перепутались; въ нихъ осталось одно чувство и чувство прекрасное: ойчизна имъ милѣе всего на свѣтѣ.

Я не думалъ быть защитникомъ Поляковъ, тѣмъ болѣе что имѣю много причинъ негодовать на нихъ, но я люблю истину и вспомнилъ Поляковъ моей молодости. Вѣковая ихъ вражда тогда погасла въ изумленіи предъ побѣдившимъ ихъ дивнымъ геніемъ Екатерины; ея народъ раздѣлилъ съ нею невольное ихъ уваженіе; но когда потомъ увидѣли они своихъ завоевателей на колѣняхъ въ грязи передъ тѣми, коихъ почитали своими друзьями и наставниками, то удивленіе прошло, и прежде чѣмъ они стали насъ вновь ненавидѣть, уже научились они насъ презирать.

Итакъ въ царствованіе Павла Поляки еще не смѣли ничего затѣвать; напротивъ, они старались привыкать къ своему новому положенію и въ томъ совершенно успѣвали. Общее горе, общія опасенія сблизили всѣхъ, даже личныхъ непріятелей. Въ западныхъ губерніяхъ императоръ продолжалъ во множествѣ раздавать деревни Русскимъ генераламъ и министрамъ, губернаторскія и другія мѣста въ нихъ попрежнему наполнялись одними Русскими; если въ Кіевѣ увеличилось число Поляковъ, за то и Русскіе безпрестанно размножались въ дру-

гихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразование войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ Прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для Русскихъ воиновъ, сколько для Нѣмцовъ.

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артилеріи, а другаго— по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталъ только о военной службѣ.

Изъ инвалидовъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, Кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяца полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генералъ-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовало и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспектовъ полки приближенныхъ своихъ, такъ-называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди

находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ Гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливицевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастье имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: разѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили. Изъ сихъ злодѣевъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ своею лютостію одинъ бѣглый Прусскій гусарь, именемъ Линденеръ, котораго Павелъ произвелъ въ генералы. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго помнили его имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить; наконецъ дошло до того, что, несмотря на покровительство императора, преслѣдуемый общею ненавистію, онъ долженъ былъ оставить службу и куда-то скрылся. У насъ былъ свой терроризмъ.

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливыѣ другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ Баратынскій *), о которомъ дотолѣ не слыхивали. Всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца, стараясь всѣхъ успокоить на счетъ ужасовъ его гнѣва и чуть-чуть было не заставилъ полюбить его.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его

*) Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ не долго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

къ щегольству, порокъ непростительный въ глазахъ Павла Перваго, такъ какъ цинизмъ казался ему почти добродѣтелью.

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскимъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжело ему *поникнуть лавровой лавой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ. Я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ. Я никакъ не могу симъ ограничиться; ибо сей человекъ, коего именемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тщедушенъ, роста небольшого, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ; только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. «Посудите», говорилъ Ферзенъ отцу моему, «каково мнѣ глядѣть на него? И глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски». А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя ни могли быть такъ схожи съ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ: послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ Нѣмецкій генераль обрекъ себя на вѣрную гибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леопидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ Русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ *status in statu*. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе Ливонскому дворянству передъ кореными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ. Веселая безпечность Русская мститъ покаместъ Нѣмцамъ одними эпиграммами, точно такъ какъ пратцы наши злились тайкомъ и подтрунивали надъ Татарами. Если ничто не перемѣнится, то рано или поздно должно ожидать ужасныхъ послѣдствій для нихъ или для насъ; лучше бы, кажется, примиреніемъ стараться предупредить ихъ.

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ. Его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ Европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи, красивыхъ лошадей, блестящую сбрую; если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости; онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили. Какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генераль-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувствовать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ это м молодому человѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣлъ у себя на ординарцахъ хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчика, у котораго любовь и усердіе къ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипѣть, но тотчасъ же и остынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не знавалъ. Его филантропія не была дѣйствиємъ разсудка, слѣдствіємъ правилъ (гдѣ было ему взять ихъ?), но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружавшее. Это былъ геній доброты. Что дѣлать, если другаго генія въ немъ было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, что лучше богатства, ума и знатности: прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжѣмъ какъ утро, румянѣмъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и, видно, очень страстно, потому что обыкновенно-смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить; а матери, забывая, что сами тоже дѣлали, гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственные, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея; самъ старый фельдмаршалъ принялся сватать; какъ человѣкъ придворный, не поскупился на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была, наконецъ, дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому бракъ сей не правился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я.

Свободное обхожденіе съ сестрой моей мушины, который наканунѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ. Я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го Октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвѣщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подало надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева, а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалять не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно пріискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста. У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ для присмотра за мною, и шаловливый мальчикъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня; а я старался скрывать его порокъ, сколько изъ состраданія къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастью, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая библіотека отца моего, вся состоявшая изъ Нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; что бы изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военного губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должность генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ переменѣ, сравненія сіи бывають рѣдко въ пользу оставляющаго мѣсто. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забытіи и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человекъ весьма небогатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго Русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбающагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ однакоже, вечельчакъ, то что Нѣмцы называютъ «брудеръ люстихъ», и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселить его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто; ибо признавъ отца моего за земляка, онъ въ домѣ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣденные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня; показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ Французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать *).

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отка-

*) Странная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставляя военной службы, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ непріятельскій огонь въ Италіанскую компанію 1799 года; хладнокровнымъ мужествомъ и знаніемъ военного дѣла заставилъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ

зано: на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посланъ для наученія кавалерійской службѣ. Итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе то подвиги при усмирении какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго нибудь изъ сыновей, то и выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго (тогда уже кирасирскаго) въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадьбу сыграли мы 20-го Января 1798 года, а въ путь отправились 16-го Февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разсказами.

XIII.

Есть чувствованія, которыя не только другимъ, но и самому себѣ объяснить весьма трудно. Первый разъ въ жизни покидалъ я все родимое, все мнѣ любезное, священный Кіевъ и благословенное семейство, въ которомъ я родился. Какъ будто нарочно, все сдѣлалось передъ отъѣздомъ ко мнѣ ласковѣе, самъ отецъ мой мнѣ началъ улыбаться; даже дворовые люди наши и женщины находили сказать мнѣ что-нибудь необыкновенно-нѣжное. Безпрестанно былъ я въ горестномъ волненіи, и слезы нерѣдко наворачивались на глазахъ моихъ, но въ то же время сердце было наполнено неописаннымъ восторгомъ. Какъ часто изъ окошекъ своихъ, любопытнымъ, жаднымъ взоромъ глядѣлъ я на Заднѣпровье, на этотъ густой, темный боръ, для меня заповѣдной, какъ будто заколдованный, который сколько разъ уже то зеленѣлъ, то чернѣлъ въ глазахъ моихъ. Никогда еще не ступалъ я въ него ногой; теперь проникну въ глубину его; что я говорю? Онъ только занавѣсъ, скрывающая отъ меня незнакомый мнѣ міръ: его увижу я, его узнаю. Голова моя была полна слышанными разсказами про Москву бѣлокаменную, про ея обширность, ея велѣлїе, ея сорокъ-сороковъ церквей. Въ семъ расположеніи духа, съ печалію и радостію вмѣстѣ, выѣхалъ я изъ Кіева.

Въ трехъ кибиткахъ быстро мчались мы по снѣжной дорогѣ. Единообразіе зимняго пути меня скоро утомило. Февральское солнце, которое въ Малороссіи грѣетъ сильнѣе и свѣтитъ ярче, чѣмъ на Сѣверѣ, и снѣгъ, который отъ него блисталъ и таялъ, днемъ еще кое-какъ развеселяли мои мысли; но какъ пришла ночь, я почувствовалъ тоску необычайную. Даромъ что я былъ съ сестрой и зятемъ, и что старшій братъ провожалъ насъ до перваго маленькаго города Козельца, мнѣ вдругъ показалось, что я совсѣмъ осиротѣлъ: сидя одинъ въ кибиткѣ, въ потьмахъ, я не могъ заснуть и заливался слезами. Такъ прошелъ первый день; слѣдующіе были не забавнѣе.

Мнѣ стало еще грустнѣе, когда, въѣхавъ въ Орловскую губернію, въ первый разъ увидѣлъ я себя въ черной заопченной избѣ, куда спаслись мы отъ мятели и гдѣ долженъ былъ я ночевать между телятами и поросятами: изнѣженному мальчику, каковымъ былъ я тогда, это показалось верхомъ злополучія.

Въ то время между Малороссійскими деревнями и мѣстечками и Малороссійскими городами не было замѣтно почти никакой разницы. Въ тѣхъ и въ другихъ встрѣчались, почти одинаковой величины, чистенькія мазанки, съ чистыми окнами, которыя ежемѣсячно бѣлились свнутри и снаружи. Всѣ онѣ между собою, равно какъ и отъ улицы, отдѣлялись садиками, коихъ высокія деревья осѣняли ихъ кровли, что нѣкоторымъ изъ деревень давало видъ пріятныхъ рощей, въ коихъ бѣлѣлись разсѣянные сельскіе домики. Все показывало, что тутъ живетъ народъ, который столь же мало знакомъ съ роскошью, какъ и съ нищетой; общество, коего члены были всѣ равны между собою и отличались однѣми заслугами, оказанными войску, и почестями, личною храбростію или личными достоинствами пріобрѣтенными. И потому-то образъ жизни помѣщиковъ столь же мало разнился тогда отъ быта крестьянскаго, какъ видъ городовъ отъ наружности селеній.

Но коль скоро переѣдешь за Глуховъ, картина совсѣмъ перемѣняется: бѣдность и нечистота деревенскихъ хижинъ, особенно же въ господскихъ имѣніяхъ, поражаетъ своею противоположностью съ прочностію строеній городскихъ. Когда увидѣлъ я первыя Великороссійскія деревни, то полагалъ, что города немного развѣ лучше, и оттого не весьма красивый Сѣвскъ изумилъ меня своими каменными палатами. Вслѣдъ за тѣмъ Орелъ и, наконецъ, Тула показали мнѣ столицами.

Москва произвела на меня то дѣйствіе, которое обыкновенно производятъ большія столицы на провинціаловъ, никогда ихъ не видавшихъ, старыхъ ли или малыхъ: я былъ еще болѣе оглушенъ ея шумомъ, чѣмъ удивленъ огромностію ея зданій. По набожности сестры моей, мы отъ заставы отправились прямо къ Воскресенскимъ воро-

тамъ помолиться Иверской Богоматери; вокругъ часовни, гдѣ поставленъ ея образъ, въ двухъ узкихъ отверстіяхъ, ведущихъ къ Кремлю, безпрестанно кипить народъ, ломаются экипажи. Во время молебна мнѣ все казалось, что подлѣ насъ идутъ на приступъ.

Квартира, которую дали зятю моему въ казенномъ домѣ, называемомъ Тверскимъ, или Чернышовскимъ, или домомъ главнокомандующаго, была просторна, довольно красива, а мнѣ показалась даже великолѣпна. Мы занимали комнату двѣнадцать въ одномъ изъ загнутыхъ флигелей внутри двора сказаннаго дома. Изъ окошекъ были видны только высокія палаты, въ коихъ жилъ начальникъ Москвы и зять моего и предъ коимъ нашъ флигель казался на колѣняхъ, да еще не весьма обширный дворъ, съ утра до вечера наполненный каретами, въ коихъ пріѣзжали не къ намъ съ посѣщеніями, а съ поклоненіемъ къ фельдмаршалу и женѣ его.

Сестрѣ моей нужно было нѣсколько дней, чтобъ обмундироваться по модѣ и приготовиться предстать предъ графиней Салтыковой, коей надменностію всѣхъ пугали. Обрядъ сей совершился не совсѣмъ къ ея удовольствію. Потомъ пустилась она развозить рекомендательныя письма, данныя ей отъ родителей, и имѣла причины быть болѣе довольна сдѣланными ей пріемами. Двѣ статсъ-дамы, фельдмаршальша графиня Каменская и княгиня Долгорукова, жена князя Юрія Владимировича, предшѣстника графа Салтыкова, не замедлили сами сдѣлать ей визиты и осыпали ласками робкую провинціалку. Обѣ бывали въ Кіевѣ и были очень знакомы съ нашею матерью; первая же одинъ разъ провела въ немъ цѣлое лѣто. Другія дамы, менѣе знатныя, оказали пріѣзжей еще болѣе вѣжливости; но графиня Салтыкова не обратила ни малѣйшаго вниманія на бѣдную сестру мою, никогда къ себѣ не приглашала, позволяя развѣ только по временамъ къ себѣ являться. Это было совсѣмъ неободрительно, это было даже безчеловѣчно въ отношеніи къ молодой женщинѣ, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, находилась, такъ сказать, при дворѣ ея сіятельства.

Сія графиня, Дарья Петровна Салтыкова, была между тѣмъ женщина чрезвычайно умная и откровенно добродушная. Наружности своей, отъ природы суровой, старалась она, по примѣру Екатерины, придать нѣкоторую величественность и тѣмъ пугала не коротко ее знавшихъ. Она была, дѣйствительно, самой строгой добродѣтели; примѣромъ и наставленіями старалась внушить она ее дочерямъ, но была, можетъ быть, слишкомъ снисходительна къ единственному сыну и вообще въ постороннихъ расположена была видѣть одну только хорошую сторону. Будучи дочерью графа Чернышова, болѣе двадцати лѣтъ Русскаго посла въ Лондонѣ и Парижѣ, она всю первую

молодость провела за границей и оттого не совсѣмъ свободно объяснялась по-русски, тогда какъ Французскій языкъ не былъ еще въ столь общемъ употребленіи, какъ нынѣ. Сіе затрудненіе дѣлало ее часто молчаливою съ другими женщинами; но за то она строго соблюдала всѣ формы вѣжливости, всѣмъ безъ изъятія платила визиты, и у себя была внимательною къ каждому, никого не оставляя безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ.

Отчего же столь почтенная женщина показывала болѣе чѣмъ холодность существу, ничѣмъ ее не оскорбившему, существу, которое имѣло даже нужду въ ея покровительствѣ? Это надобно объяснить. Графиня Салтыкова была превыше мужа своего столько же умомъ, сколько нравственностью; частыя его невѣрности, несмотря на преклонныя лѣта, не могли отъ нея совершенно укрыться; она никогда не унизилась до ревности, но съ отвращеніемъ смотрѣла на невоздержность супруга. У нея въ домѣ находилась тогда одна Француженка, *madame Laurent*, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, въ качествѣ болѣе собесѣдницы чѣмъ гувернантки при взрослыхъ ея дочеряхъ; сверхъ того имѣла она особую, секретную должность при самомъ графѣ Салтыковѣ: она умѣла пользоваться въ одно время довѣренностію жены и нѣжностію мужа. Преувеличенныя похвалы графа Салтыкова красотѣ невесты любимаго имъ адъютанта возбудили мерзкія подозрѣнія въ душѣ Француженки; она поспѣшила сообщить ихъ обманутой графинѣ еще прежде нашего пріѣзда.

Опасенія госпожи Лоранъ должны были исчезнуть, коль скоро она только увидѣла сестру мою; порокъ узнаётъ тотчасъ добродѣтель по тайному стыду, который она въ немъ производитъ; но она не вдругъ еще успокоилась. Графъ Салтыковъ поступилъ въ семъ случаѣ благоразумно и деликатно: онъ только одинъ разъ, по пріѣздѣ ихъ, навѣстилъ молодыхъ супруговъ. Можно легко себѣ представить весь ужасъ положенія несчастной тогда сестры моей. Дотолѣ уважаемая, любимая и достойная того и другаго, она вдругъ встрѣчаетъ забвеніе всякаго приличія въ обхожденіи съ нею жены начальника своего мужа и осуждена жить съ нею въ одномъ домѣ. Она не вдругъ могла постигнуть, отчего это происходитъ; но когда, по инстинкту, коимъ женщины одарены, она вникнула въ причины явнаго презрѣнія, ей оказываемаго, то содрогнулась отъ негодованія. Она, которая почиталась въ Кіевѣ цвѣтомъ непорочности, въ первые дни, въ первыя минуты счастливаго нѣжнѣйшаго союза, подозрѣвается въ измѣнѣ, и въ какой же измѣнѣ? Осмѣливаются считать ее наложницей старика изъ подлыхъ видовъ корыстолюбія. Сей первый, тяжелый крестъ, посланный ей въ жизни, понесла она съ терпѣніемъ, призвавъ на по-

мощь вѣру и чувство собственного достоинства. На чужой сторонѣ, съ кѣмъ было залетной пташечкѣ раздѣлить жестокую скорбь свою? Кому ее повѣрить? Людямъ ли, едва знакомымъ, или мужу, который въ обѣихъ супругахъ видѣлъ свое провидѣніе, но, не смотря на то, въ изступленіи обиженного самолюбія, готовъ бы былъ погубить себя дерзостію противъ нихъ? Или малолѣтнему брату, которому неприлично и опасно было довѣрять такого рода тайны? Но я часто заставлялъ ее въ слезахъ передъ иконами; я одинъ былъ свидѣтелемъ ея печали, которую болѣе всего старалась она скрывать отъ мужа, и я почти угадалъ ея тайну.

Впрочемъ, безразсудныя подозрѣнія не выходили изъ тѣснаго круга, въ которомъ родились, и не долго существовали. Прошелъ мѣсяцъ или два, и графиня Салтыкова приглашеніями, привѣтами старалась заставить забыть свою первую несправедливость; но оскорбленная сестра моя осталась непреклонна и долго еще чуждалась ея высокаго общества. Для мужа все это было непонятно; онъ дивился своею правотѣ жены, но не смѣлъ ее упрекать въ томъ.

Мы жили почти въ совершенномъ уединеніи: сестра рѣдко дѣлала и принимала визиты. Шумъ и блескъ были вокругъ стѣнъ нашихъ, а внутри царствовали тишина и молчаніе. Я начиналъ сравнивать настоящее положеніе наше съ прошедшимъ... Тяжело вздохнулъ я; мнѣ казалось, что наша доля самая низкая въ мірѣ. Моральная болѣзнь, врожденная, хотя и не наслѣдственная, которую ни религія, ни расудокъ, ни опытъ доселѣ совершенно излѣчить не могли, жестокое самолюбіе, источникъ немногихъ для меня наслажденій и безчисленныхъ страданій въ жизни, сія болѣзнь въ первый разъ открылась во мнѣ съ нѣкоторою силою; тогда-то заронились мнѣ въ сердце первыя сѣмяна отвращенія отъ аристократіи, въ послѣдствіи столь постоянно развивавшіяся.

Въ Кіевѣ мечталъ я о Москвѣ; въ Москвѣ только и думалъ что о Кіевѣ. Но безъ насъ все уже тамъ перемѣнилось. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генераль Розенбергъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Сей послѣдній не успѣлъ еще съ Кавказа пріѣхать въ Кіевъ, какъ его перевели въ Каменецъ-Подольскъ, а на его мѣсто назначили... кто бы могъ ожидать? того самого князя Дашкова, который жилъ въ Кіевѣ брошенный всѣми. Онъ находился шефомъ какого-то полка, былъ за чѣмъ-то вызванъ въ Петербургъ и тамъ до того полюбился императору, что вдругъ получилъ ленту, чинъ генераль-лейтенанта и мѣсто Кіевскаго военнаго губернатора. Трудно объяснить, что побудило кн. Дашкова говорить царю объ отцѣ моемъ? Чувство ли великодушное

или желаніе мести? Мнѣ пріятно думать, что онъ надѣялся доставить ему новое, высшее назначеніе. Онъ съ видомъ откровенности сказалъ, что ему совѣстно сдѣлаться начальникомъ заслуженнаго человѣка, который старѣе его въ чинѣ и гораздо старѣе лѣтами. Павелъ Первый не задумался, онъ церемониться не любилъ: вдругъ приказалъ безъ всякой другой причины отца моего отставить отъ службы. Лишить почетнаго, выгоднаго мѣста человѣка, который десять лѣтъ занималъ его съ честію, который въ глазахъ его ничѣмъ не провинился и даже былъ ему угоденъ, ему казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, никакая несправедливость его не устрашала: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость; во всѣхъ жестокихъ проказахъ своихъ видѣлъ онъ волю небесъ.

Будучи въ отставкѣ, не имѣя болѣе средствъ жить въ прежнемъ изобиліи, отецъ мой желалъ оставить Кіевъ, куда личный его непріятель прибылъ начальникомъ, и отправиться въ Пензу, которую онъ любилъ и куда призывали его хозяйственныя дѣла. Къ несчастію, въ послѣдній годъ своей службы, онъ увлекся страстію къ строеніямъ и затѣялъ огромный домъ, который надѣялся или выгодно отдавать внаймы или съ прибылью продать: ему необходимо было его окончить. Князь же Дашковъ, втайнѣ торжествуя, желалъ явить умѣренность, первый посѣтилъ отца моего, и потомъ при всякой встрѣчѣ показывалъ видъ, будто ему вездѣ уступаетъ мѣсто.

Въ Москвѣ жилъ я, между тѣмъ, въ совершенной праздности и скукѣ, не имѣлъ знакомыхъ, не имѣлъ книгъ и нетерпѣливо ожидалъ минуты, когда отдадутъ меня въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но зять мой, по своему пекшійся о моемъ благѣ, полагалъ, что для меня будетъ величайшая честь воспитываться вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, сыномъ его начальника: у него шли о томъ негоціаціи, и отъ того медлили рѣшить мою участь. Я зналъ о его намѣреніи и трепеталъ отъ ужаса сдѣлаться наперсникомъ Московскаго дофина. Въ Кіевѣ естественнымъ образомъ бралъ я верхъ надъ своими маленькими товарищами, въ Москвѣ я ожидать сего не смѣлъ; но все-таки не хотѣлось же находиться въ свитѣ сына, какъ зять мой былъ при особѣ отца *). Въ одномъ равенствѣ видѣлъ я свое спасеніе.

Моего мнѣнія не спрашивали, и дѣло было почти положено. Въ одинъ вечеръ пригласили меня, то-есть призвали, къ знатному моему ровеснику. Я чувствовалъ, что иду на смотръ: Московское житіе сдѣлало меня робкимъ, застѣнчивымъ; но отчаяніе дало мнѣ силы, и я

*) Кажется, съ этихъ поръ началъ я вездѣ, и особенно въ службѣ, ненавидѣть слово *при* и *у* и всегда предпочитать имъ частицу *съ*.

вооружился невѣдомою мнѣ дотолѣ наглостію. Я нашелъ графчика одного; я ожидалъ найти въ немъ спѣсь, но онъ мнѣ показался въ смущеніи, въ замѣшательствѣ. Притворная смѣлость моя его ободрила, мы начали говорить вздоръ и, какъ водится между мальчиками, черезъ нѣсколько минутъ коротко познакомились. Я уже умягчался душой, какъ вдругъ показались мои судьи, сперва мусью Моринѡ, наставникъ графа, за нимъ г. Лоранъ, воспитатель его, и, наконецъ, сама г-жа Лоранъ, супруга послѣдняго. Она была вся разряжена и, благосклонно улыбаясь, сказала мнѣ: «bon jour, mon petit»; не имѣя понятія о ея интригахъ, не знаю самъ отъ чего, я весь вспыхнулъ и готовъ былъ въ нее вцѣпиться. Съ трехъ сторонъ посыпались на меня вопросы. Я прескверно говорилъ по-французски; тутъ нарочно я коверкалъ языкъ, вралъ и дурачился. Плеча пожимались, уста насмѣшливо улыбались, и все мнѣ показывало, что я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Можетъ быть, я и напрасно приписываю себѣ успѣхъ въ семъ дѣлѣ; я не имѣлъ довольно ума и искусства, чтобы прикидываться глупымъ; можетъ быть я показался бы имъ неуклюжимъ и безъ всякихъ усилій; но какъ бы то ни было, я торжествовалъ, чувствуя, что мнѣ не выбрили затылокъ.

Послѣ того я съ сыномъ графа Салтыкова встрѣчался только изрѣдка въ манежѣ отца его, куда ходилъ я учиться верховой ѣздѣ. Онъ всегда ласково протягивалъ мнѣ руку, говоря съ сожалѣніемъ о невозможности намъ часто видѣться. Онъ былъ преблагородный, предобрый малый, не имѣлъ понятія о спѣси, но къ сожалѣнію и ни о чемъ не имѣлъ понятія. Единственный наслѣдникъ большаго состоянія и знатнаго имени, природою не обиженный, онъ достоинъ былъ лучшаго воспитанія. Лораны были просто интриганы и пройдохи, которые мало заботились о своемъ воспитанникѣ, но имѣли по крайней мѣрѣ свѣтское образованіе; поклонникъ же ихъ Моринѡ, какъ узналъ я послѣ, былъ пошлый дуракъ, совершенный невѣжда и въ обращеніи настоящій мужикъ. Въ то время стоило лишь быть Французомъ, чтобы заслужить довѣренность знатныхъ родителей.

Я сказалъ выше, что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ, забывъ, что одному нечаянному случаю былъ я обязанъ весьма пріятнымъ знакомствомъ. Мы жили въ приходѣ Косьмы и Даміана, куда по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ я слушать обѣдню; однажды я замѣтилъ группу женщинъ, откуда смотрѣли на меня съ Московскимъ любопытствомъ, которое тогда было гораздо сильнѣе и выразительнѣе, чѣмъ нынѣ. По окончаніи богослуженія, одна изъ сихъ женщинъ, постарѣе другихъ, отдѣлилась отъ группы, подошла ко мнѣ и спросила: «чей ты, голубчикъ?» Я покраснѣлъ отъ сего вопроса, который мнѣ показался обиднымъ, однакоже назвался. За отвѣтомъ моимъ

последовало громкое восклицаніе: «ахъ, Боже мой, какъ я рада; да какъ миль, какъ хорошъ!» Потомъ пожилая дама потребовала, чтобъ я слѣдовалъ за нею, прибавляя, что она живетъ въ двухъ шагахъ; я отговаривался тѣмъ, что не смѣю ни къ кому ходить безъ позволенія сестры. «Пустое, пустое, батюшка», сказала она, «мы ведемъ тебя не въ худое какое мѣсто; пошлемъ слугу твоего сказать сестрицѣ, что ты у насъ, и она успокоится». Взглянулъ я на нихъ: старыя показались мнѣ такъ добры, молодыя такъ милы, что я пересталъ отговариваться. По узкому переулку пришли мы къ калиткѣ, чрезъ нее вошли въ садъ; потомъ пройдя дворъ, я очутился въ барскихъ, разукрашенныхъ хоромахъ *).

Надобно, однакоже, объяснить причины столь внезапнаго знакомства. Почти за годъ до того, въ Іюльскій палящій зной, у насъ кто-то смотрѣлъ въ окошко и указалъ матери моей старую, дряхлую женщину, которую два дюжихъ лакея болѣе тащатъ, чѣмъ ведутъ подъ руки, а за нею толпу женщинъ въ дорожномъ платьѣ. Изнеможеніе, страданія были на лицѣ старушки; мать моя послала предложить ей карету и просить ее покамѣсть къ себѣ отдохнуть, что приняла она съ благодарностію. Это вышла одна почетная дама, Авдотья Ивановна Талызина, пріѣхавшая на богомолье; у нея что-то изломалось, да и лошади рѣшительно отказались взвезти тяжелый экипажъ ея на крутую, сыпучую, Печерскую гору. Ее успокоили, угостили и не прежде отпустили, пока не пріискали хорошей квартиры. Она была чрезвычайно тронута гостепріимствомъ незнакомыхъ ей людей и потомъ, хотя имѣла намѣреніе посѣщать одни только монастыри и церкви, пріѣзжала и къ намъ, увѣряя, что въ назидательно-веселой бесѣдѣ матери моей находитъ столько же услажденій, какъ и въ молитвѣ.

Съ нею была одна родственница, Александра Николаевна Полтева, зрѣлая дѣва, которая, оплакивая потерю жениха, рѣшилась посвятить себя иноческой жизни въ Кіево-Флоровскомъ монастырѣ: благое намѣреніе, которое сохранила она всю жизнь свою, не приводя его въ исполненіе. Возвращаясь въ Москву, г-жа Талызина поручила ее утѣшеніямъ и попеченіямъ моей матери. Ея-то старшая сестра Анна Николаевна Полтева замѣтила меня въ храмѣ и, узнавъ фамильное имя мое, увлекла съ собою. Она жила у третьей сестры своей, которая была замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, братомъ г-жи Талызиной.

*) Это домъ въ Камергерскомъ переулкѣ, нынѣ Ланозова (гдѣ театръ Горевой). Садъ его и заднія строенія еще въ 50-хъ годахъ простирались до переулка Козмодемьянскаго и выходили противъ зданія Тверской Части. П. Б.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однакоже, вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу я обязанность принятаго мною званія разскащика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина: тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнны, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но торопливы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденіе съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домомъ. Дѣйствительно, онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домѣ своемъ обычаи старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у Европейскихъ народовъ *).

Онъ былъ сухенькій старичокъ, но весьма живой и, какъ говорятъ Французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ; а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставнаго камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ Екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; не смотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ Русскій: не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно Французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домѣ его все напоминало Русское барство, и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями — аристократіей и барствомъ, надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ шитьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко-знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Лудовика XV и, въ качествѣ Русскаго принца, былъ представленъ ко двору его. Такъ очарователенъ примѣръ старой грѣховодницы-Франціи, что добрый и честный князь завелъ свою мадамъ де-Помпадуръ.

*) Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Больная, набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Это было ненужно: какъ въ гостиной, такъ и въ сердцѣ ея супруга, мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея призрѣнная. Но это еще не все; была въ одно и тоже время и мадамъ Дюбарри. Видно, въ это время Французскія гувернантки занимали вездѣ болѣе одной должности. Мамзель Дюбуа, которая воспитывала двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ... стыдно сказать, родилось сожалѣніе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница. Я не могу понять, какъ согласилась она играть второстепенную ролю, тогда какъ подлѣ дѣвицы Сабуровой казалась она какъ пышный цвѣтъ подлѣ миниатюрнаго скелета; предпочтеніе же Аннѣ Васильевнѣ было очевидно.

Несмотря на эти княжескія прихоти, которыя у насъ въ Россіи могли бы войти въ пословицу, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семь домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного; но за то посѣтельнымицами онъ изобиловалъ. Большая часть изъ нихъ были такъ называемыя Московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; однѣ старѣлись въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣтельницами отъ времени становились иногда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужнихъ старушекъ, ихъ общества составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ они были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно - праздная; въ домѣ онѣ кой за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя комиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней гранъ-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но онѣ соблюдали ихъ съ точностію мелочною; онѣ знали всѣ храмовыя праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, ими наполнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ бесполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало спросишь: кто онѣ такія? скажутъ такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лисаветы Ѳеодоровны. Нельзя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разговоръ ихъ былъ невинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрез-

вычайно любили, осыпали ласками и, будучи сами пристрашныя лакомки, и меня прикармливали вареньями и пастилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такого рода женщины, и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя, хотя, впрочемъ меня, свѣжаго мальчика, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевскаго благодарить мнѣ нечего: онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился. Когда послѣ воротился я въ Москву уже взрослымъ мальчикомъ, то не могъ быть принятъ въ его домъ, гдѣ, видно, наблюдались всѣ строгія правила гаремовъ.

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгини Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбуа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону г-жи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ Университетскомъ пансіонѣ; но Французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славились его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбуа, прибавляя, что изъ рукъ г-жи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими Французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человекомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйстви-тельно лучше отдать меня къ Французамъ. Видно, на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія.

Исполненіе намѣренія предать меня въ руки мадамы замедлилось нѣсколько дней по случаю тревоги, въ которой находилась вся Москва, и особенно свита графа Салтыкова. Ожидали скорого прибытія императора, полки собирались на маневры, и всѣ исполнены были страха, надеждъ и любопытства. Я стоялъ съ трепетомъ 10-го Мая*) на Тверской, подлѣ дома главнокомандующаго, когда Павелъ Первый въ нѣсколькихъ шагахъ проѣхалъ мимо меня. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ съ своимъ наслѣдникомъ и съ улыбкой кланялся (безобразіемъ его я былъ столько же пораженъ, какъ и красотою Александра). Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ

*) 1798 года. П. Б.

онъ всѣхъ изумилъ своею снисходительностію: щедротами онъ удивить уже не могъ. Войскамъ объявилъ совершенное свое удовольствіе. Шефа одного полка, который былъ дѣйствительно очень дурень, онъ наказалъ только тѣмъ, что ничего ему не далъ, но не позволилъ себѣ сдѣлать ему даже выговора; всѣхъ же другихъ завѣшалъ орденами, засыпалъ подарками. Никто не могъ постигнуть причины такого необыкновеннаго благодушія; узнали ее послѣ. Любовь, умиряющая царя звѣрей, побѣдила и нашего грознаго царя: пылающіе взоры известной Анны Петровны Лопухиной растопили тогда его сердце, которое въ эту минуту умѣло только миловать. Графу Салтыкову пожаловалъ онъ четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, а всѣхъ адъютантовъ его, въ томъ числѣ и зятя моего, произвелъ въ слѣдующіе чины.

Въ пансіонѣ, въ который, наконецъ, отвезли меня, воспитывались дѣти обоего пола, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ содержательницы его. Я ожидалъ найти въ ней другую мамзель Дюбуа; можетъ быть, лѣтъ двадцать до нашего знакомства была она и лучше. Тогда она была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, полная, бѣлая, которая задыхалась отъ здоровья, у которой щеки алѣли всегда отъ удовольствія, когда не багровѣли отъ гнѣва. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, и мнѣ казалось обиднымъ, что меня ставятъ на одну съ ними ногу, тогда какъ почти всѣ они были меня моложе. Я, напротивъ, имѣлъ притязанія на совершенную свободу, коею пользовался соученикъ мой Лутовиновъ, пятнадцати или шестнадцати-лѣтній дюжій мальчикъ, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все что ему было угодно. Еслибъ я былъ нѣсколько постарѣе, то можетъ быть умѣлъ бы присвоить себѣ равныя съ нимъ права; а можетъ быть и нѣтъ, ибо румянецъ осенняго листа, ветчинная свѣжесть г-жи Форсевиль мнѣ были вовсе не по вкусу.

Былъ также и мусью Форсевиль; онъ принадлежалъ къ тому роду незамѣтныхъ мужей, коихъ существованіе поглощается и исчезаетъ въ великой знаменитости супруговъ, какъ мужъ г-жи Жоффренъ или г-жи Каталани. Заведеніе находилось подъ его фирмой, но въ немъ почти ни во что онъ не мѣшался. Онъ мало выходилъ изъ своей каморки, прозванный кабинетомъ, развѣ только потому, что въ ней находился маленькій шкафъ, съ двумя дюжинами какихъ-то книгъ, прозванный библіотеккой. Тутъ не было ни письменнаго столика, ни даже чернильницы, а одни станки, да пилы, буравы, всѣ принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилками, и все обличало присутствіе болѣе мастерового, чѣмъ грамотнаго человѣка. На природномъ языкѣ говорилъ онъ какъ простолюдинъ, за

то увѣрялъ, что весьма хорошо знаетъ Англіійскій, и взялся два раза въ недѣлю учить меня оному. Недостатокъ ли въ его знаніи или въ моихъ способностяхъ былъ причиною, что я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ. Онъ былъ совершенный сморчокъ, старичишка добрый, по крайней мѣрѣ для меня; довѣренность его ко мнѣ до того простиралась, что изъ учениковъ я только одинъ имѣлъ входъ въ такъ называемый кабинетъ его, гдѣ тайнственно предавался онъ своимъ занятіямъ. Онъ долго жилъ въ Англіи и всегда предпочиталъ ее своему отечеству; теперь я увѣренъ, что онъ тамъ былъ ремесленникомъ. Богъ вѣсть, какъ занесло его къ намъ и какъ встрѣтился и совокупился онъ съ Француженкой, въ Россіи родившеюся, хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всемъ онъ говорилъ равнодушно, кромѣ Англіи; самая покорность его супругѣ, кажется, была не что иное, какъ слѣдствіе уваженія его къ той землѣ, гдѣ королевы женятся.

Пребываніе мое въ пансіонѣ мнѣ сначала полюбилось. Лѣто было прекрасное: отъ барства, шуму, духоты городской, мнѣ казалось, что я перенесенъ въ тихое, сельское уединеніе. Домъ, въ которомъ помѣщался Форсевилевъ пансіонъ, находился у подошвы невысокой горы, на которой построенъ упраздненный Новинскій монастырь; сей пригорокъ заслонялъ намъ видъ городскихъ строеній, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на рощи, сады и невысокіе деревянные дома, между ними разсѣянные. Товарищи мои рѣчами и манерами также напоминали деревню: каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ и могъ только, въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ, познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человѣкъ тридцать; каждого изъ нихъ могъ бы я и теперь назвать по имени и отчеству, хотя, съ самой минуты нашей первой разлуки, я ни съ однимъ не встрѣчался, ни объ одномъ ни слыхивалъ ни слова. Въ пространномъ мірѣ, называемомъ Россія, въ сей цѣлой части свѣта болѣе чѣмъ въ государствѣ, люди, съ которыми долго живешь и бесѣдуешь, не переставая существовать, часто исчезаютъ какъ атомы, теряются въ безъизвѣстности. Куда дѣвались мои товарищи? Не зная ничего о судьбѣ ихъ, но судя по ихъ способностямъ и образу воспитанія, могу съ достовѣрностію рассказать ихъ исторію. Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣлили въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два произвели въ прапорщики; одни воспользовались симъ первымъ чиномъ, чтобы выйти въ отставку: другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или до штабсъ-капитановъ, но наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ

они зарылись въ деревнѣ, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтьми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ; другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣдатели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали неправо наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли.

Дѣвицы, которыя съ нами воспитывались, обѣдали, а иногда и учились за однимъ съ нами столомъ, жили, однакоже, въ особой половинѣ. Онѣ были также маленькія провинціалки, но граціознѣе и остроумнѣе мальчиковъ. Изъ двадцати или изъ двадцати пяти, одну только Ложечникову можно было назвать хорошенькою; не знаю, гдѣ умѣли набрать такихъ уродцевъ. Обхожденіе съ ними Форсевильши было болѣе строгое: отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ, бѣдныжки приходили въ ужасъ. Болѣе всѣхъ тирански преслѣдовала она бѣдную, четырнадцати или пятнадцати-лѣтнюю Француженку, дочь какого-то пріятеля, которая училась у нея даромъ, а за то употреблялась для разныхъ домашнихъ упражненій безъ платы; расцвѣтающія прелести были ея виною въ глазахъ отцвѣтшей мадамы. Ее звали Лабордъ; она родомъ казалась болѣе изъ Индіи, чѣмъ изъ Франціи: весь пламень Востока и Юга блисталъ въ черныхъ глазахъ ея, самый яркій румянецъ выступалъ на смугло-свѣжихъ ея щекахъ; ея волосы, уста и губы позволилъ бы я себѣ сравнить съ эбеномъ, коралломъ и перлами, еслибъ отъ частаго употребленія сии сравненія мнѣ самому не надоѣли; выраженіе же лица юной одалиски словами невыразимо. Живши съ ней подъ одною кровлей, видя ее часто, я бы влюбился въ нее, еслибы былъ постарѣе; однакоже, не смотря на отрочество мое, я не былъ къ ней совершенно равнодушенъ, написалъ какой-то вздоръ и всунулъ ей потихоньку въ руку во время танцевальнаго класса, который для дѣвочекъ почти столь же опасенъ, какъ балы для дѣвицъ, а для меня всегда былъ часомъ искушеній. Я ожидалъ отвѣта, но тиранка-Форсевиль имѣла свою тайную полицію: кто-то изъ уродцевъ подсмотрѣлъ и донесъ. На другой день тревога, позоръ и срамъ: призывали виновныхъ, осыпали ихъ ругательствами, самыми грубыми, непристойными укоризнами; я стоялъ какъ вкопанный, не внималъ имъ, а только смотрѣлъ на слезы и на тяжело вздохами волнуемую грудь, и былъ весь раскаяніе. Определено обоихъ выгнать изъ пансіона, и приговоръ исполненъ въ тотъ же день; меня отослали къ роднымъ, но какъ шуринъ адъютанта главнокомандующаго, я на другой же день воротился съ письменнымъ увѣреніемъ, что дома строго былъ нака-

занъ. Наказаніе мое состояло въ грустныхъ, нѣжныхъ упрекахъ сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцомъ. Чрезъ три дня явилась и бѣдная Лабордъ, но съ тѣхъ поръ я не смѣлъ уже подходить къ ней, а она на меня даже и глазъ не подымала *). Примѣръ сей не нуженъ, чтобы доказать, сколь опасно воспитывать вмѣстѣ дѣтей разнаго пола; теперь это вывелось, а въ старину полагали, что до пятнадцати лѣтъ всѣ дѣти должны быть столь же безстрастны, какъ грудные младенцы.

Главный вопросъ, который долженъ былъ сдѣлать всякій и который могу я самъ себѣ сдѣлать: да чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ; помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ тогда въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранные языки. Учители ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить; одинъ только Нѣмецкій учитель, нѣкто Гильфердингъ, былъ похожъ на что-нибудь. Онъ одинъ только бралъ на себя трудъ разсуждать съ нами и толковать намъ правила грамматики; другіе же разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ. Мы были настоящее училище попугаевъ. Догадливые родители не долго оставляли тутъ дѣтей, а отдавали ихъ потомъ въ пансіонъ Университетскій. Сіе неминуемо должно было со мной случиться, но странность судьбы моей къ тому не допустила.

Четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, пожалованныя императоромъ графу Салтыкову, предоставлены были его выбору. Пользуясь необыкновенною милостью царя, онъ выпросилъ у него позволеніе отправить адъютанта своего, подполковника Алексѣева, чтобы сдѣлать сей выборъ. Оказывая неограниченную довѣренность зятю моему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ ему безсрочный отпускъ. Въ концѣ Августа собралась сестра моя съ мужемъ въ Кіевъ къ родителямъ, а въ началѣ Сентября оставила меня одного въ Москвѣ.

Мое одиночество показалось мнѣ ужаснымъ, хотя въ положеніи оставленнаго въ пансіонѣ мальчика не было ничего необыкновеннаго. Сестра, отъѣзжая, поручила меня попеченіямъ близкой родственницы мужа своего, не очень старой, но и не весьма молодой дѣвицы, Дарьи Ивановны Корольковой, которая имѣла собственный домъ за Сухаревою башней. Сей доброй и умной, кроткой и твердой женщиной недо-

*) Я тщетно старался послѣ развѣдать о ея участи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ только узналъ я, что она замужемъ за старымъ, ревнивымъ Нѣмцемъ, клавирнымъ мастеромъ, и что нѣтъ возможности ее видѣть. Милая Лабордъ, я почти увѣренъ, что она погибла во цвѣтѣ лѣтъ жертвою пылкихъ страстей!

ставало только воспитанія; своимъ примѣромъ она доказывала, что оно не всегда бываетъ необходимо для собственнаго счастія и для блага окружающихъ. У нея также жили двѣ барышни, подъ именемъ компаньонокъ, и онѣ все вмѣстѣ старались утѣшать меня. Всякую Субботу или наканунѣ праздника, у подъѣзда пансіона всегда являлся замною экипажъ и отвозилъ меня къ моей попечительницѣ. Главныя заботы ея обо мнѣ состояли въ томъ, чтобы меня исправно водили у нея въ баню, вычесывали голову, чаще мѣняли бѣлье, и чтобы поутру къ чаю всегда подавали мнѣ свѣжіе крендели. Поведеніемъ моимъ она не могла нахвалиться, и какъ не быть довольну такимъ человѣкомъ, который сидитъ сложивъ руки, все молчитъ и тайкомъ зѣваетъ? Она меня очень полюбила и потому неохотно отпускала меня иногда въ домъ Одоевскихъ, гдѣ, признаюсь, мнѣ всегда было гораздо веселѣе съ губительницей моею Дюбуа.

Письмами своими старался я разжалобить родителей и въ томъ успѣлъ; но не вполне достигъ я своей цѣли, ибо, вмѣсто того чтобы отдать меня въ Университетскій пансіонъ, велѣно обратно меня отправить въ Кіевъ. Причина тому была нижеслѣдующая. Въ числѣ имѣній князя Потемкина, коимъ наслѣдовали племянницы его, находилось въ Кіевской губерніи село Казацкое, доставшееся на часть княгини Голицыной, женѣ извѣстнаго князя Сергія Ѳеодоровича. Мужъ ея нѣкогда воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ одно время съ отцомъ моимъ, и хотя нѣсколько лѣтъ былъ его моложе, всегда помнилъ его, любилъ и сохранялъ съ нимъ сношенія; она же была родная сестра графини Браницкой. По симъ уваженіямъ (какъ часто говорится въ канцелярскихъ бумагахъ), проѣзжая въ сказанное имѣніе чрезъ Кіевъ, она прямо остановилась у моей матери, хотя до того не была съ ней знакома. Ея супругъ начальствовалъ тогда надъ корпусомъ, посылаемымъ на помощь Австріи противъ Французовъ, а она намѣревалась нѣсколько лѣтъ прожить въ деревнѣ, для поправленія разстроенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Покойная мать моя, которая съ ней скоро подружилась, не въ состояніи была не говорить о томъ, что ей казалось моею миловидностію и затѣйливостію, и о тяжелой для нея разлукѣ со мною; слушая ее, княгиня Голицына предложила ей взять меня къ себѣ, чтобы не подалеку отъ Кіева воспитываться вмѣстѣ съ ея сыновьями, и прибавила, что многочисленность ея семейства и разные учителя дѣлаютъ изъ ея дома настоящій пансіонъ. Предложеніе было принято, и я, ничего о томъ не вѣдая, несказанно возрадовался, въ упованіи вновь узрѣть богоспасаемый градъ Кіевъ.

Одну Московскую барыню, на житъе переселившуюся въ Кіевъ и находившуюся тогда въ Москвѣ, по какимъ-то дѣламъ, просила мать

моя привезти меня съ собою. Итакъ госпожа Королькова взяла меня отъ госпожи Форсевиль и передала госпожѣ Турчаниновой: тогда судьба моя была переходить изъ рукъ въ руки къ женщинамъ.

Но прежде чѣмъ отправлюсь изъ Москвы, хочу описать, сколько можно вкратцѣ, какъ особу, съ которою долженъ былъ совершить путешествіе, такъ и семейство ея.

Во время походовъ Миниха и Ласси, маленькой Турченкоу былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и привезенъ въ Петербургъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, которая его крестила. Елисавета Петровна отдала его въ услуженіе наслѣднику своему; онъ сдѣлался Кутайсовъ Петра III-го. Господинъ и государь его не имѣлъ времени пожаловать его графомъ или свѣтлѣйшимъ княземъ, и въ день кончины его онъ назывался только Александромъ Александровичемъ Турчаниновымъ, камердинеромъ полковничьяго ранга. При Екатеринѣ онъ скрывался, потомъ на сбереженные деньги купилъ имѣніе въ Орловской губерніи, потомъ женился на сосѣдкѣ, дѣвицѣ Сибилевой, также съ нѣкоторымъ достаткомъ. Семейство ихъ въ тихомолку плодилось и множилось, равно какъ и состояніе; наконецъ, они имѣли даже домъ въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.

Воцареніе Павла пробудило давно заснувшія надежды малаго числа приверженцевъ Петра III; въ числѣ ихъ предсталъ и г. Турчаниновъ предъ новымъ императоромъ, который приказалъ производить ему все содержаніе, кое получалъ онъ при отцѣ его, а сверхъ того выдать ему оное за все время царствованія Екатерины съ выросшими процентами и рекамбіями. Составился значительный капиталъ, на который искалъ онъ купить хорошее имѣніе. Тогда въ Кіевской губерніи продавались за ничто помѣстья князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго короля; для сбыта ихъ былъ данъ ему самый краткій срокъ, ибо онъ переѣхалъ въ Австрію и не хотѣлъ сдѣлаться Русскимъ подданнымъ. Бывши въ Кіевѣ на богомольѣ, г-жа Турчанинова о томъ провѣдала, купила селеніе Степанцы, состоявшее изъ 1000 душъ, кажется, не болѣе какъ за 60000 рублей и потомъ подвластнаго ей мужа выписала изъ Орла.

Онъ былъ сухенькій, сладенькій старичокъ, который всегда улыбался и до того ко всѣмъ былъ ласковъ, что рождалъ недовѣрчивость. Супруга его, женщина еще видная, соединяла твердость съ добротою душевною; слабость ея, впрочемъ весьма простибельная, была желаніе казаться моложе, и потому-то погибшія на лицѣ ея розы и лиліи она весьма неискусно замѣняла искусственными. Изъ многочисленнаго семейства ихъ одна только младшая дочь была примѣчательна и сдѣлалась даже въ послѣдствіи извѣстною.

Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала Латинскій и Греческій языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у насъ ее знали подъ именемъ философи. Вся Кіевская ученость скрывалась тогда подъ иноческими мантиями въ стѣнахъ Братскаго монастыря; она открыла ее и, чуждая мірскихъ слабостей, не побоялась свести явную, тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи. Съ такой высоты вдругъ опустила она вниманіе на маленькаго невѣжду, котораго пугали и странность ея наряда, и мрачное выраженіе ея лица.

Когда она выпросила меня къ себѣ въ гости, и меня въ первый разъ къ ней послали, то я отправился весьма неохотно. Только сей первый шагъ былъ для меня труденъ, а потомъ я надоѣдалъ просьбами о дозволеніи посѣтить ее. Чистота ли ея души, сквозь неопрятную оболочку, сообщалась младенческой душѣ моей, или магнетическая сила ея глазъ, коихъ дѣйствіе испытывали въ послѣдствіи изувѣченныя дѣти, дѣйствовала тогда и на меня: я находился подъ очарованіемъ. Я не нашелъ въ ней и тѣни педантизма: всегда веселая, часто шутливая, она объяснялась съ дѣтскою простотою. Правда, иногда бралась она допрашивать меня о томъ, чему я учился, и ужасалась глубинѣ моего невѣдѣнія; но вдругъ потомъ, какъ Пифагоръ на треножникѣ, какъ бы содрогаясь отъ вдохновенія, сверкала очами и начинала предрекать мнѣ знаменитость. Увы, пророчества ея столь же мало сбылись, какъ и удалось ея лѣченіе!

Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета, хвалилась любовію и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Поэзія доступна понятіямъ младенчествующихъ какъ народовъ, такъ и людей, и хотя она была для меня Халдейскимъ языкомъ, дѣвица Турчанинова заставляла меня иногда читать нѣкоторыя мѣста изъ Россіады и негодовала, когда неодолимая зѣвота мѣшала мнѣ продолжать сіе чтеніе. Тогда принималась она за мелкія стихотворенія, потчивала меня ими, упрашивала выучить наизусть, и одно только изъ нихъ, «Ода на смерть сына моего», Капниста, мнѣ полюбилось и осталось доселѣ у меня въ памяти. Первое знакомство съ Русскими музами сдѣлалъ я въ запыленномъ, засаленномъ кабинетѣ моей любезной Турчаниновой.

Лѣтъ тридцать спустя, увидѣлъ я ее опять въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ имя ея надѣлало въ немъ великій шумъ, но столь же

кратковременный какъ и надежды, кои возбудила она въ сердцахъ скорбныхъ родителей обѣщаніемъ исцѣлить ихъ дѣтей. Я не нашелъ въ ней почти никакой перемѣны: черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза ея все еще горѣли прежнимъ жаромъ; черныя, длинныя нечесанныя космы, какъ и прежде, выбивались изъ подъ черной скуфы, и вся она, какъ черная трюфель въ маслѣ, совершенно сохранилась въ своемъ сальномъ одѣяніи. Я не упомянулъ объ ней, говоря о Кіевѣ; тамъ видѣлъ я еще много другихъ примѣчательныхъ особъ и умолчалъ объ нихъ съ намѣреніемъ послѣ описать ихъ, по мѣрѣ какъ въ совершеннолѣтіи случай опять сводилъ меня съ ними.

Съ ея родительницей я долженъ былъ отправиться, и отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на третій день послѣ Рождества. Я былъ внѣ себя отъ радости; но, въ самую почти минуту сего отъѣзда, къ ней примѣшалось маленькое горе. Младшій сынъ г-жи Турчаниновой, по совѣту сестры, учился въ Университетскомъ пансіонѣ; къ нему пришли товарищи и начали при мнѣ читать *Московскія Вѣдомости*, лежавшія на столѣ. Въ нихъ было помѣщено извѣстіе объ экзаменѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ семъ пансіонѣ происходившемъ, и имена учениковъ, получившихъ награды. Двумъ только даны были золотыя медали; одинъ изъ нихъ г. Кириченко-Астромовъ, находился тутъ на лицѣ; привѣтствія ему и поздравленія хозяйки были мнѣ какъ острый ножъ. Отецъ его занималъ какую-то маленькую должность въ Кіевѣ, и онъ ласково подошелъ ко мнѣ, называя себя моимъ землякомъ; но я спѣсиво и холодно отвѣчалъ ему, что никогда имени его не слыхивалъ (этой глупости я въ вѣкъ себѣ не прощу). Имя другаго ученика, цѣлой Россіи послѣ знакомое, имя Жуковского, было тогда столь же мало извѣстно. Увѣряли, будто онъ Полякъ; другіе утверждали, что онъ Малороссіянинъ; онъ самъ долго не могъ рѣшиться, чѣмъ ему быть и оставался покаместъ Русскимъ, слава наше отечество и имъ славимый. Послѣ восторговъ, произведенныхъ во мнѣ его стихами, мнѣ нечего раскаиваться въ зависти, которую возбудило во мнѣ имя его, въ первый разъ какъ я его услышалъ.

XIV.

Несмотря на весьма хорошій гладкій, зимній путь, мы ѣхали медленно на Лихвинъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ. Близъ новой сей для меня дороги жили родные г-жи Турчаниновой, Панины, Кривцовы и другіе, и она безпрестанно къ нимъ сворачивала. Я сидѣлъ съ ней рядомъ въ четверомѣстномъ возкѣ, а противъ насъ довольно толстая и безобразная горничная, которую прозвала она бомбой. Я находилъ

довольно разсѣянности въ разговорахъ самой г-жи: она любила рассказывать, я любилъ слушать и узналъ отъ нея множество старинныхъ анекдотовъ и генеалогію знатнѣйшихъ въ Москвѣ домовъ. Страсть ея казаться моложе не покидала ее и дорѣгой: всякій день покрывала она румянами синеу, которую сильный холодъ производитъ на старыхъ лицахъ; въ городахъ же и въ гостяхъ у родныхъ, вездѣ гдѣ только останавливалась она на сутки, не упускала бѣлиться и проводить себѣ синія жилки, и лицо ея, какъ трехцвѣтное знамя, гордо подымалось противъ законнаго могущества времени.

Украина была для меня настоящая родина; сильно забилося во мнѣ сердце, когда, послѣ годоваго отсутствія, я опять ее увидѣлъ. Когда въ Есмани, первой Малороссійской ставціи, вошелъ я въ хату и услышалъ: «що, пане», то едва не заплакалъ отъ радости. Старая спутница моя, которая часто бывала недовольна моимъ упрямымъ молчаніемъ, удивилась моей внезапной болтливости: я вступалъ въ разговоры со всѣми мужиками и крестьянками, которыхъ находилъ на станціяхъ. Нарѣчіе Хохловъ, по мнѣнію нашему столь грубое, мнѣ казалось райскимъ пѣніемъ; какъ Батюшкову, знакомыми звуками хотѣлось мнѣ насытить свой жадный слухъ. Но что сдѣлалось со мною, когда, оставя Бровары, сквозь чащу лѣса въ глазахъ моихъ

Какъ звѣздочка зажглася

Глава Печерская съ крестомъ?

Турчаниновой показалось, что я сошелъ съ ума: я крестился, я плакалъ, я дрожалъ. Давно уже зналъ я что такое любовь къ ближнимъ и, къ несчастію, до сихъ поръ не совсѣмъ еще тому разучился; тогда въ первый разъ ощутилъ я, какъ сильно и неодушевленные любимые предметы могутъ говорить нашимъ чувствамъ. Отъ восторга къ восторгу, очутился я наконецъ въ объятіяхъ родителей, сестеръ и братьевъ.

Это было въ половинѣ Генваря 1799 года. Все наше семейство довольно тѣсно помѣщалось тогда въ одномъ флигелѣ, вновь построеннаго, но еще неотдѣланнаго дома на Печерскомъ форштатѣ, близъ Никольскаго монастыря. Отецъ мой жилъ благородно, довольно открыто, но уже не было слѣдовъ маленькой роскоши, въ которой домъ нашъ я оставилъ. Сестра моя медленно оправлялась послѣ первыхъ, мучительныхъ родовъ мертвою дочерью. Братья были оба въ отставкѣ: старшій получилъ ее по просьбѣ, а о меньшомъ прочитали разъ въ приказахъ, что онъ отставляется отъ службы, безъ всякой оговорки. Никто не зналъ причины, и никто тому не удивлялся: это случалось ежедневно, и всякій въ свою очередь могъ того же ожидать. Вообще въ образѣ жизни моихъ родителей нашелъ я большую перемену: ме-

нѣе шуму, менѣе суеты, но за то еще болѣе семейственнаго согласія, семейственнаго счастья и тихаго веселія.

Князя Дашкова уже въ Кіевѣ не было. Новымъ поведеніемъ своимъ онъ заставлялъ забывать прежніе свои поступки, съ усердіемъ исправлялъ лежащія на немъ обязанности, и всѣ имъ были довольны. По какому-то недоразумѣнію, или наговору, Богъ вѣсть за что, царь на него прогнѣвался и, безъ всякой церемоніи, просто отставилъ его отъ службы; онъ поклонился и уѣхалъ въ деревню.

Объ немъ бы стали можетъ быть даже жалѣть, но преемникъ его того не допустилъ. Это былъ извѣстный природнымъ умомъ, правдивостію и опытностію въ дѣлахъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ государственныхъ людей, образованныхъ Екатериной. Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, въ такое время когда юношество училось Нѣмецкому языку болѣе чѣмъ Французскому, онъ зналъ его лучше другихъ и для того былъ императрицей опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ и пробылъ онъ лѣтъ пятнадцать. Онъ имѣлъ отъ нея тайное порученіе, которое онъ одинъ только въ состояніи былъ выполнить: стараться познакомить Нѣмцевъ съ Русскимъ языкомъ и пріучить ихъ къ нашимъ обычаямъ, законамъ и нравамъ. Наружное безобразіе, видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ подвластныхъ ему отвращеніе и страхъ; твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи вселяли потомъ къ нему довѣренность; наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать кому только могъ, обращала все это въ искреннее къ нему уваженіе. Въ немъ была и Русская хитрость; но онъ не тратилъ ея на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.

Потомъ былъ онъ генераль-губернаторомъ Орловскимъ и Курскимъ; въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ имѣлъ онъ постоянное пребываніе и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ пріятности общежитія. Курская губернія, коей уѣзды примыкающіе къ Малороссіи были искони наполнены бѣглецами, бродягами, преступниками, при немъ только переставала быть разбойничьимъ вертепомъ. При Павлѣ дали ему въ управленіе Подолію и Волынь; потомъ перевели его въ Малороссію и придали ему наконецъ Кіевъ и Минскую губернію.

Старинную дружбу, сведенную съ отцомъ моимъ въ молодыхъ лѣтахъ, возобновилъ онъ въ старости и часто наединѣ требовалъ его совѣтовъ. Какъ въ Ригѣ плѣнилъ онъ Нѣмцевъ, заставляя ихъ однажды, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ умѣлъ

обворожить Поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать, мнѣ кажется, даже перемѣнить вѣру. Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія, въ безразсудное царствованіе ея преемника.

Только въ одной наружности Кіева не нашелъ я ни малѣйшей перемѣны; въ обществѣ же его почти на половину встрѣчались мнѣ совершенно новыя лица. Я не успѣлъ еще ознакомиться съ ними, не успѣлъ еще хорошенько узнать ихъ именъ, какъ родители мои объявили мнѣ о намѣреніи своемъ отдать меня въ домъ Голицыныхъ для усовершенствованія моего образованія и самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. Итакъ Кіевъ мелькнулъ только передо мною, ибо въ первыхъ числахъ Февраля отправились мы въ новое для меня мѣстопробываніе.

Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой; я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ, такъ точно какъ мужа господжъ Форсевиль и Турчаниновой. Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-Француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а иныя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изъ всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый Русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живоносные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукой опираясь объ часы, а другою держа миниатюрный портретъ Екатерины на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ.

При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ, также какъ у графа Салтыкова, находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ

съ женой, г-нъ и г-жа Дориньи и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семь домѣ Польскія и Русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, прикащиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное *). Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семь домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой; но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружающими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, отца своей любимицы, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе начатое императоромъ и, кажется, въ томъ успѣла.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои Польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украинѣ, послѣ раздѣленія ея на Русскую и Польскую и по совершенномъ порабощеніи послѣдней. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ, еще при Польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ; по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунь, я не могъ надивиться тому, что вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу Малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границей есть и было всегда настоящая Польша.

*) Нельзя себѣ представить, сколько добрыхъ и честныхъ людей, безъ всякой вины отставленныхъ или выключенныхъ изъ службы, въ сіе мрачное время скиталось безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куракина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою маіоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда онъ изволилъ шествовать въ свою домовую церковь,

Еще не было году, что семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы приѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянные барскіе хоромы, наскоро выстроенные, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, все это занесенное снѣгомъ, имѣло въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться приемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что во мнѣ происходило въ сію истинно-горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливныя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство: ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришлось мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиначкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными; но я нимало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровенностью, съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Черезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали г-жу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; съ изступленіемъ бѣшенства скоро получила она письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельд-егеръ не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что по досадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе. Столь ужаснѣйшаго гнѣва я никогда еще не видывалъ; онъ превратилъ ее въ фурію, искажилъ всѣ черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидѣтелями она имѣетъ дѣтей и слугъ, она проклинала царя, всѣхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ. Этотъ первый взрывъ яркими чертами освѣтилъ въ глазахъ моихъ весь характеръ той особы, у которой я находился въ зависимости и заставилъ меня въ поступкахъ своихъ быть весьма осторожнымъ.

Дни три спустя послѣ того прибылъ, или былъ привезенъ, самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Федора, от-

ставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генераль-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ Февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ, также безъ просьбы отставленныхъ, но не совсѣмъ однакоже безъ вины и причины. Итакъ Казацкое сдѣлалось мѣстомъ заточенія цѣлаго семейства, мнѣ совершенно чуждаго, но которое однакоже я долженъ былъ съ нимъ раздѣлять.

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами; когда же кончился классъ, и меня представили хозяину дома, то видъ его, спокойный, довольно - веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, спѣшу предупредить его, что между ними были лица отмѣнно-замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳеодоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая Русскаго, зналъ еще хорошо Нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ Французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михайловъ Михайловичей, коихъ счастье при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами Нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не расчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его запесло, онъ получилъ необоримое отвращеніе ко всему отечественному. Рассказывали, что, по возвращеніи изъ путешествій, онъ тотчасъ завелъ флѣровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ Французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что наконецъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь.

Къ счастію молодаго сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно Русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добрѣ, уменъ и храбрѣ: безъ того, не смотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы невозможно было выбиться изъ княжеской толпы *). Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, президентомъ Военной Коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. Тоже самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Это зналъ Павелъ Первый и, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами. Долго это продлиться не могло: только въ Екатеринино время можно было безнаказанно соединять вѣрную службу и преданность престолу съ нѣкоторою независимостію характера. Скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечяхъ Екатерины: на Гатчинскихъ фрунтовикахъ трудно бы было выѣхать. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ императору.

Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшенъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ

*) Наша Россія въ этомъ отношеніи не сходствуетъ ни съ сопредѣльною съ нею Азіей, въ которой рѣдко гдѣ можно найти аристократическія наследственные права, ни съ сосѣдственною феодальною Европой, гдѣ до конца послѣдняго столѣтія привилегированныя касты такъ много еще толковали о геральдикѣ, о своихъ родословныхъ, о своихъ пергаменахъ и гордились длиннымъ рядомъ предковъ всегда болѣе, чѣмъ богатствомъ, чѣмъ талантами и доблестями. У насъ пути къ славѣ, чицамъ и богатству открыты для всѣхъ состояній; сего мало: новое имя, получившее великую знаменитость, всеобщую извѣстность, самая противоположность низкаго происхожденія и высокой степени, до которой изъ него достигаютъ люди счастливые или способные, имѣетъ для Русскихъ особую привлекательность. Люди, которые, безъ личныхъ достоинствъ, хвастаются предками, у насъ становятся смѣшны; за то вельможи, которые не краснѣютъ отъ родства съ простолудинами, приобрѣтаютъ новыя права на уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, дворянскимъ достоинствомъ никто не пренебрегаетъ; ибо дворянство имѣетъ у насъ право, какимъ нигдѣ оно въ другихъ земляхъ не пользуется: право собственности надъ единокровными людьми. Въ понятіяхъ о благородствѣ, какъ и во многомъ, у насъ еще можно найти смѣшеніе Европейскаго съ Азіатскимъ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ мы привыкли къ свѣжести, мы любимъ ее; какъ огромные, каменные дома наши почти ежегодно починиваются и перекрашиваются, чтобы тѣшить наши взоры, такъ и древніе роды должны безпрестанно успѣхами по службѣ или при дворѣ наводить на себя новый лоскъ, чтобы оставаться на нѣкоторой высотѣ въ глазахъ соотечественниковъ.

крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему порученъ былъ корпусъ Корсакова или Германа, то слава Русскаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италіи; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшого, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернёрамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно; ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года: тогда по дѣльнымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія. Говорять, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не пріобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ, а страсть къ женщинамъ превратилась у него въ постоянную любовь къ одной. Благородство души его было неимовѣрное, оно не позволяло зависти ея коснуться. Надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался тѣмъ, что умножало славу правленія его гонителя и рукоплескалъ соперникамъ! Жестокая несправедливость царя не могла перемѣнить его чувствъ къ Россіи. Какой запасъ славныхъ, отличныхъ людей оставила Екатерина! И какъ расточительность ея двухъ наслѣдниковъ умѣла сдѣлать его безполезнымъ!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, «его супруга златовласа, Плѣнира сердцемъ и лицомъ» *). Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ.

Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разниа превеликая. Еслибы гнѣвъ ея иногда не былъ продолжителенъ, то ее просто можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ симъ, можно было избѣжать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства; но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностію смягчить его: тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Рассказывали ужасы, будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу Шевелеву, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорѣгой, измучившись отъ неисправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно-беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ. Въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружать себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопробываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

*) Такъ называетъ ее Державинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: *Осенъ во время осады Очакова*.

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Однѣ только сильныя привычки удерживали тогда на Сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края; но они восхищались мыслию, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибъ государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины: всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя Польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало дохода въ сравненіи съ Великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ. Въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самые ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинныя Русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. Поутру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большой части одни Русскія блюда); послѣ обѣда она сидѣла за столикомъ въ софѣ, какъ изобразилъ ее Державинъ. Скука ее одолевала. «Что бы намъ дѣлать?» иногда говорила она, «чего бы намъ поѣсть?» И моченныя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюквенный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ Сѣверныя лакомства предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно-угрюмый видъ, на твои страшныя иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Десять сыновей родила княгиня Голицына мужу своему, и одинъ только изъ нихъ умеръ въ малолѣтствѣ. Старшій, князь Григорій, при рожденіи былъ пожалованъ гвардіи капитаномъ, какъ первенецъ изъ внуковъ Потемкина, то-есть сыновей его племянницы. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его, тогда семнадцатилѣтняго мальчика, полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ, а года черезъ полтора генералъ-адъютантомъ. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и цари могутъ, когда имъ угодно, жаловать новорожденныхъ фельдмаршалами; но вотъ что удивительно: онъ нѣсколько времени

управлялъ военною канцеляріей и докладывалъ по дѣламъ ея государю, слѣдственно былъ родъ начальника штаба; кто его зналъ прежде и послѣ, тому это покажется вовсе непонятнымъ. Онъ лицомъ походилъ на отца, хотя былъ красивѣе его и ростомъ выше; не имѣлъ пылкаго характера матери, но у нея заимствовалъ страсть первенства надъ мелкими людьми. Его воспитывалъ какой-то баронъ Эйбенъ, который, даромъ что Нѣмецъ, ни самъ ничего не зналъ, ни его ничему не училъ. Много придется мнѣ говорить объ этомъ человѣкѣ въ послѣдствіи времени; теперь сказаннаго здѣсь почитаю достаточнымъ.

Второй сынъ, восемнадцатилѣтній князь Ѳедоръ, не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ, былъ бы замѣчателенъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ этотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Болѣе всего помогаетъ онъ обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить въ невѣжествѣ: имѣя самыя поверхностныя познанія, можно съ нимъ прослыть едва ли не ученымъ. Во Франціи, гдѣ родился онъ, прикрывались имъ пороки и даже злодѣйства, пока революція не истребила его, какъ бесполезный покровъ. Давно уже вывезли его къ намъ молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Бѣлосельскіе, Чернышovy, но болѣе всего эмигранты распространили его въ лучшемъ обществѣ. Въ немъ образовался князь Ѳедоръ Голицынъ; а какъ Французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, безъ котораго и понынѣ онъ у насъ не существуетъ, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ.

Казалось, что онъ взялъ себѣ девизомъ: все для большаго свѣта, его успѣховъ и наслажденій. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо Русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой, дѣлало наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія.

Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необыкновеннымъ вкусомъ, не тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который умѣетъ давать цѣну произведеніямъ ваятеля, зодчаго или живописца и котораго одобреніе почитаютъ они лучшею наградой,—нѣтъ, онъ самъ сознавался, что ничего не смыслить въ наружной архитектурѣ, что красоты ея для него не суще-

ствують, и никогда не хотѣлъ взглянуть на картину. Но что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всеми драгоценными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій геній. Еслибъ онъ остался живъ и захотѣлъ бы себя на то для другихъ употребить, то я увѣренъ, что въ нынѣшнее время онъ бы затмилъ, уничтожилъ Монферрана *).

Еще одну великую способность имѣлъ князь Ѳеодоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно готовить великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ. Съ большимъ состояніемъ, которое наконецъ онъ получилъ и съ маленькою бережливостію, которой никогда онъ не имѣлъ, такіе люди, какъ онъ, служатъ если не подпорою государства, то по крайней мѣрѣ украшеніемъ двора.

Моложе его годомъ, князь Сергій, третій братъ, былъ похожъ на него лицомъ, но лучше его, выше ростомъ и не такъ толстъ. Онъ его взялъ за образецъ, и сіе искусное подражаніе была одна только его блестящая сторона.

Но четвертымъ, Михаиломъ, не безъ причины гордился отецъ; его любила мать, любили братья, товарищи по службѣ, весь домъ, все знакомые. Нельзя было сыскать дурнаго лица столь пріятнаго, въ невысокомъ ростѣ нельзя было найти болѣе мужественнаго вида; изъ-подъ наморщенного чела, изъ-подъ нахмуренныхъ всегда бровей, никакіе глаза не выражали столько сердечной доброты, столько веселой смѣлости. Онъ безъ памяти любилъ женщинъ и былъ столько въ нихъ счастливъ, сколько скромнень на счетъ успѣховъ своихъ. Съ перваго взгляда физіогномистъ могъ узнать въ немъ Русскаго человѣка. Изъ всего семейства своего онъ одинъ былъ одаренъ основательнымъ умомъ и любознаниемъ и одинъ былъ бы въ состояніи поддержать весь падшій нынѣ родъ князя Сергѣя Ѳеодоровича. Но смерть всегда выбираетъ лучшія жертвы, и онъ погибъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, имѣя не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

За нимъ слѣдовалъ пятый братъ, Николай, несчастный, больной, искаженный въ ребячествѣ отъ испуга, лишенный разсудка, и который потомъ, двадцати лѣтъ, умеръ на рукахъ у няньки.

Шестой и седьмой, Павелъ и Александръ, были мои товарищи, но двумя или тремя годами моложе меня. Ни тотъ, ни другой далеко не пошли. Первый, весьма плохоголовый, еще въ ребячествѣ имѣлъ

*) Французикъ, славный рисовальщикъ и декоратѣрь, котораго у насъ указомъ сдѣлали архитекторомъ и которому указомъ велѣно строить мраморный соборъ, на который потребны десятки лѣтъ и десятки милліоновъ. И онъ строить его! Пусть скажутъ, что у насъ на Руси нѣтъ болѣе чудесъ.

лакейскія манеры и самыя подлыя наклонности; онъ долго страдалъ слѣдствіями порочной жизни и въ низкихъ должностяхъ старался держать себя вдали не только отъ столичныхъ, но и отъ губернскихъ городовъ. Другой, Александръ, былъ уменъ и храбръ; но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое бы онъ могъ съ успѣхомъ проходить.

Самые меньшіе, Василій и Владимиръ, едва выходили тогда изъ младенчества. Первый весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще всѣ члены этого семейства гибли, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ. Болѣе всѣхъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшей, Владимиръ, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и отъ того вся жизнь его была сцѣпленіе проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ, рѣдко безвинныхъ.

Источникомъ всѣхъ непріятностей въ жизни, неудачъ по службѣ, раззоренія, для этихъ Голицыныхъ было дурное ихъ воспитаніе.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей: ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту, у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, и они тѣшились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволь судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*. Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство; вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до наукъ, то, исключая гувернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики.

Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу. Дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ; я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить? Другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернёръ, шевалье де-Роленъ-де-Бельвиль, Французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило. Я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ; а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный. Революціонеры, новые Титаны по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ

именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и рассказывать самыя непристойныя, даже отвратительныя анекдоты. Я не зналъ что мнѣ дѣлать: я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда; а онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ. Еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самыя маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика Св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго Русскаго юношества! При Павлѣ, въ числѣ другихъ золъ и безпорядковъ, размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ поспчастливилось. Графскій титулъ, который по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкость, и наши знатныя или богатыя невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли Русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсонá *) у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнивались съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняты за воспитаніе дѣтей: званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника *мусси*. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) «плоха честь, когда нечего ѣсть», они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе Французскаго языка

*) За одного изъ Кенсонá вышла дочь описаннаго выше князя П. И. Одоевскаго. П. Б.

способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро, въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза *). Не было у насъ для Французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs.

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлеръ, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу; но онъ предпочелъ надѣть ледунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными; когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ Русскую службу, то скоро, наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю, должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ Кельтическихъ племенъ они одни подъ Римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Норманновъ, коль скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморикъ, и Вандея была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ. Таковъ былъ и мой любезный Керлеръ.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безсчетнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ от-

*) Я зналъ въ Пензенской губерніи одного г. Жедринскаго, у котораго было не болѣе трехъ сотъ душъ обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-Мельвиль.

ставнымъ офицеромъ, княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время.

И такъ въ семь домѣ было два Француза. Было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который, завѣдывалъ конюшней и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей. Въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ; цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, могъ бы я назвать читателю, который впрочемъ немного бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь примѣтно измѣняетъ *). Наконецъ, былъ и Полякъ, Загурскій, панъ-экономъ съ своей паньей. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, а шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку.

Все это были должностныя лица; но въ нашемъ обществѣ находились еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумаркова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергія Ѳеодоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Онъ свелъ ее съ ума, гдѣ-то оставилъ, а прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу при Павлѣ и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бываютъ ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая, сколь неприлично сіе въ общежитіи, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только захочетъ взять трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ

*) Чтобъ имѣть по образику каждой націи, учился съ нами маленькій, красивый Англичанинъ, Джонъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ Медико-хирургической Академіи, во что опредѣлилъ его извѣстный его единовецъ Вилліе, хотя онъ никогда архитектурѣ и не думалъ учиться.

внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многіе, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ пронизательности людей; высокомѣрнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантией, прикрываютъ они природныя свои рубища. Все это предполагаетъ нѣкоторый разсудокъ, нѣкоторое искусство и слѣдственно нѣкоторый умъ. Но тѣхъ, кои, будучи словоохотны, вѣчно повторяютъ глупое я, когда въ ихъ взглядахъ вы всегда видите безсмысленное самодовольство, тѣхъ позволено рѣшительно назвать дураками.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое описаніе: никакіе успѣхи не смягчали его гордости; безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолodu не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жесткое, нестерпимое. Въ глубокой старости онъ остался также тяжелъ и несносенъ, какъ въ первой молодости; болѣе онъ сдѣлаться не могъ. Два раза былъ онъ губернаторомъ, объ губерніи долженъ былъ оставить, истощивъ терпѣніе начальства, подчиненныхъ и жителей; теперь онъ состоитъ инвалиднымъ сенаторомъ.

Онъ одинъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго генія; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе, утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библіоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять: они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, наглости, самохвальства и самой грубой неблагопристойности. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: *Досуги Крымскаго судьи*, *Прогулка за границу* и повѣсть: *Теодора*, которая такая же дура, какъ и самъ сочинитель.

Дочь его, Марія Павловна, нынѣ пожилая дѣва, была тогда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; воспитанная съ дѣтьми другаго пола, она имѣла и сохранила много ухватокъ мальчика. Сыну Сергѣю Павловичу, славному артиллеристу и генераль-адъютанту, было тогда лѣтъ восемь или девять. Они оба были вовсе не въ отца. Первая необыкновенною любезностію ума, послѣдній заслугами, храбростію и добросердечіемъ всегда искупали недостатки его и пріобрѣтенными въ обществѣ любовью и уваженіемъ украшаютъ незавидную его старость.

Въ Казацкомъ г. Сумарокову не было передъ кѣмъ гордиться: хозяева были къ нему расположены пріязненно, а прочіе уму его вѣвѣрили на слово. Со мной былъ онъ довольно ласковъ, спускался иногда до шутокъ и забавлялся моимъ невѣдѣніемъ, моею неопытно-

стію. Замѣтивъ однакоже возрастающую дружбу мою къ дочери, взаимную, дѣтскую, невинную, онъ прогнѣвался, мнѣ запретилъ къ ней подходить, ей говорить со мною и съ того времени сталъ сурово на меня смотрѣть.

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса: деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я называлъ его пѣвцомъ мохматымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье: та же сила, та же спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ, та же смышленность, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ; но конечно онъ долго останется извѣстѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ тридцати шести и болѣе двѣнадцати извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно. Отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? Отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играютъ на сценѣ и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слѣдствіемъ скромности, а болѣе сметливости: онъ выказывалъ только то, что въ состояніи были оцѣнить; истинныя же сокровища ума своего ему не передъ кѣмъ было расточать.

Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной; потому-то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда-то записали. Неимущій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, приобрести новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь медленно какъ нынѣ, въ немъ было болѣе живости, даже болѣе воображенія; но уже тогда былъ онъ замѣчательнѣе неопрятностью, лѣнностью и обжорствомъ. Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: выбирай любое, и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могущества плоти: что бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть побѣждена!

Крылова называютъ Русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и другой первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше. Какъ онъ бываетъ иногда трогателенъ, увлекателенъ, на примѣръ въ баснѣ: «Два Голубя»! Читая его, никто не спросить: былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Еслибъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только расчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство, а умъ безъ чувства тоже что свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ; былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ которыми однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили, какое слово въ Русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кор-

милецъ мой. Чтò дѣлать! Видно, сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей, и надобно сказать правду, онъ имъ нехудо былъ вдохновенъ.

Тотъ, кто остается чуждъ житейскихъ бурь, кто на страсти людей, благородныя или пагубныя, смотритъ съ улыбкою презрѣнія, тотъ не долженъ имѣть ихъ слабостей, а еще менѣе ихъ предразсудковъ. Но таковы несообразности въ каждомъ изъ насъ, такое несогласіе бываетъ между разсудкомъ и наклонностями, что не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ чиномъ или титуломъ, въ глазахъ коего сіятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Положимъ, это слѣдствіе господствовавшаго прежде мнѣнія, подъ вліяніемъ коего онъ выросъ, и я очень далекъ, чтобы видѣть тутъ что-нибудь худое; но зачѣмъ же богатство имѣетъ равное право на его почтительную нѣжность? Отчего же такое жестокое невниманіе ко всѣмъ, кто обиженъ не природой, а фортуной? Гдѣ же твердый мужъ? Гдѣ же философъ? Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное, смѣлое раболѣпство съ хозяевами; надобно было видѣть, какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ выпечатанъ весь характеръ простаго Русскаго народа, какимъ сдѣлали его Татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра. Часто этотъ народъ долженъ трепетать передъ тѣмъ, чтò онъ презираетъ, и если Крыловъ—вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, чтò показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы, составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истину, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не до

вольствовался однимъ Русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.

Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу; но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ.

Чтобы никого не пропустить изъ нашего деревенскаго общества, долженъ я назвать еще два лица: отставнаго капитана Таманскаго, побочнаго сына князя Сергія Ѳедоровича, и живущую у княгини Русскую барышню, Прасковью Андреевну, которыя ничтожества свои, во время пребыванія моего въ Казацкомъ, совокупили законными брачными узами.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали; но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-нѣмецки и съ жадностію бросался на Гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ одобрительною улыбкой. *Московскія Вѣдомости* не менѣе тогда были любопытны: не было нумера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требію и По, за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій. Я дома былъ изнѣженъ и слѣдственно трусливъ; тутъ откуда взялась бодрость: съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди, въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Слава Суворова отражалась на пославшемъ его, ослабляла чувство ненависти къ нему, утѣшала угнетенныхъ имъ, ссыльныхъ, и разливала радостный свѣтъ среди скорбной тьмы его царствованія. Дер-

зали даже ликовать, и извѣстія изъ Кіева говорили о безпрестанныхъ тамъ увеселеніяхъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ дотолѣ неизвѣстными; въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познанія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями; но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то бѣльшая часть разговоровъ проходила въ разсказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ обрашники разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосягаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства, въ коемъ я жилъ; изъ нихъ, кажется, первый князь Ѳеодоръ принялъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда вывезена была она прямо изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышовой, сестрой фельдмаршалыши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огонь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносились были титулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе Французскаго языка, а еще болѣе незнаніе Русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привилегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила Французской аристократіи начала прилаживать къ Русскимъ нравамъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ Французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитріевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства, а Павелъ Первый даже покровительствовалъ его, предоставляя себѣ, однакоже, право немилосердно тузить его членовъ, чего Французскіе короли себѣ позволять не могли.

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высокомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о пре-

имуществахъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностію изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилищамъ; сказанное теперь почитаю пока мѣстъ достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще являлось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ я границъ.

Барская спѣсь, съ примѣсью Францускихъ предразсудковъ, дѣлала самохвалство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Съ своими слугами они обходились такъ же просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительственный тонъ, который хотѣли взять со мной молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшалась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его чрезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Французы - роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Мои родители изъ Кіева отправились въ Москву, чтобы быть при родахъ сестры моей Алексѣевой, которая въ Октябрѣ благополучно и разрѣшилась сыномъ Александромъ. Это извѣстіе меня обрадовало и возгордило: въ первый разъ я сдѣлался дядей.

Къ концу года приготовились для меня новыя перемѣны въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ небогатыхъ состояній, столько изъ видовъ корысти положилъ неимовѣрную плату: ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николу, ко-

его чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, на что послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднялись въ пріисканіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи увѣдомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлеръ, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна свычка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, роднился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ, какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

XV.

Когда по утру увидѣли меня родители, то едва могли узнать: такъ много съ небольшимъ въ десять мѣсяцевъ измѣнилась моя наружность. Они оставили меня отрокомъ, я предсталъ имъ юношей. Я похудѣлъ, я вытянулся какъ спаржа; въ теплицѣ порока насильственно и быстро я созрѣлъ.

Они не знали что со мной дѣлать: мои лѣта требовали еще продолженія учебныхъ занятій, мой ростъ и тогдашніе обычаи дѣлали меня годнымъ для службы. Къ тому же имъ жаль было со мной разстаться; изъ многочисленнаго семейства находился я при нихъ тогда почти одинъ, ибо старшая сестра и старшій братъ остались гостить у замужней сестры въ Москвѣ, а средній братъ поѣхалъ въ Петербургъ попытаться войти опять въ службу.

Въ Кіевѣ былъ тогда одинъ пріѣзжій Нѣмецкій профессоръ, г. Граффъ, человѣкъ ученый и кроткій, который не хотѣлъ заводить школы, а только для образованія въ наукахъ взялъ къ себѣ жить пять или шесть молодыхъ людей. Мой отецъ хотѣлъ меня къ нему отдать; но мать моя, которая весьма была на то согласна, выпросила меня только недѣли на три, чтобы мной потѣшиться.

Въ это время военнымъ губернаторомъ былъ Беклешовъ, но не тотъ, котораго я оставилъ, а меньшей братъ его, Сергѣй Андреевичъ. Старшаго же императоръ еще лѣтомъ вызвалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ генераль-прокуроромъ. Выборы, кои обыкновенно онъ дѣлалъ на удачу, были иногда весьма удачны. Завѣдывая всѣми частями государственнаго управленія, Беклешовъ сохранилъ однакоже военное званіе и военный мундиръ. Императоръ Павелъ, подобно отцу и наслѣдникамъ, имѣлъ отвращеніе отъ гражданскихъ чиновниковъ и отъ гражданской службы, почиталъ подлыми ея занятія, особенно въ нижнихъ должностяхъ, и воспретилъ дворянству первоначально въ нее вступать.

Въ званіи военного и гражданскаго чиновника вмѣстѣ, Беклешовъ, дабы въ глазахъ государя облагородить одно званіе другимъ, предложилъ ему составить новый пѣхотный полкъ, подъ именемъ Сенатскаго, и его назначить шефомъ того полка; не ограничивать числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ, а симъ послѣднимъ, въ одно время преподавать законовѣдніе и учить ихъ фронтовой службѣ. Сія мысль была довольно курьозна, чтобы полюбиться Павлу Первому, и она немедленно была приведена въ исполненіе. Брату моему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, поручилъ Беклешовъ написать къ моимъ родителямъ, чтобъ они прислали меня къ нему для опредѣленія въ этотъ полкъ, и не заботились потомъ о моей судьбѣ. Выгоды казались очевидны; сей новый планъ разстроилъ прежній (отдать меня къ г. Графу) и только ожидали случая, чтобъ отправить меня въ Петербургъ.

Кіевъ оживился тогда контрактами и ярмаркой, но мы съ матерью почти все сидѣли дома, чтобы рѣже разлучаться. Во время вторичнаго отсутствія моего, число незнакомыхъ мнѣ лицъ еще болѣе въ немъ умножилось; должностные же успѣли въ это время раза два перемѣниться, а прежніе, Екатерининскіе, между прочимъ Шардонъ съ Шардоншей, были всѣ въ отставкѣ и тихо доживали вѣкъ.

Одно поразило меня тогда въ Кіевѣ: новые костюмы. Казня въ безумствѣ не камень, какъ говоритъ Жуковскій о Наполеонѣ, а платье, Павелъ вооружился противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ, панталонъ, ботинокъ и сапоговъ съ отворотами, строго запретилъ носить ихъ и велѣлъ замѣнить однопортными кафтанами съ стоячимъ воротникомъ, трехугольными шляпами, камзолами, короткимъ нижнимъ платьемъ и ботфортами. Въ столицахъ уже давно успѣли привыкнуть къ сей уродливости, въ провинціяхъ позже, а къ намъ въ деревню или приказаніе не дошло, или оно въ ней не исполнялось. И мнѣ все платье пришлось перекроить, ибо уже года два ходилъ я въ галстукъ и снялъ куртку.

Въ первыхъ числахъ Февраля княгиня Варвара Васильевна прислала къ намъ въ домъ двухъ сыновей своихъ, Павла и Александра, чтобы всѣмъ нужнымъ запастись для дальнѣйшаго пути. Сихъ законныхъ сыновей князя Голицына привезъ въ Кіевъ незаконный сынъ его Таманскій, о коемъ въ предыдущей главѣ я, кажется, что-то сказалъ; онъ долженъ былъ сопровождать ихъ до самаго Петербурга. Вотъ и удобный случай меня отправить; имъ воспользовались, на-скоро меня снарядили и поручили попеченіямъ и надзору г. Таманскаго.

Этотъ разъ поѣхалъ я уже безъ всякаго восторга, съ однимъ только чувствомъ горести. Въ чужбинѣ такъ мало испыталъ я радостей, что въ будущемъ ничего не смѣлъ себѣ пріятнаго обѣщать. Въ виду у меня были двойныя занятія и военная служба, въ которой, какъ увѣряли, дворяне не имѣющіе офицерскаго чина не избавлялись тогда отъ тѣлесныхъ наказаній. Зима была ужасная и продолжительная; мы сидѣли закутанные въ крытыхъ кибиткахъ и свѣта Божьяго не видѣли. Но насъ было четыре мальчика сорвавшихся съ узды: двое Голицыныхъ, Англичанинъ Личъ и я, а надъ нами Таманскій, котораго никто не слушался, на котораго никто изъ насъ не хотѣлъ глядѣть. Въ такой веселой компаніи скоро можно было забыть горе; Таманскій разчитывался, расплачивался, суетился, а мы, безъ заботъ, даже безъ замѣчаній, скакали день и ночь, мѣняли лошадей, а на станціяхъ только что проказничали и рѣзвились: послѣдній разъ въ жизни былъ я ребенкомъ!

Въ одномъ только Витебскѣ чрезвычайная стужа заставила насъ остановиться на сутки, чтобъ отдохнуть и обогрѣться. Въ Порховѣ уснали мы отъ одного проѣзжаго, что Беклешовъ отставленъ и уже уѣхалъ изъ Петербурга: «Что же Сенатскій полкъ?» спросилъ я у проѣзжаго.—«Переименованъ въ Литовскій, отвѣчалъ онъ, у Сената нѣтъ уже гвардіи: одинъ государь можетъ ее имѣть».—«Что же со мной будетъ?» подумалъ я и тяжело вздохнулъ.

Наконецъ, 18 Февраля 1800 года, поутру въ Гатчинѣ едва выпивъ чашку чаю въ торопяхъ, къ полдню въ первый разъ я увидѣлъ Петербургъ. Спустившись съ Пулковой горы, наши извозчики остановились, чтобы поправить лошадей; я этимъ воспользовался, чтобы въ находившейся тутъ каменной лавочкѣ купить пряничныхъ орѣховъ на послѣднія десять копѣекъ мѣдью, которыя у меня въ карманѣ оставалась; деньги же на прогоны и другія потребности были моими родителями отданы въ распоряженіе г. Таманскаго, который ихъ всѣ уже издержалъ.

У самой заставы объявилъ мнѣ онъ, вѣроятно наскучивъ мною дорогой, что мнѣ открыты всѣ четыре стороны, что онъ взялся меня только довести, но отнюдь не намѣренъ заботиться обо мнѣ въ столицѣ, и самъ съ молодыми людьми отправился прямо къ княгинѣ Юсуповой. Чтò мнѣ было дѣлать? Изъ писемъ зналъ я, что братъ мой живетъ у одного Кіевскаго пріятеля нашего семейства, артилерійскаго генерала Бѣгичева; но гдѣ? Я думалъ, что объ этомъ знаетъ на заставѣ караульный офицеръ; онъ улыбнулся моему вопросу и совѣтовалъ мнѣ узнать о томъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. Онъ находился въ Миліонной, на углу Мошкова переулка; туда я и отправился. Тамъ ничего мнѣ не могли сказать, а полагали, что мнѣ надобно искать его на Литейной, гдѣ живутъ всѣ артилеристы, и что квартиру его мнѣ, вѣроятно, укажетъ первый попавшійся мнѣ артилерійскій солдатъ.

Когда я объявилъ о томъ своему ямщику, то онъ наморщился, однакоже повезъ меня далѣе. Это былъ послѣдній день масленицы; не знаю, хотѣлось ли ему погулять, или дѣйствительно лошади были измучены, но онъ безпрестанно съ нетерпѣніемъ оборачивался ко мнѣ, спрашивая: скоро ли кончатся наши странствованія? Я молчалъ; вдругъ онъ вновь повернулся ко мнѣ съ вопросомъ, много ли я ему дамъ на водку? Мы уже были на Литейной, противъ Арсенала. Я имѣлъ нескромность отвѣчать ему, что у меня нѣтъ ни копѣйки; тогда онъ остановился и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ отпрягаетъ лошадей и бросаетъ меня на улицѣ. Со мною, для прислуги, былъ только глупый деревенскій мальчикъ Лѣвка, мой ровесникъ. Я обомлѣлъ; онъ, кажется, испугался еще болѣе меня.

Пусть представятъ себѣ положеніе провинціального недоросля, брошеннаго среди улицъ, которыхъ онъ не знаетъ, въ столицѣ, гдѣ ему никто не знакомъ, и безъ гроша денегъ. Но этимъ бѣда еще не кончается. Вдругъ налетаетъ полицейскій офицеръ, и кричитъ намъ: «Шапки долой, становись за кибитку!» Только успѣлъ я безмолвно исполнить сіе приказаніе, какъ вижу, что отъ Литейнаго двора несутся сани, запряженные парой красивыхъ, лихихъ лошадей, покрытыхъ огромными бѣлыми фартуками. Я въ нихъ узналъ самого государя, котораго одинъ разъ уже въ жизни видѣлъ. Онъ сидѣлъ съ императрицей и ѣхалъ кататься на горы, которыя тогда устроены были близъ Смольнаго монастыря. Лишь только промчался царь, полицейскій грозно возопилъ ко мнѣ: какъ смѣю я быть въ запрещенномъ нарядѣ? Но, вѣроятно, тронутый моими лѣтами, невѣдѣніемъ, совѣтовалъ скорѣе куда-нибудь убраться, чтобы меня не взяли на

сѣзжіи дворъ. На мнѣ была черная шапка съ длинными ушами, и онѣ недавно передъ тѣмъ были запрещены въ столицѣ.

Между тѣмъ нашъ ямщикъ медлилъ откладывать лошадей, можетъ быть и не посмѣлъ бы сего сдѣлать; но я не зналъ своихъ правъ, и лишь только опомнился отъ испуга, то вмѣстѣ съ Лёвкой прибѣгнулъ къ мольбамъ. Проходящій въ это время солдатъ сказалъ намъ, что генераль Бѣгичевъ живетъ на концѣ Кирочной улицы, у самаго Таврическаго сада, въ деревянномъ угольномъ домѣ. Берегъ былъ видѣнъ, хотя еще въ отдаленіи, и жестокий ямщикъ сѣлъ опять на мѣсто и поѣхалъ далѣе, но во время переѣзда поминутно осыпалъ насъ ужасными ругательствами, изъ коихъ названіе нищихъ было еще самое сносное.

Вотъ, наконецъ, мы въѣхали на дворъ; но что же? Новое горе: ни Бѣгичева, ни брата, ни ихъ людей не было дома; всѣ гуляли на масляницѣ или были въ гостяхъ; остались какіе-то два деньщика, которые не только не соглашались пустить меня въ комнату, но даже хотѣли прогнать со двора, принимая Бога вѣсть за кого. На бѣду и на счастье мое, ямщикъ нашъ былъ человѣкъ отчаянный, дерзкій: онъ прикрикнулъ на нихъ, ихъ не послушался, проворно отпрягъ лошадей и опрометью ускакалъ.

Мнѣ оставалось только сидѣть въ кибиткѣ и ожидать возвращенія брата. Я то и сдѣлалъ, но мнѣ было скучно и холодно. Я рѣшился оставить Лёвку, а самъ пошелъ ходить по улицѣ, не отдаляясь однакоже отъ жилища своего, то-есть кибитки. Попавшіеся мнѣ какіе-то люди, съ коими завязалъ я разговоръ, сказали мнѣ, что если пойду вдоль Таврическаго сада и потомъ поворочу влѣво, то выйду къ самымъ горамъ и увижу увеселенія Русскаго народа. Любопытство, юношеская вѣтренность и надежда встрѣтить, можетъ быть, брата, заставили меня пойти. Нынѣшній Преображенскій плацъ былъ тогда безконечное поле, занесенное снѣгомъ, на краю котораго едва виднѣлись низкія лачужки; я держался той стороны, которою онъ примыкаетъ къ саду, шелъ медленно, ибо вязнулъ безпрестанно въ глубокомъ снѣгу и былъ отягченъ дорожнымъ платьемъ. Дорогой я никого не встрѣтилъ, и мнѣ казалось, что я иду степью. Когда, пройдя садъ, заворотилъ я налѣво, то замѣтилъ, что начинается смеркаться и вспомнилъ несчастную свою черную шапку; измученный, истомленный, голодный, ибо ничего этотъ день не ѣлъ, кромѣ пряничныхъ орѣховъ, еще медленнѣе потянулся я назадъ. Когда я воротился, то почти уже смерклось, но я нашелъ счастливую перемѣну въ моихъ дѣлахъ: слуга моего брата пришелъ домой и помогаль уже Лёвкѣ перетаскивать мои пожитки.

Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. Къ несчастію, люди г. Бѣгичева не возвращались; безъ нихъ все было заперто, а избавитель мой въ этотъ день прогулялъ свои деньги. Въ комнатѣ, которую братъ мой занималъ, кое-какъ устроили и мнѣ кровать. Я бросился на нее; за недостаткомъ пищи, спѣшилъ укрѣпить себя сномъ и безъ просыпа полсутки проспалъ. Въ эту ночь, не знаю, видѣлъ ли я что во снѣ; но если мнѣ снилось, то вѣрно ужъ съѣстное. Случайное сіе негостепріимство Петербурга оставило во мнѣ непріязненное къ нему впечатлѣніе, которое двѣ трети жизни въ немъ проведенныя не могли совершенно изгладить.

На другой день братъ меня разбудилъ и неодѣтаго повелъ къ нашему хозяину. Онъ былъ самый почтенный, самый добродѣтельный чудакъ, уменъ, благороденъ, но непреклоненъ и дикъ, не любилъ большаго общества. При видѣ малознакомыхъ, сердце его какъ будто замерзало, и онъ обдавалъ ихъ холодомъ, за то оно совершенно таяло съ ближними и пріятелями; наконецъ, страсть его къ трубкѣ довершала сходство его съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго я послѣ зналъ. Онъ меня разцѣловалъ и скорѣе велѣлъ накормить завтракомъ. Послѣ того отправились мы съ братомъ по лавкамъ и къ портному, дабы заказать мнѣ нарядъ, въ коемъ бы согласованы были законы моды съ государственными постановленіями. Тутъ только могъ я полюбоваться зданіями Петербурга; наканунѣ мнѣ не до того было.

Я былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ службу; но куда, теперь сдѣлалось неизвѣстно. Надобно было брату подумать, что изъ меня сдѣлать: продолжать ли меня занимать ученіемъ, или просто отдать въ какой-нибудь полкъ. Онъ ни на что не смѣлъ рѣшиться, не спросясь напередъ родителей, и завелъ о томъ съ ними переписку. Пока онъ получилъ ихъ согласіе, а въ послѣдствіи и полномочіе располагать моею судьбой, пока онъ хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ, пока ему это обѣщали и водили его, пока, убѣдясь, что ожиданія его тщетны, онъ началъ пріискивать для меня другой родъ службы,—прошло пять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, наши родители, не видя никакого успѣха, полагая, что забавы Петербурга удерживаютъ въ немъ брата столько же, какъ и хлопоты (въ чемъ и не совсѣмъ ошибались), къ тому же не въ состояніи будучи продолжать издержекъ на наше содержаніе, приказали намъ немедленно отправиться въ Москву и тамъ ожидать новыхъ приказаній.

Въ продолженіи сихъ пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ я нѣсколько новыхъ знакомствъ, впрочемъ не весьма интересныхъ; о самыхъ занимательныхъ не могу оставить читателя въ невѣдѣніи.

Мой братъ не былъ знакомъ въ аристократическомъ кругу, который въ Петербургѣ тогда и не очень былъ обширенъ: большая часть вельможъ жили въ Москвѣ, или въ удаленіи, въ деревнѣ; небольшое число изъ нихъ имѣли дозволеніе путешествовать за границей. Первое знакомство, доставленное мнѣ братомъ, было въ домѣ одного стараго Француза, шеваляе де-Лабать де-Виванса *), который, вслѣдствіе какого-то поединка, долженъ былъ оставить Францію гораздо прежде революціи и эмиграціи. Вступивъ у насъ въ военную службу, онъ Гасконскою оригинальностію скоро понравился начальникамъ и сдѣлался наконецъ любимцемъ самого князя Потемкина, который, причисливъ его къ своему штату, назначилъ смотрителемъ собственныхъ дворца и сада, нынѣшнихъ Таврическихъ. По смерти Потемкина, они поступили въ казну, а его мѣсто изъ партикулярнаго обратилось въ придворное. При Павлѣ Таврическій дворецъ превращенъ въ казармы лейбъ-гусарскаго полка, а г. Лабать, который и его смѣшилъ, сдѣланъ кастеланомъ строившагося Михайловскаго замка, и императоръ еще болѣе полюбилъ въ немъ титулъ рыцарскихъ временъ, для него имъ выдуманный.

Оставивъ въ отечествѣ дворянскіе предрасудки, Лабать въ Россіи женился на дочери извѣстнаго въ свое время Французскаго парикмахера Марміона. Его супруга хотѣла играть роль знатной дамы, никогда не теряла важности и строгимъ взоромъ часто останавливала неприличныя, по мнѣнію ея, порывы веселости своего мужа. Она, къ счастію, рѣдко показывалась; а гостей принимали двѣ дочери ея, добрыя, милыя, весьма уже зрѣлыя, но еще не пожилыя дѣвы, съ которыми мнѣ было чрезвычайно пріятно и весело.

Онъ когда-то былъ одинъ изъ проѣзжихъ, безчисленныхъ посѣтителей нашего дома въ Кіевѣ и за гостепріимство желалъ заплатить услугой. Онъ вызвался брату хлопотать объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ у двухъ вельможъ, оберъ-камергера графа Шереметева и оберъ-гофмаршала Нарышкина, съ которыми онъ былъ на короткой ногѣ. Но иное, видно, вышучивать трудно: бояре забавникамъ общаются, водятъ ихъ, отшучиваются, и все дѣло наконецъ обращается въ шутку. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ моему опредѣленію былъ мой ростъ: тогда обыкновенно принимали мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, а я казался семнадцати.

Еще были мы вхожи въ домъ одного пріятеля нашихъ родителей, если только Никита Ивановичъ Пещуровъ могъ быть кому-нибудь пріятелемъ. Онъ вѣровалъ въ одно только могущество при дворѣ; любим-

*) О немъ часто говоритъ Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ». П. Б.

цы царей, любимцы вельможъ и ихъ любимцы составляли его Олимпъ, небесную іерархію, которой онъ униженно кланялся. Чтò всего страннѣе, онъ не былъ честолюбивъ, не искалъ власти, а любилъ ее въ другихъ; ему нужно было молиться, и какъ праздныя женщины, которыя въ Москвѣ всякое утро таскаются отъ часовень къ соборамъ и отъ приходскихъ церквей къ монастырямъ, такъ и онъ, прежде нежели отправится къ должности, любилъ возить набожность свою по пріемнымъ. За другихъ онъ никогда не хотѣлъ просить, а за себя очень рѣдко. Онъ ѣздилъ безъ всякой нужды; просто пріѣдетъ, подождетъ; выйдетъ бояринъ, скажетъ «здравствуй, братецъ Никита Ивановичъ, каковъ ты?» а онъ съ благодарностію поклонится, слава-моль Богу, и потомъ на цѣлый день доволенъ, а когда пригласятъ откусать, то и совершенно счастливъ. Говоря всегда съ восхищеніемъ о сильныхъ, онъ никогда не позволялъ себѣ злословить падшихъ, въ ожиданіи, что они когда-нибудь возстанутъ; онъ не шелъ противъ нихъ, а почтительно и молчаливо ихъ убѣгалъ: это была въ одно время и врожденная, и систематическая, и самая откровенная, и самая утонченная подлость. Генеральскій чинъ нашего отца, который въ то время предполагалъ нѣкоторыя важныя связи, давалъ намъ право на его улыбку, по крайней мѣрѣ на ласковый, разсѣянно-покровительственный его пріемъ.

Бывало, мы по праздникамъ дѣлаемъ ему утреннія посѣщенія. Мнѣ памятно: простыня разостланная посреди комнаты, на ней стоящій стулъ и Никита Ивановичъ, на немъ сидящій въ пудрамантелѣ. Мы и нѣкоторыя другія, не весьма высокія, однакоже привилегированныя особы, сидѣли вдоль стѣны въ почтительномъ разстояніи, въ которомъ впрочемъ держали насъ и облака пудры, летѣвшія на тупей г. Пещурова; тѣ, которые стояли сзади его, конечно играли въ мірѣ весьма скромныя роли. Обычай принимать людей ниже себя за туалетомъ былъ, кажется, введенъ императрицей Екатериной; у нея переняли его вельможи, а отъ нихъ, видно, перешелъ онъ и къ подчиненнымъ ихъ. Никита Ивановичъ былъ тогда статскій совѣтникъ и совѣтникъ Ассигнаціоннаго Банка; теперь это менѣе чѣмъ ничто, а тогда, о блаженное время! это было что-то, такъ сказать, полугенеральство, и маленькое его чванство казалось весьма естественнымъ, нимало несмѣшнымъ. Въ теченіе долготѣней службы своей онъ не имѣлъ случая оказать великихъ услугъ государству, двѣ трети жизни своей онъ подписывалъ ассигнаціи, онъ началъ и кончилъ свое поприще въ этомъ банкѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, управляя онымъ. Онъ всегда слылъ самымъ добрымъ человѣкомъ въ Петербургѣ; но, вспоминая его, я никогда не завидовалъ его репутаціи.

О женѣ его говорить мнѣ не хочется; низкіе пороки между женщинами худо образованными въ это время встрѣчались нерѣдко; вино согрѣвало и веселило тогда женскія сердца чаще, чѣмъ любовь. Съ двумя сыновьями его, тогда офицерами Семеновскаго полка *), я сблизился, несмотря на разность нашихъ лѣтъ. Какъ всѣ молодые люди того времени, они были образованы для свѣта и для военной службы, но и въ этомъ не имѣли ничего блестящаго. Они были со всѣми отменно вѣжливы, а ко мнѣ особенно внимательны. Я много имъ обязанъ тѣмъ, что не совсѣмъ праздно провелъ тогда время въ Петербургѣ: они ссудили меня новыми Новостями Флоріана, и я перевелъ ихъ на Русскій языкъ, но уже какъ? Это бы мнѣ любопытно было теперь знать. Я полагаю, что этотъ переводъ не существуетъ; ибо мой братъ, который былъ невеликій литераторъ, хотя любилъ чтеніе, нашелъ, что онъ достоинъ быть напечатанъ и съ этимъ намѣреніемъ взялъ его къ себѣ, а потомъ затерялъ.

Странный былъ составъ маленькой библіотеки молодыхъ Пещуровыхъ, особливс для офицеровъ: полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората, маленькій томъ Буффлера, Театръ Мариво, Письма къ Эмилиі о миѳологіи г. Демутъе, Шольё и Лафаръ, Бернисъ и Жанти Бернаръ; все легкое, розовое, амурное, ни одной военной, ни одной Русской книги. Вмѣстѣ съ Версальскими предразсудками вошла у насъ въ моду и Французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ ея авторовъ, и вѣкъ Лудовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла: знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильйона и Бурдалу, и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ; чувствительные юноши, женщины принадлежащія ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись нѣжностями, мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ Французскихъ писателей. Духомъ сего времени созданы Измайловы и Шаликовы съ ихъ отвратительною чувствительностію.

Третій домъ нами посѣщаемый былъ полуаристократическій, не по знатности, не по тону, а по богатству, по связямъ, а еще болѣе по претензіямъ. Мой братъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Демидовымъ, свелъ и сохранилъ съ нимъ дружбу и сдѣлался домашнимъ у его родителей. Потомки знаменитаго кузнеца, во дни Петра Великаго открытіемъ рудъ и усовершенствованіемъ желѣзныхъ

*) Меньшой убитъ въ Фридландѣ, а старшій былъ въ послѣдствіи губернаторомъ въ Псковѣ.

работъ стяжавшаго столь великое богатство, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными его правнуками частицъ составляетъ еще милліоны, потомки сіи почти всѣ отличаются желѣзнымъ упрямствомъ и удивительными причудами. Внукъ сего Акинѳія Демидова, Петръ Григорьевичъ, отецъ товарища моего брата, тотъ самый, къ которому мы ѣздили, если всѣхъ ихъ не превосходилъ странностями, то никому и не уступалъ. Я скажу только о тѣхъ, кои въ глазахъ свѣта казались смѣшными, а по моему мнѣнію, ему дѣлають честь.

Около тридцати лѣтъ былъ онъ тогда уже женатъ. Заведенный имъ порядокъ съ тѣхъ поръ ни на волосъ не измѣнялся, и сей порядокъ, кажется, существовалъ еще въ домѣ его отца и дѣда. Въ убранствѣ комнатъ, въ обычаяхъ, въ распредѣленіи времени, во всемъ было замѣтно нѣчто Голандско-нѣмецкое. Сверхъ нижняго жилья, одноэтажный каменный домъ его въ Большой Мѣщанской сохранилъ еще и нынѣ старинный свой фасадъ. Нѣсколько узкихъ длинныхъ комнатъ сего дома были назначены для пріема гостей; гораздо же большее число внутреннихъ, какъ сердце г. Демидова, открывалось только задушевнымъ его друзьямъ. Всѣ онѣ были съ прочными сводами, украшены лѣпными изображеніями; стѣны однихъ были завѣшаны множествомъ хорошихъ и дурныхъ картинъ, въ другихъ онѣ были составлены изъ изразцовъ, въ иныхъ видна была дубовая рѣзная работа; столовые и стѣнные часы, люстры, всѣ мебели одни другимъ соответствовали: вездѣ встрѣчались опрятность и роскошь Монплезира и маленькаго Екатерингофскаго дворца. Одна изъ комнатъ была убрана Китайскими шелковыми обоями; она называлась чайною, и въ шесть часовъ вечера, не позже, разливали въ ней сей горячій напитокъ, разводили огонь въ каминѣ, и гостямъ мужескаго пола подавали каждому по маленькой бѣлой трубкѣ съ табакомъ: обычай, который конечно ни въ одномъ порядочномъ Петербургскомъ домѣ тогда встрѣтить было невозможно.

Изъ сего можно видѣть, что Петръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ старину *). Однѣ сѣдины и морщины давали право на его привѣтливость; на молодыхъ людей, даже на молодыхъ женщинъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ими съ большею любезностію занималась супруга его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Жеребцова.

*) Старину, а не древность Русскую; ибо Голандско-нѣмецкая, мѣщанская, чисто-плотная роскошь, введенная у насъ при Петрѣ Великомъ и не во многихъ домахъ едва сохранившаяся до временъ Екатерины, не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ боярскимъ житьемъ, хлѣбосольнымъ, довольно безпорядочнымъ, не весьма опрятнымъ, которое и доселѣ пробивается сквозь Европейскія утонченности и grand genre нынѣшнихъ аристократовъ.

Родной братъ ея былъ женатъ на извѣстной нѣкогда въ Петербургѣ Ольгѣ Александровнѣ, родной сестрѣ князя Зубова, любимца Екатерины; родная же племянница г. Демидова была замужемъ за однимъ графомъ Головкинымъ, а родной племянникъ, также Демидовъ, женатъ на княжнѣ Лопухиной, родной сестрѣ княгини Гагариной, любимицы Павла Перваго. Столь знатное родство, посѣщавшее сей домъ, давало ему нѣкоторый блескъ; но странности въ немъ встрѣчаемыя всегда удаляли отъ него цвѣтъ тогдашняго лучшаго общества.

Странная мысль вошла тогда брату моему въ голову. Онъ никогда не бывалъ въ домѣ у Григорія Александровича, племянника г. Демидова, а съ молодою, прекрасною, меланхолическою женой его, которую мужъ ревновалъ къ цѣлому свѣту, рѣдко имѣлъ случай разговаривать. Ему показалось, впрочемъ весьма неосновательно, будто она къ нему равнодушна. Желая казаться болѣе интереснымъ и воспользоваться мнимымъ ея хорошимъ расположеніемъ, онъ сталъ описывать ей братскую ко мнѣ любовь и нѣжныя попеченія о моей участи. Женское ли самолюбіе, которое дало угадать сильное впечатлѣніе сдѣланное на человѣка, хотя не красиваго, но молодаго, смѣлаго и пылкаго, просто ли доброта женскаго сердца возбудили въ ней состраданіе къ бѣдному мальчику; но она сама вызвалась говорить обо мнѣ графу Растопчину, министру иностранныхъ дѣлъ, и сдержала слово. Трудно было тогда отказать въ чемъ-нибудь сестрѣ княгини Гагариной, и министръ черезъ нее велѣлъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ службу.

Запрещеніе принимать въ гражданскую службу молодыхъ дворянъ все еще существовало, но изъ сего правила сдѣлано было изъятіе для дипломатической части. Дозволено было при Иностранной Коллегіи имѣть двадцать человѣкъ юнкеровъ 14 класса и десять при Московскомъ ея архивѣ, дабы такимъ образомъ ограничить число привилегированныхъ юношей. Легко себѣ можно представить, какъ много было желающихъ занять такія мѣста и какое нужно было покровительство, чтобы получить ихъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ находился тогда графъ Растопчинъ въ Петергофѣ. Надобно было лично подать ему просьбу, и однимъ утромъ мы отправились туда съ братомъ въ наемныхъ дрожкахъ. Этой поѣздки я вѣкъ не забуду. Страхъ былъ во мнѣ сильнѣе радости. Я видѣлъ много вельможъ, ласкавшихъ мое отрочество, робѣть мнѣ, казалось, было нечего; но во всѣхъ официальныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ при Павлѣ былъ сокрытъ какой-то тайный ужасъ, и приближенные его, подобно ему, прослыли грозными. День былъ прекрасный, воздухъ жаркій, но безпрестанно прохлаждаемый вѣтеркомъ, дующимъ со

взморья. Петергофская дорога, по которой ѣхалъ я въ первый разъ, была тогда, въ окрестностяхъ столицы, единственное мѣсто, гдѣ богачи всѣхъ сословій проводили лѣто, люди же другихъ состояній такой прихоти себѣ не позволяли и жили всѣ въ городѣ. Двадцать шесть верстъ почти непрерывно тянулась предо мною двойная цѣпь красивыхъ дачъ, нынѣ въ развалинахъ или обращенныхъ въ фабрики, дворцы, барскія палаты, кіоски и пагоды, монументы, мѣстами каскады и фонтаны, каналы и затѣйливые черезъ нихъ мостики; цѣлыя рощи цвѣтовъ, украшающія крыльца и балконы, попеременно мелькали передо мною, и я съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣлъ на все то, чѣмъ искусства и произведенія чуждыхъ намъ климатовъ такъ удачно прикрываютъ уродливую Петербургскую природу. Я былъ очарованъ, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, и во всю дорогу забылъ и горе свое, и свои надежды.

На заставѣ у Петергофа долженъ былъ я о томъ вспомнить. Караульный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ видомъ подозрительнымъ, спросилъ наши имена, зачѣмъ мы пріѣхали и долго ли пробудемъ; и записавъ все это, потребовалъ, чтобы мы долѣе назначеннаго нами времени не оставались. Растопчинъ жилъ въ деревянныхъ, такъ-называемыхъ кавалерскихъ домикахъ, близко отъ дворца, и чтобы сколь возможно миновать сіе мѣсто ужаса, мы, оставя дрожки наши гдѣ-то въ полѣ, старались пробраться оконечностію нижняго сада. Когда мы пришли, то насъ ввели въ небольшую комнату и, оставя въ ней однихъ, тотчасъ пошли объ насъ докладывать. Мы дожидались недолго: отворилась дверь, и вышелъ графъ Растопчинъ, съ видомъ довольно угрюмымъ. Звѣрообразное, калмыковатое лицо его и свирѣпый взглядъ, когда онъ бывалъ невеселъ, должны были въ каждомъ производить страхъ. Братъ мой называлъ госпожу Демидову, а у меня чуть не подкосились ноги, когда я безмолвно подалъ просьбу. Принявъ ее, министръ сказалъ только: «хорошо, посмотримъ»; и мы, поклонясь, тѣмъ же путемъ отправились обратно въ Петербургъ.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ мы получили грозное письмо отъ родителей. Пятимѣсячное пребываніе наше въ столицѣ становилось для нихъ тягостно; они дѣлали всевозможныя пожертвованія, чтобы содержать насъ прилично, но братъ мой, какъ сказалъ я гдѣ-то выше, былъ болѣе чѣмъ неразсчетливъ и надѣлалъ долговъ. Не видя никакого успѣха въ моемъ опредѣленіи, нашъ отецъ рѣшился приказать намъ немедленно оставить Петербургъ и отправиться въ Москву къ зятю и сестрѣ, чтобъ отдать меня тамъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, тогда называвшійся именемъ шефа своего, фельдмаршала графа Салтыкова. Дѣлать было нечего: малѣйшее отлагательство въ испол-

неніи родительской воли казалось дѣломъ невозможнымъ, а согласіе, изъявленное графомъ Растопчинымъ, весьма походило на отказъ. Сборы наши были недолги; нѣсколько дней спустя, съ двумя слугами, сѣли мы въ двѣ телѣги и на перекладныхъ поскакали въ Москву.

Я было и забылъ сказать, что въ это время мы жили въ Коломнѣ, близъ Никольскаго рынка, у добраго дяди нашего Якова Лаврентьевича, въ тѣсной, но уютной и чистенькой квартирѣ его и раздѣляли почти ежедневно скромную его трапезу. Ни одной изъ женъ его тогда при немъ не было, а хозяйствомъ его и его старостію управляла нѣкая Авдотья, служанка-госпожа или кухарка-сударка, какъ иные такихъ женщинъ называютъ. Онъ меня чрезвычайно любилъ и часто бывалъ моимъ защитникомъ отъ брата, съ коимъ житіе по истинѣ было несносное. Отъ родителей онъ былъ надо мною уполномоченъ и дѣйствительно не щадилъ стараній, чтобы выгоднымъ образомъ меня пристроить; сіе дало ему высокую мысль о неограниченности его правъ, кои не весьма охотно я соглашался признавать. Онъ былъ восемью годами меня старѣе, но все-таки, по мнѣнію моему, равный мнѣ братъ, и мнѣ все казалось, что въ незрѣломъ мозгу моемъ болѣе идей и соображеній, чѣмъ въ зрѣломъ умѣ его. Безразсудная его взыскательность была въ безпрестанномъ столкновеніи съ моимъ упрямствомъ, съ моимъ самолюбіемъ; ибо тогда, какъ и нынѣ, почиталъ я унижительнымъ не только виниться, но даже и оправдываться. Мое сердитое молчаніе приводило его въ бѣшенство; возставали сильныя бури, и одинъ лишь старый дядя нашъ умѣлъ ихъ усмирять. Грѣхъ таить нечего: дѣло иногда доходило и до побоевъ.

Прежде нежели оставлю я Петербургъ, молодой городъ, который тогда не праздновалъ еще и перваго своего юбилея, мнѣ хочется вкратцѣ описать его и дать понятіе о тогдашнемъ его состояніи; читатели не только простятъ мнѣ сіе, но можетъ быть и поблагодарятъ за то. Всѣ увѣряютъ, будто, послѣ двадцатилѣтняго или даже десятилѣтняго отсутствія, никто не можетъ узнать Петербурга. Сіе могло быть справедливо при Екатеринѣ; но при ней сдѣлано въ немъ все основное; перемѣны же, которыя съ тѣхъ поръ послѣдовали, суть только прибавленія къ цѣлому (*accessoires*). Къ несчастію, она усвоила себѣ гибельную мысль Петра Великаго, развила ее и, такъ сказать, осуществила. Всѣ творенія ея носятъ печать вѣчности, и городъ сей, который тридцати-пятилѣтними ея стараніями возвысился и распространился, городъ, которымъ щеголяетъ Россія, забывая, что кости сотенъ тысячъ нашихъ братій, погибшихъ при ископаніи сей бездны, служатъ ему основаніемъ, сей городъ простоятъ въ велелѣпії столь же долго, какъ и слава царства Русскаго. Безъ Екатерины онъ скоро

потонулъ бы въ болотѣ, среди коего возникъ. Въ моихъ глазахъ онъ какъ зданіе, которое, близъ сорока лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ я въ первый разъ совсѣмъ оконченнымъ, но коего нѣкоторыя только части не были совсѣмъ отдѣланы и изъ коихъ многія потомъ изукрасились. Главныя примѣчательнѣйшія строенія тогда уже существовали и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ находятся и понынѣ: дворцы—Зимній, Аничковскій, Мраморный, Таврическій, три академіи, Большой театръ; кадетскіе корпуса, церкви—Спаса на Сѣнной и Николы Морскаго; стѣны Петропавловской крѣпости и берега Невы, Фонтанки и Екатерининскаго канала были уже выложены гранитомъ, рѣшетка Лѣтняго сада уже изумляла красотой. Михайловскій, что нынѣ Инженерный, замокъ тогда достраивался.

Число и самая величина частныхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, съ умноженіемъ народонаселенія, конечно, съ тѣхъ поръ утроились. Послѣдній годъ жизни Екатерины въ немъ жителей, говорятъ, было до полутора ста тысячъ; при Павлѣ число сіе значительно уменьшилось, съ тѣмъ, чтобы при наслѣдникѣ его опять быстро увеличиться. Въ Большой Коломнѣ можно встрѣтить теперь болѣе экипажей и народу, чѣмъ тогда на Невскомъ проспектѣ; но сіе происходило не столько отъ недостатка народонаселенія, какъ отъ ежедневныхъ верховыхъ прогулокъ императора. Въ сопровожденіи Кутайсова императоръ всякій день объѣзжалъ обѣ набережныя, обѣ Морскія, всѣ главныя улицы столицы своей; плохо бывало тѣмъ, коихъ нарядъ или фizioномія ему не полюбятся. Всѣ ѣдущіе въ каретахъ обязаны были, поровнявшись съ нимъ, останавливаться и, не исключая даже престарѣлыхъ дамъ, выходить изъ нихъ, не смотря ни на какую погоду; мужчины же въ такихъ случаяхъ должны были сбрасывать плащи и шубы *). Завидѣвъ его издали, иные пѣшеходы спасались бѣгствомъ, бросались въ первые открытые ворота; но если зоркій взглядъ его замѣчалъ таковыхъ, то полицейскіе драгуны скакали, чтобы схватить ихъ и привести къ нему. Онъ не позволялъ даже бояться; подобно Туркамъ, ему хотѣлось, чтобы мы сдѣлались фаталисты и видѣли въ немъ неизбѣжную судьбу свою.

Одна только часть Петербурга была въ 1800 году еще въ совершенномъ запустѣніи. Невскіе острова были тогда острова необитаемые. На Крестовскомъ—ветхій домъ, на Каменномъ—пустой, невысокій дворецъ и маленькая церковь являли тогда только слѣды че-

*) Одна шутиха, Французская актриса Леруа, поскользнувшись со ступеньки и упала къ ногамъ его лошади. Со смѣлостію, свойственною ей націи, она воскликнула къ нему Волтеровымъ стихомъ: *Que voulez-vous de plus? Mérope à vos pieds*, и онъ расхохотался.

ловѣческаго присутствія. Мосты еще не существовали, сообщенія между острововъ не было; вездѣ дичь, вездѣ непроходимый лѣсъ и болото. Одинъ разъ братъ возилъ меня туда кататься на шлюбкѣ; дедалъ протоковъ, густая зелень сихъ острововъ, отражаемая зеркаломъ Невы, меня восхищали; самое глубокое молчаніе, которое вокругъ насъ царствовало и было только прерываемо шумомъ нашихъ весель, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались намъ ялики, нагруженные купеческою семьей и самоваромъ; они приставали къ влажнымъ берегамъ, и гуляющіе, выбравъ какое-нибудь маленькое возвышеніе, располагались на немъ почайничать. Но пѣсенъ мы не слышали; оглашать сію пустыню звуками заунывнаго Русскаго удалства не было дозволено: они какъ будто выражаютъ тоску по свободѣ.

Ничто такъ меня не прельстило въ Петербургѣ, какъ театръ, который увидѣлъ я первый разъ въ жизни; ибо въ Кіевѣ его не было, а въ Москвѣ меня туда еще не пускали. Нѣсколько о томъ словъ будутъ здѣсь не лишнія. Русской труппы я тогда не видалъ или, лучше сказать, о ней и не слыхалъ, и названіе ни одного изъ актеровъ мнѣ не было извѣстно; знающихъ по-французски въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ не было и десятой доли, и отличающимся знаніемъ сего языка было бы стыдно, еслибъ ихъ увидѣли въ Русскомъ театрѣ: онъ былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тошій нашъ репертуаръ ей казался неистощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемая передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина; національныя оперы: *Мельникъ*, *Сбитеньщикъ*, *Розана и Любимъ*, *Добрый Солдатъ*, *Гедулъ съ дѣтьми*, *Иванъ Царевичъ* лѣтъ двадцать сряду имѣли ежегодно отъ двадцати до тридцати преставленій. Въ это же время переведенныя съ Итальянскаго оперы придворнаго капельмейстера Мартини *Рѣдкая Вещь* и *Діанино Древо* начали знакомить нашу публику съ хорошою музыкой, а комедіи Фонъ-Визина чистить вкусъ и нравы. Сей вкусъ, однакоже, былъ угрожаемъ порчей отъ драматическихъ произведеній Коцебу, коими переводчики наводнили тогда нашъ театръ.

Когда братъ бывалъ мною доволенъ, что случалось весьма рѣдко, то бралъ съ собою во Французскій театръ. Такъ какъ кресель было тогда не болѣе двухъ рядовъ, то обыкновенно всѣ ходили въ партеръ, куда за входъ платили только по одному рублю. Всего удалось мнѣ видѣть спектакль три раза, и слѣдственно награды мнѣ за хорошее поведеніе стоили не болѣе трехъ рублей мѣдью. Въ первый разъ играли комедію *Le Vieux Célibataire*, какъ бы въ предзнаменованіе моей будущей судьбы. Я не въ состояніи былъ судить объ искусствѣ, и потому-то, вѣроятно, чудесная игра г-жи Вальвиль не могла

примирить меня съ ея безобразіемъ; старый Офренъ игралъ стараго холостяка и для этой роли мнѣ показался слишкомъ старъ; онъ былъ знаменитый трагическій актеръ: комедія была не его дѣло. Несмотря на все это, я не дышалъ во время представленія, боялся проронить слово; новое удовольствіе, которое ощутилъ я тогда, было столь сильно, что въ этотъ вечеръ далъ я себѣ слово не пропускать спектакля, коль скоро позволено мнѣ будетъ располагать собою и своимъ карманомъ.

Отъ втораго представленія, которое я видѣлъ, я было совсѣмъ сошелъ съ ума. Давали оперу Гретри *Прекрасную Арсену*, коей музыка и тогда была не весьма новая, но всѣхъ еще восхищала. Оркестръ, богатые костюмы, декорации, превращенія, все меня очаровало, но болѣе всего мадамъ Шевалье—красавица, столь же славная пѣвица, какъ и актриса. Когда она запѣла: *et je régnerai dans les cieux*, мнѣ казалось, что она меня туда за собою увлекала. Въ послѣдній разъ видѣлъ я вторично эту сирену въ маленькой оперѣ *Le Prisonnier*; ничего не могло быть милѣе, и ни одна актриса меня съ тѣхъ поръ такъ не плѣняла. Послѣ оперы былъ балетъ или дивертисментъ, утвердительно сказать не могу; помню, что были пастухи и пастушки, гирлянды и амурь. Были двѣ молодыя танцовщицы, которыя въ то время другъ у друга оспаривали пальму первенства, и на которыхъ смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже тотчасъ послѣ Шевалье. Одна изъ нихъ Француженка, Роза Колинетъ, вышла потомъ замужъ за извѣстнаго балетмейстера Дидло и, кажется, еще и понынѣ находится въ живыхъ; другая—Русская, Берилова, болѣе извѣстная подъ простымъ, нѣжнымъ названіемъ Настеньки, воплощенная грація, которая черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ. Я никогда не былъ великій охотникъ до балетовъ и всегда полагалъ, что лишь языкъ можетъ говорить уму и сердцу, а одни прыжки и тѣлодвиженія говорятъ только чувственности, и сего рода наслажденія я никогда не искалъ на сценѣ. Привязанность графа Кутайсова *), женатаго человѣка и отца семейства, къ г-жѣ Шевалье и щедрость его къ ней казались многимъ весьма извинительными; но вліяніе ея на дѣла посредствомъ сего временщика, продажное ея покровительство, раздача мѣстъ за деньги всѣхъ возмущали. Увѣряли, будто Кутайсовъ ея любовію дѣлился съ господиномъ своимъ, будто она была прислана сюда съ секретными порученіями отъ Бонапарте, что подвержено сомнѣнію, ибо онъ былъ еще въ Египтѣ, когда она въ Россію пріѣхала; но въ

*) Графъ Кутайсовъ до конца († 1830 г. отъ холеры) носилъ на груди виѣстъ съ разсказами портретъ г-жи Шевалье. (Слышано отъ Пр. Никол. Барановой). П. Б.

послѣдствіи, будучи уже первымъ консуломъ республики, могъ онъ употребить ее, какъ тайнаго агента. Какъ бы то ни было, но она почиталась одною изъ сильныхъ властей государственныхъ; царедворцы старались ей угождать, а объ ней, о мужѣ ея, плохомъ балетмейстерѣ, и о братѣ ея, танцовщикѣ Огюстѣ, говорили какъ о знатномъ семействѣ; а когда она въ гордости своей воспротивилась браку сего Огюста съ дочерью актера Фрожера, то находили сіе весьма естественнымъ. Она все рѣже и рѣже стала являться публикѣ, какъ бы гнушаясь городскимъ обществомъ и сберегая прелести лица своего и таланта для одного Двора, на театрѣ Эрмитажа. Слѣдующей зимою пожаловали мужа ея прямо коллежскимъ ассесоромъ; тогда ея высокоблагородіе, говорятъ, совсѣмъ перестала показываться.

Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ только театръ, Большой или Каменный, близъ Коломны; ибо манежъ, отведенный для Нѣмцевъ въ домѣ Ланскаго, что нынѣ главнаго штаба, на Дворцовой площади, сего имени не заслуживаетъ. Русскіе, Французы и Итальянцы играли попеременно на Большомъ театрѣ; первые обыкновенно по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда торговый народъ, который весь почти у насъ Русскій, ничего не дѣлаетъ, и онъ-то поддерживалъ національныя представленія. Ремесленный же классъ, всегда состоящій здѣсь изъ расчетливыхъ Нѣмцевъ, охотно, за весьма умѣренную цѣну, ходилъ слушать на сценѣ Ифланда и Коцебу; общество и образованные иностранцы наполняли Французскій театръ. Но откуда брались слушатели для Итальянской оперы, когда и теперь еще у насъ такъ мало дилетанства? И что всего удивительнѣе, первая Итальянская труппа была выписана при Елисаветѣ Петровнѣ, когда еще не существовало ни Французскаго, ни Нѣмецкаго здѣсь театра, а Русскій былъ еще въ пеленкахъ. Какъ тогда, такъ и теперь, музыка у насъ роскошь, въ Италіи—потребность, въ Германіи—наука. Представленія Итальянскихъ оперъ были весьма рѣдки; со всѣмъ тѣмъ, какъ увѣряли, чудесный голосъ Павла Мандини гремѣлъ, и волшебные звуки Маджіорлетти раздавались часто въ пустой почти залѣ.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о театрѣ и написалъ три страницы о любимомъ предметѣ. Кто, не посвящая себя литературѣ и музыкѣ, подобно мнѣ, страстно ихъ любить и имѣлъ много празднаго времени, тотъ въ хорошемъ театрѣ находитъ свое блаженство. Я тогда едва хлебнулъ только отъ чаши наслажденій, которая потомъ такъ упоила мою молодость.

Но пора оставить Петербургъ; я слишкомъ долго прощаюсь съ нимъ, хотя и не на долгое время.

XVI.

Первая молодость сливается съ телѣгой въ воспоминаніяхъ всѣхъ Русскихъ моихъ современниковъ; ни дорожнаго, ни домашняго комфорта мы столько не знали, какъ нынѣшніе молодые люди. Недавно остроумнѣйшій изъ нашихъ стихотворцевъ *) украсилъ телѣжную ѣзду всею прелестію поэзіи; трогательная шутка его расшевелила мнѣ сердце до самой глубины. Улыбаясь, сквозь слезы, читалъ я прекрасные его стихи къ Орловскому о быломъ мученіи, которое мы такъ весело выносили. Мнѣ казалось, онъ описывалъ первую поѣздку мою изъ Петербурга въ Москву. Все нашелъ я тутъ: и вихрю подобный бѣгъ тройки, и ловкость ухарскаго ямщика, и шляпу его, украшенную даровою лентой, и руку его, вооруженную *вдохновительнымъ кнутомъ*, и русоколыхъ красотокъ, коими любовался, несмотря на боль моихъ реберъ. Ни я, ни онъ, хотя меня моложе, добровольно не согласились бы теперь безъ памяти и скакать, и прыгать по крупнымъ камнямъ и мелкимъ бревешкамъ тогдашней мостовой, а вспоминать о томъ, право, пріятно!

Первую ночь я никакъ не могъ уснуть отъ быстроты и силы движенія, въ коемъ находился; на другую ночь довольно крѣпко заснулъ, а третій день, при безпрестанныхъ толчкахъ, почти весь проспалъ преспокойно. Конечно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца того, что почиталъ моею пыткой; однакоже, любопытство, коимъ я одаренъ или одержимъ, какъ угодно, не дозволяло мнѣ ни единого предмета пропустить безъ особаго вниманія: ни башенъ и куполовъ древняго Новагорода, ни Валдайскихъ горъ, ни дѣвокъ и баранокъ, ни Вышневолоцкихъ шлюзовъ, ни сафьянныхъ издѣлій Торжка, ни улицъ Твери, по указу и шнурку выстроенныхъ.

Мы спѣшили пріѣхать въ Москву 20 Іюля, день именинъ нашего зятя, а прибыли только 21-го передъ разсвѣтомъ, и ни его, ни сестры не нашли въ городѣ: они были это время въ подмосковной графа Салтыкова. Я и забылъ сказать, что зятя моего произвели въ полковники и что вслѣдъ за тѣмъ не безъ причины онъ былъ отставленъ отъ службы. Государь прогнѣвался на графа Салтыкова, который младшую дочь свою выдалъ за графа Орлова, роднаго племянника ненавистныхъ ему Орловыхъ. Онъ безъ церемоніи отставилъ бы его, но былъ удержанъ уваженіемъ къ графинѣ, которая, какъ одна изъ пожилыхъ дамъ, внушала ему къ себѣ почтеніе и которая пріѣзжала въ

*) Князь П. А. Вяземскій (1838). П. Б.

Петербургъ ходатайствовать за мужа. Но чтобы какимъ-нибудь образомъ показать ему свою немилость, отставилъ онъ его адъютантовъ. Итакъ бѣдный Алексѣевъ нѣсколько времени долженъ былъ жить одною помощію своего бывшего начальника.

Я увидѣлъ Москву съ великимъ удовольствіемъ, какъ старую знакомку; одинъ Кіевъ тогда почиталъ я роднымъ мѣстомъ. Мы въѣхали на квартиру зятя и сестры, которые сохранили ее, по милости главноначальствовавшего въ Москвѣ, въ томъ же самомъ загнутомъ флигелѣ казеннаго Тверскаго дома, гдѣ жили и прежде. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, они дня черезъ два поспѣшили воротиться. Какъ положеніе ихъ, такъ и склонности заставили ихъ жить въ тѣсномъ, неблестящемъ кругу знакомства. Удовольствіе быть вмѣстѣ было одно, которымъ могли мы тогда пользоваться.

Надобно было приготовить меня къ кавалерійской службѣ. Главное было тотчасъ сдѣлано: надѣли на меня ботфорты, которыхъ потомъ при Павлѣ уже я болѣе не снималъ. Я отвыкъ отъ верховой ѣзды, ни въ Казацкомъ, ни въ Петербургѣ не имѣвъ случая въ ней упражняться. Послали меня опять въ тотъ же манежъ графа Салтыкова; близъ мѣсяца по шести разъ въ недѣлю я учился ѣздить, и усилія мои, вѣроятно, были успѣшны, ибо заготовлена уже была просьба къ полковому командиру того полка, куда я долженъ былъ вступить. Мнѣ теперь самому странно о томъ подумать; но вѣдь я Русскій по матери, а изъ Русскаго человѣка можно сдѣлать все, чѣмъ ему велать быть: онъ ко всему пригодится. Кто знаетъ, что бъ изъ меня вышло; нимало не было бы удивительно, еслибъ я сдѣлался хорошій наѣздникъ и воинъ. Судьба расположила иначе.

Время и опытъ дали узнать графинѣ Салтыковой милыя и почтенныя свойства моей сестры; она ее душевно уважала, а жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда супруги, заставляло ее принимать самое искреннее участіе въ ихъ дѣлахъ. Сестра посѣщала ее гораздо чаще. Въ одинъ вечеръ, между разговорами, она не скрыла отъ нея опасеній своихъ насчетъ моей участи, находя, что незамѣтно было во мнѣ ни охоты, ни способностей къ тому роду службы, который принуждены были для меня избрать, и упомянула о неудачной попыткѣ у графа Растопчина. Услышавъ его имя, графиня воскликнула: «Зачѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали! Вѣдь мы съ нимъ большіе друзья; онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ; завтра же пишу къ нему».

Разумѣется, что съ просьбою къ полковому командиру мы пріостановились. Отвѣтъ графа Растопчина не заставилъ себя долго ждать: мы получили его не съ большимъ черезъ недѣлю. Вотъ содержаніе

его письма: «покровительствуемый-де вами давнымъ давно опредѣленъ въ число юнкеровъ при коллегіи положенныхъ, но доселѣ неизвѣстно было, куда онъ дѣвался; если вамъ непременно угодно его имѣть въ Москвѣ, то хотя въ архивѣ комплектъ уже наполненъ, я беру на свою отвѣтственность перевести его туда сверхъ штата».

Служба теперь въ Россіи есть жизнь; почти всѣ у насъ идутъ въ отставку, какъ живые въ могилу, въ которой имъ тѣсно и душно, и изъ которой, при первомъ удобномъ случаѣ, они вырываются. Въ старину, на этотъ счетъ, были благоразумнѣе. Были, однакоже, семейства, и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ видѣли уничиженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія. Всѣ члены моего семейства, одинъ за другимъ, были удалены отъ службы; самый младшій изъ нихъ вступалъ въ нее, и прямо офицерскимъ чиномъ. Можно себѣ представить, по тогдашнимъ понятіямъ, какую радость сіе происшествіе произвело между нами!

Въ самый день именинъ сестры моей, 26 Августа, графиня Салтыкова прислала ей письмо министра, вмѣсто подарка; лучшаго она ей сдѣлать не могла. Повезли меня къ обѣднѣ, отслужили молебень, послали за портнымъ, заказали мнѣ мундиръ, созвали кого успѣли изъ пріятелей и въ два часа пополудни сѣли пировать. На другой день поручили господину Яковлеву, чиновнику почтамта, представить меня господину Бантышу-Каменскому, его старинному знакомому, а моему новому и первому начальнику. Бумага обо мнѣ еще не была получена, и только въ первыхъ числахъ Сентября началъ являться я на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Эти двѣ недѣли былъ я въ непрерывномъ восторгѣ: я пользовался всѣми выгодами службы, не подозрѣвая ни одной изъ ея непріятностей. Мнѣ принесли мундиръ. Я не зналъ что дѣлать; прежде нежели облекся я въ сію одежду мужа, годе virile, мнѣ хотѣлось расцѣловать ее *). Я пошелъ благодарить графиню Салтыкову, которую въ первый разъ увидѣлъ и вблизи; она обласкала меня и даже поцѣловала съ чувствомъ содѣяннаго благодѣянія, а на другой день, уже какъ юношу, прислала пригласить обѣдать. Дѣла въ шутку величали меня благородіемъ, а я не шутя тѣмъ гордился. Не одинъ только чинъ 14 класса возвышалъ такъ меня въ глазахъ моихъ; всякое званіе имѣетъ только ту цѣну, которую даетъ ему общее мнѣніе; а молоденькіе децемвиры архива, коллегіи юнкеръ, казались существами привилегированными. Въ Московскихъ обществахъ, на Московскихъ балахъ, архивные юноши

*) Ботфорты, которые велѣно было носить штатскимъ, въ службѣ находящимся, а въѣея позволено всѣмъ желающимъ, я уже прежде того надѣлъ.

долго, очень долго заступали мѣсто Екатерининскихъ гвардіи сержантовъ и уступили его, наконецъ, только числу нынѣшнихъ камеръ-юнкеровъ.

Никакая эпоха такъ живо не осталась въ моей памяти, какъ первые мѣсяцы по вступленіи моемъ на службу. Никогда еще, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ я сближенія такихъ противоположностей, соединенія такихъ странностей, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія. Разсказъ мой о томъ будетъ длиненъ, но для читателя, если въ половину столь занимателенъ, какъ для меня самого, то мнѣ нечего у него просить прощенія.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное, каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служить ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые, во время Петра Великаго, держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было пріискать безопаснѣе и приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами частью разобранныхъ, частью неразобранныхъ старыхъ дѣлъ: только три комнаты оставлены были для присутствующихъ и канцелярскихъ.

Въ мрачномъ Сентябрѣ, предсталъ я въ мрачной храмѣ предъ мрачнаго старца, всегда сердитаго и озабоченнаго. Онъ позвалъ какого-то худощаваго, безобразнаго человѣка, съ отвислою, распухшею нижнею губою въ нарывахъ, и указалъ ему на меня. Тотъ меня усадилъ въ той же комнатѣ противъ самаго брюзги-начальника и зачѣмъ-то ушелъ. Прежде нежели онъ воротился, сдѣлался я, какъ новичокъ, предметомъ любопытнаго, но непродолжительнаго вниманія моихъ новыхъ товарищей. Скоро притащилъ безобразный человѣкъ тетрадь чистой бумаги и огромный пукъ полуистлѣвшихъ столбцовъ, наполненныхъ мертвыми для меня буквами, въ чистыхъ оберткахъ съ нумерами и надписями о ихъ содержаніи, и велѣлъ надписи сіи переписывать въ тетрадь. Работа нетрудная, но всякій день это дѣлать и видѣть то что я увидѣлъ, мнѣ показалось тяжело. Тоска уже мной овладѣла, какъ вдругъ легкій, но внятный шопотъ началъ пробѣгать по всей комнатѣ. Я сталъ прислушиваться; отрывистый, шутливый, довольно умный разговоръ окружавшей меня молодежи оживилъ меня и изумилъ. Съ перваго взгляда всѣ лица мнѣ показались печальны, и въ такомъ мѣстѣ я не ожидалъ ни встрѣтить улыбки, ни услышать веселаго

слова. Тихіе вокругъ меня звуки голосовъ мнѣ были столь же пріятны, какъ бы шумъ живаго, игриваго ручейка, среди могильнаго молчанія. Но я скоро замѣтилъ, что разговаривающіе не смѣютъ ни поднять головы, ни возвысить голоса.

Нашъ начальникъ имѣлъ несчастье лишиться слуха отъ побоевъ разъяренной черни, когда она, во время чумы, вломившись въ комнаты роднаго дяди его, Московскаго архіепископа Амвросія Зертысъ-Каменскаго, убила мудраго своего пастыря. Изъ уваженія къ памяти сего мученика, приложилъ онъ Русское фамильное его имя къ своему Молдавскому прозванію. Дѣдъ его, Константинъ Бантышъ, при Петрѣ Великомъ, прибылъ въ Россію въ свитѣ князя Кантемира, а отецъ вступилъ въ службу и женился на его матери, священнической дочери Каменской, сестрѣ убитаго архіерея.

Итакъ онъ былъ глухъ. Люди одержимые симъ недугомъ бываютъ обыкновенно подозрительны, въ каждомъ движеніи губъ видятъ они предательство. Вотъ почему Николай Николаевичъ, управлявшій архивомъ, не любилъ, чтобы при немъ разговаривали: прилежаніе къ дѣлу, котораго было такъ мало, служило ему предлогомъ требовать всеобщаго молчанія. Сейчасъ мы видѣли, какъ исполнялись, въ этомъ случаѣ, его приказанія.

Наше высшее духовенство, до архіерейскаго сана, обыкновенно ничего не видѣло кромѣ родительской хижины, семинаріи и келій монастырскихъ. Сначала богословскіе диспуты, потомъ уединенная жизнь и молчаніе, среди коего безъ всякаго противорѣчія образуются ихъ мысли и правила, наконецъ неограниченная власть, къ которой переходятъ они вдругъ отъ безпредѣльной покорности, даютъ характеру сихъ людей непреклонность, упрямство, кои, вмѣстѣ съ незнаніемъ приличій общежитія, дѣлаютъ часто сношенія съ ними весьма непріятными. Мужичья строгая нравственность, великіе витіи встрѣчаются между ними не рѣдко; но какъ мірскія испытанія не смягчили ихъ сердца, то весьма немногіе изъ нихъ знаютъ христіанскую кротость, которая, я увѣренъ въ томъ, между новѣйшими народами есть основаніе учтивости, неизвѣстной древнимъ.

Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ и воспитанъ въ Славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода, физическимъ недостаткомъ и склонностію къ кабинетной жизни, былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній: это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и, такъ-

сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ. Послѣ того ничего нѣтъ удивительнаго въ грубомъ его съ нами обращеніи: какъ архимандритъ, онъ въ вѣтреныхъ мальчикахъ видѣлъ только послушниковъ, коихъ надлежитъ держать подъ искусомъ.

Одни робкіе его страшились, другіе бѣсились на него, а иные, благоразумнѣйшіе, оставались весьма равнодушны и очень искусно, почти въ глаза, ему смѣялись. Впрочемъ, бояться было нечего: далѣе ругательствъ и брани тиранство его не простиралось; но для щекотливыхъ самолюбій такое наказаніе, кажется, довольно жестокое. Я принадлежалъ ко всѣмъ тремъ разрядамъ, а какъ лишеніе одного изъ пяти чувствъ замѣняется у людей изощреніемъ другаго, и зрѣніе у него было рысье, то въ глазахъ моихъ читалъ онъ попеременно и страхъ, и досаду, и насмѣшку и отъ того терпѣть меня не могъ. Я былъ какъ обреченная жертва постоянно дурнаго расположенія его духа, ибо сидѣлъ прямо противъ него и былъ безпрестанно подъ молніей его взглядовъ, которая изъ-подъ тучи бровей сверкала мнѣ какъ мечъ Дамоклеса. Спросятъ, что могло такъ часто приводить его въ гнѣвъ? Да такъ: если перестанешь писать, заглядишься въ сторону, сдѣлаешь ошибку, или встанешь съ мѣста, чтобъ идти куда-нибудь.

Молодые дворяне, какъ извѣстно, при Екатеринѣ и до нея, вступали единственно въ военную службу, болѣе блестящую, веселую и тогда менѣе трудную чѣмъ гражданская; если въ продолженіи оной переходили въ штатскую, чтобы занять выгодныя мѣста, то собственно званіемъ канцелярскаго гнушались, и оно оставлено было дѣтямъ священно-и церковно-служителей и разночинцевъ. При Павлѣ жестокости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ Русскихъ къ подъяческой службѣ, какъ они ее называли, до того что, наконецъ, запретили имъ въ нее входить. Слѣдственно до того времени Московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива.

Три члена съ равными правами и властію, управляли имъ, раздѣливъ между собою занятія. Двое изъ нихъ, нѣкто Соколовскій и ученый Стриттеръ, въ глубокой уже старости, и третій Бантышъ-Каменскій, немного помоложе ихъ, почти всю жизнь, вдали отъ свѣта, въ пыльной атмосферѣ, перебирали, пересматривали и отряхали безчисленные рукописи, ихъ храненію ввѣренныя. Нѣсколько несчастныхъ, довольно знающихъ грамоту, чтобы читать и переписывать, изъ скуднаго жалованья, безъ всякой надежды на повышеніе, болѣе въ видѣ слугъ чѣмъ служителей канцелярскихъ ими употреблялись и старѣлись съ ними въ машинальныхъ трудахъ. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища; одна волна недорослей - франтовъ гонитъ на архивъ другую; напрасно полный комплектъ юнкеровъ на время затворяетъ въ

него входъ: скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волнъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія, и кунстъ-камера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтнаго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризовомъ сюртукѣ, того урода, который надѣлялъ насъ работою и, во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и камзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются, по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній; но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново; къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ, нынѣ отъ нихъ не разступуютъ.

Въ помощь къ г. Бантышу-Каменскому, управлявшему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія: ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ. Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими, энергическими, бранными словами; другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій; а въ третьей находился секретарь архива г. Ждановскій, тихій человѣкъ, который ни передъ кѣмъ пикнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найти три разныя формы правленія: въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его

ужасами, во второй нѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; слѣпой случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія, и онъ мнѣ не благопріятствовалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ, а изображеніе послѣднихъ представить мало занимательнаго. По большей части, всѣ они, закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонуть или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не занялись; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памяты сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человѣку, я почувствовалъ омерзѣніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ. Не краснѣя, нельзя говорить объ немъ; болѣе ничего я не скажу: его глупостію, его низостію и пороками не стану пачкать сихъ страницъ. Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства; между нами онъ прослылъ дурачкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и литераторомъ, и компилаторомъ, и губернаторомъ; но многіе еще и понынѣ раздѣляютъ ребячье наше мнѣніе объ немъ.

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатымъ ѣздили на балы. Голова вскружилась у нихъ отъ сего счастья; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, рассказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Что не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать! Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человѣка, неоднократно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополѣ отъ чужестранной матери, которая, къ несчастію ихъ, не имѣла тогда мужа. И они носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражавшее одну чувственность сладострастія, что на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшой, Константинъ, былъ одаренъ красотою мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сіи братья были связаны

тѣснѣйшею дружбой: одно прекрасное чувство, коимъ могли они хвалиться. Дѣйствуя за одно, къ достиженію желаемого употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, что Французы называютъ *à plomb* и что по-русски не иначе можно перевести какъ смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми, и молодыми, и мужчинами, и женщинами; а они имѣли одну только наружную красоту. Сколько разъ потомъ, въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть, какъ Ипполитъ о Федръ: «Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!» Но богъ любви незаконной не награждаетъ, а только всегда покровительствуетъ родившихся подъ его владычествомъ и незаконный ихъ путь усѣваетъ успѣхами. По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенства.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ Московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутии всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; не смотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я общать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда непріятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоровъ; а между тѣмъ, когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и, всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производилъ: все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало. Не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть также законы тяготѣнія, гравитаціи? Маленькій Блудовъ былъ тогда блуждающая комета, которая, какъ бы безъ

цѣли быстро несясь въ пространство міровъ, могла въ немъ встрѣтить разрушеніе. Я не могъ тогда предвидѣть, что скоро ходъ ея сдѣлается столь правильнымъ, но уже какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено долго обращаться вокругъ нея и даже содѣлаться однимъ изъ ея спутниковъ, когда, достигнувъ созвѣздія министерства, она будетъ сіять въ немъ столь тихимъ, чистымъ и благотворнымъ свѣтомъ.

Жеманство, которое встрѣчалось тогда въ литературѣ, можно было также найти въ манерахъ и обращеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Женоподобіе не совсѣмъ почиталось стыдомъ, и ужимки, которыя противно было бы видѣть и въ женщинахъ, казались утонченностями свѣтскаго образованія. Тѣ, которые этимъ промышляли, выказывали какую-то изнѣженность, неприличную нашему полу, не скрывали никакой боязни и, что всего удивительнѣе, не совсѣмъ были смѣшны. Между нами были также два молодца, или лучше сказать, двѣ дѣвочки, которыя въ этомъ родѣ дошли до совершенства, Колычевъ и Ижоринъ. Время ихъ наружность и все вокругъ нихъ измѣнило, но не измѣнило ихъ склонностей и характера; теперь обѣ уже старушки, а послѣдняя весьма добрая и почтенная. Истребляя между нашими молодыми людьми наружныя формы, столь поносныя, особенно для Русскихъ, нынѣшній вѣкъ перенесъ ихъ въ другую крайность и мужественности ихъ часто придаетъ мужиковатость.

Послѣдствія прежняго Французскаго воспитанія сильно между нами обнаруживались: почти всѣ мои товарищи не могли ступить безъ Французскаго языка. Говоря на немъ, хотя многіе дѣлали часто ошибки, но съ Русскою переимчивостію весьма удачно умѣли перенять голосъ и манеры Французовъ, жившихъ у ихъ родителей. Никто однакоже не успѣлъ столько въ томъ, какъ молодой Ефимовичъ; онъ былъ вылитый Французъ: маленькій ростъ, тоненькія ножки, увертки его и самое безобразное его старообразіе, дѣлали его настоящимъ маркизомъ. Для многихъ изъ насъ былъ онъ предметомъ уваженія и подражанія. Впрочемъ онъ былъ не безъ ума, хорошо занимался литературой и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые берутся за все, обѣщаютъ много и изъ которыхъ, наконецъ, не выходитъ ничего.

Исключая двухъ Тургеневыхъ и Блудова, едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей, что есть уже Русская словесность. Живши въ одномъ городѣ съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ, они слыхали объ нихъ, можетъ быть, встрѣчались съ ними, знали, что они что-то пишутъ, но читать ихъ? этого не приходило имъ въ голову. Честь и хвала малому числу избранныхъ юношей-отроковъ, которые, плѣняясь и заграничнымъ просвѣщеніемъ, не заражались однакоже окружающими ихъ примѣрами. Геній Россіи съ раннихъ лѣтъ вдохнулъ въ сердца ихъ чув-

ство ея величія, а уму ихъ далъ способность постигать красоты благозвучнаго языка нашего и искусство выражаться на немъ. Увы, сихъ похвалъ я не заслуживалъ. Въ домѣ Голицыныхъ положено основаніе моей галломаніи, которая такъ быстро усилилась въ кругу архивныхъ юношей. Они снабжали меня Французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ чтеніемъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ; часто бывалъ я внѣ себя отъ ужасовъ г-жи Радклифъ, кои мучительно пріятнымъ образомъ дѣйствовали на раздражительные нервы моихъ товарищей.

Въ продолженіи зимы занимали насъ переводами съ Французскаго. Не знаю были ли они хороши, по крайней мѣрѣ не мои; а впрочемъ, какъ мнѣ кажется, г. Малиновскій, руководитель нашъ въ семъ дѣлѣ, не весьма былъ въ состояніи о томъ судить. Потомъ г. Бантышъ-Каменскій заставлялъ насъ въ одинъ форматъ переписывать на-чисто древніе грамоты и договоры, съ намѣреніемъ отдать собраніе ихъ потомъ въ печать. Въ послѣдствіи я сдѣлался съ нимъ гораздо смѣлѣе, а онъ ко мнѣ снисходительнѣе. Одна только бѣда: мой почеркъ ему не нравился; въ угожденіе ему я началъ прямить свои литеры по старинному до того, что пишу теперь какъ церковникъ.

Я напрасно хваюсь иногда твердостію: я всегда былъ довольно человекоугодливъ; старшимъ, равнымъ и даже подчиненнымъ всегда готовъ былъ сказать или сдѣлать что-нибудь пріятное; когда же поступки ихъ лично противъ меня, а еще болѣе противъ совѣсти или закона, заставляютъ меня дѣлать противное, они мнѣ становятся ненавистны, ибо лишаютъ меня величайшаго удовольствія. Въ нѣжномъ возрастѣ, кто не чувствовалъ вліянія людей и обстоятельствъ, среди коихъ жилъ? Но ни на кого они столь сильно не дѣйствовали какъ на меня: мнѣ кажется, я былъ восковой. Всякое впечатлѣніе сглаживалось, но не совсѣмъ изглаживалось новымъ; каждое положеніе, въ коемъ я находился, каждое общество, чрезъ кое проходилъ, оставляли на мнѣ слѣды, и такъ-то въ описываемые мною послѣдніе два-три года образовались всѣ странности моего характера. Къ счастью, посреди сего сохранилось во мнѣ чувство справедливости и чести, данное мнѣ природой и первымъ воспитаніемъ и никогда меня не покидавшее.

Мѣсяца черезъ полтора по вступленіи моемъ въ службу, вновь былъ принятъ въ нее и зять мой, отставной полковникъ Алексѣевъ. Причины сего обстоятельства, повидимому маловажнаго, заслуживаютъ, однакоже, чтобъ ихъ объяснить. Въ царяхъ вѣрнѣйшій признакъ высокаго дара господствовать надъ людьми есть искусство открывать способнѣйшихъ и ввѣрять имъ именно тѣ только мѣста, гдѣ они могутъ быть полезны. Съ такимъ искусствомъ цари бываютъ рѣдки, имъ

принадлежитъ названіе великихъ; но иногда и слѣпой случай подсовываетъ подъ царскую руку такихъ людей, коихъ для нѣкоторыхъ должностей и съ величайшими усиліями трудно было бы отыскать. Между Гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи: онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей. Съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было нелегко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла I-го, жилъ вдали отъ него и отъ неожиданныхъ его вспышекъ, и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова; тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался, такъ сказать, гражданскимъ генераль-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ человѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ немстительный; онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему и, чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволенія представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большого порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ; всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго, и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяють такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть настигать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться; можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти; ни одинъ большой сѣздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовались при немъ несчастнымъ

приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ неспѣсивъ, въ обхожденіи нецеремоненъ и негрубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ императоромъ. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и бесполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей. Какъ въ старину, такъ и нынѣ, никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ними и западными вольнодумцами таже разница, что между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, котораго всю жизнь онъ проищетъ напрасно, и простымъ человѣкомъ, который скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затрудненій женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ всеневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро самодержавіе вздумаетъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи вралей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ. Даже въ царствованіе Павла, удары его самовластія, которые такъ мѣтко, такъ разительно на всѣхъ упали въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, смягчались надъ царственной Москвой. Капуа для всѣхъ Нѣмцевъ, она, въ нѣдрахъ своихъ, разогрѣвала ихъ холодность, развеселяла ихъ угрюмость, ослабляла ихъ строгость, уменьшала ихъ расчетливость и..... самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всесильное ея дѣйствіе. Но въ немъ оставалось еще довольно Нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка-Москва любитъ маленькій безпорядокъ; она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? Худо ли это? Богъ знаетъ! Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки,

а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли, что онъ былъ Русскій? Не отъ того ли, что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? Не отъ того ли, что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ, пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся, неосторожно на него падая?

Обычай не позволялъ въ старину Русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговыя дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія, какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто, однакоже, право безъ платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, коими пользовались одни только знаменитые роды. Заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли только умножать достояніе бояръ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго Дворца не стали разумѣть средоточія Парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли, чтобъ ихъ уважали? Поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, г-жа Мятлева съ семействомъ; другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Димитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры; желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы переѣхали въ него около половины Ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обеспеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, притѣснительнымъ средствамъ,

чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То что называется нынѣ врать, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ, чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали; а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношеній. Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстію могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣніе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскіе офицеры, съ честію служившіе, могли безъ стыда принимать полицейскія должности.

Имѣя офицерское званіе, мнѣ казалось, что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленіемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филипы Филиповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственныя, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленіе я не скоро началъ дѣлать, желая все пріобрѣсть и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня: я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ: мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденія слуги, чего до толѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостію ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякій разъ спрашиваться и сказывать, куда иду. Три раза въ продолженіи зимы воспользовался я такими позволеніями, чтобы видѣть Московскій театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ *). Играли на немъ одни только Русскіе актеры. Изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другой мнѣ что-то не понравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлѣ на сценѣ; а жена, лѣтъ

*) Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

двадцати пяти, не болѣе, почитаемая красавицей, казалась гораздо старѣе, ибо имѣла большія, правильныя черты, черныя глаза и волосы, Римскій носъ, и была чрезвычайно дородна. Играя почти всегда роли молодыхъ дѣвочекъ, она была довольно отвратительна; сверхъ того, имѣла привычку часто хохотать самымъ непристойнымъ образомъ. Голосъ ея былъ силенъ, чистъ, но не имѣлъ для меня ни малѣйшей пріятности.

Въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ замѣчательны были Плавильщиковъ и Померанцевъ. Первый—литераторъ и актеръ, занималъ главныя роли и по моему былъ очень дуренъ, хотя ему и рукоплескали. Послѣдній превосходно игралъ стариковъ; онъ имѣлъ благородную осанку, нѣжный и трогательный голосъ и, если можно такъ сказать, всю прелесть маститости, настоящей или искусственной. Главная трагическая актриса была госпожа Сахарова. Пусть представятъ себѣ Дидоной Рязанскую или Симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать стихи: это была Сахарова. Какъ въ дочери госпожи Синявской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену и нѣкогда блистала въ *Хоревѣ*, въ *Синавѣ* и *Труворѣ*, въ ней особенно уважалась кулисная ея знатность.

Болѣе изъ тщеславія чѣмъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, которые, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали передъ ними камедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ заставляли въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ между ними, г. Столыпинъ, нашель, что выгоднѣе отдать свою труппу внаймы на Московскій театръ, который тогда не находился въ казенномъ управленіи. Содержатель его былъ нѣкто Медоксъ—Жидъ *), вѣроятно, крещеный. Умѣренная плата симъ лицедѣямъ, жалкое одѣяніе, въ коемъ являлись они передъ зрителями, соотвѣтствовали ихъ талантамъ. Все это было ниже посредственности. Жидъ, видно, былъ не очень расчетливъ; и какъ было ему не раззориться? Всѣ три раза, что зимой я былъ въ театрѣ, видѣлъ я почти пустой партеръ. Когда я слышу строгія замѣчанія критиковъ на нынѣшній Московскій театръ, мнѣ всегда досадно; я вспомню прежній и нахожу, что одного столѣтія мало, чтобы произвести удивительную между ними разницу.

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великорос-

*) Медоксъ былъ происхожденія англійскаго. П. В.

сійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтельницахъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящія въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожей и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ Декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупю, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждого ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, загложшимъ крапивою, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидать они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинь съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ! Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ рассказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосыгаемою для нихъ высотой знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша пригланутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ ни-

кому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣсть, описи приданого и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два, по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, то зато ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 Ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто офиціальное; неявка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла бы почесться неуваженіемъ къ особѣ царя. А никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ и огромное состояніе, и живутъ соотвѣтственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ; другіе, при Павлѣ, или сами поспѣшили оставить службу, или были отставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и Андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еропкина, избавителя Мос-

квы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генераль-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ.

Девятнадцатое столѣтіе началось для меня довольно счастливо. Въ Генварѣ 1801 года произвели меня въ переводчики коллегіи, то-есть въ 10-й классъ, безъ заслугъ, безъ покровительства, а только для того, чтобъ очистить мѣсто желающимъ поступить въ опредѣленное число юнкеровъ. Изъ новонабранныхъ двое имѣли довольно оригинальности, чтобы найти мѣсто въ сихъ Запискахъ.

Молва уже говорила намъ объ одномъ князѣ Козловскомъ, молодомъ мудрецѣ, который имѣлъ намѣреніе опредѣлиться къ намъ въ товарищи, и мы съ любопытствомъ ожидали обѣщанное намъ чудо. Вмѣсто чуда увидѣли мы просто чудака. Правда, толщина не по лѣтамъ, въ голосѣ и походкѣ натуральная важность, а на лицѣ удивительное сходство съ портретами Бурбоновъ старшей линіи, заставили сначала самого г. Бантыша-Каменскаго принять его съ нѣкоторымъ уваженіемъ; разглядѣвъ же его пристальнѣе, узнали мы въ немъ совсѣмъ не педанта, но добраго малаго, общительнаго, веселаго и даже легкомысленнаго. Способностей въ немъ было много, учености никакой, даже познаній весьма мало; но онъ славно говорилъ по-французски и порядочно писалъ Русскіе стихи. Откормленный, румяный, онъ всегда смѣлся и смѣшилъ, имѣлъ, однакоже, искусство, не давать себя осмѣивать, несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, коимъ прикрывалъ онъ бѣдность или скупость родителей.

Оставаясь въ Россіи, добросовѣстно, усердно посвящая себя занятіямъ по какой-либо части управленія, князь Козловскій могъ бы, наконецъ, быть однимъ изъ полезныхъ людей государства. Но онъ въ первой молодости получилъ мѣсто за границей, находился при разныхъ миссіяхъ и нѣсколько лѣтъ въ Сардиніи раздѣлялъ ссылку Сардинскаго короля, при коемъ былъ посланникомъ. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ въ Штутгартѣ, неосновательность его поступковъ заставила правительство отозвать его; но, сдѣлавшись совершенно чуждъ своему отечеству, онъ не захотѣлъ въ него возвратиться. Несчастный, но не первый примѣръ, встрѣчаемый между нашими земляками, для коихъ навыки заграничной жизни дороже родины, священнѣе всѣхъ обязанностей. На это смотрѣли у насъ доселѣ съ преступнымъ равно-

душіемъ. Пользуясь во Франціи приличнымъ содержаніемъ, которое оставило ему правительство, князь Козловскій казался жертвой, прослылъ чуть ли не гениемъ, коему не умѣютъ отдавать справедливость. У кого хороша память и кто много читаетъ, тому куда какъ легко быть гениемъ въ наше время, когда говорится и пишется такъ много умнаго! Необходимость принудила недавно Козловскаго посѣтить Петербургъ, и ему дивились, какъ всему заграничному. Мнѣ казалось, что я вижу предъ собою густую массу, которая болѣе тридцати лѣтъ каталась по Европѣ, получила почти шарообразный видъ и, какъ гіероглифами, вся испещрена идеями, для насъ уже не новыми, и множествомъ несогласныхъ между собою чужихъ мнѣній, которыя по клейкости ея такъ удобно къ ней приставали. Теперь масса сія въ совершенномъ бездѣйствіи остановилась въ Варшавѣ (все-таки какъ будто не въ Россіи) и сохраняется тамъ благодѣянiями презираемаго ею отечества.

Другой новобранникъ былъ Макаровъ, человекъ смирный, но не спокойный, ибо тогда уже былъ мучимъ желаніемъ прославиться въ литературѣ. Онъ, Данаида нашей словесности, болѣе тридцати пяти лѣтъ льетъ чернила, наполняетъ журналы и ни на шагъ не подвигается ни въ искусствѣ, ни въ знаменитости. Вообще между тогдашними архивными юношами было довольно талантовъ въ зернѣ; отъ чего, не созрѣвъ, они гибли? Богъ вѣсть, обстоятельства ли и недостатки воспитанiя препятствовали ихъ развитію? Обѣщали многіе, а одинъ только сдержалъ слово.

Скоро узнали мы вѣсть непріятную для нашего чиновлюбія: далѣе мы ничего не видѣли. Къ концу Февраля графъ Растопчинъ былъ оставленъ, а на его мѣсто первоприсутствующимъ въ Иностранной Коллегіи и начальствующимъ надъ почтовою частію былъ назначенъ графъ Паленъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ и должность Петербургскаго военнаго губернатора. Внезапныя немилости Павла давно уже перестали удивлять; но удаленіе вѣрнѣйшаго, изъ преданныхъ ему, человека, который въ продолженіе всего царствованiя его ни на минуту не переставалъ пользоваться его довѣренностію, опытнымъ людямъ казалось худымъ предзнаменованіемъ для самаго царя; эта переменна, по мнѣнію ихъ, должна была повлечь за собою другія важнѣйшія перемены. И они не ошиблись, какъ это теперь всѣмъ извѣстно.

XVII.

Опять вступает Россія въ новую блистательную эпоху, въ новый міръ, сначала столь очаровательный. Съ обыкновеннымъ любопытствомъ и необычайнымъ страхомъ ожидала Москва видѣть императора въ половинѣ Мая, на большихъ маневрахъ, которые къ тому времени приготавливались въ ея окрестностяхъ....

Необыкновенно раннее открытіе весны предшествовало раннему Свѣтлому Воскресенію: еще до половины Марта снѣгъ началъ исчезать, и наступила ясная, совершенно теплая погода. Въ Пятницу на Вербной недѣлѣ, 15 Марта, былъ я въ архивѣ; становилось поздно, многіе уже разошлись по домамъ; изъ начальниковъ оставался одинъ только г. Бантышъ-Каменскій, разбирая какія-то рукописи. Вдругъ вбѣгаетъ меньшей Тургеневъ въ радостномъ изумленіи, краснѣя, только не отъ застѣнчивости, и прерывающимся голосомъ объявляетъ намъ, что Павла нѣтъ уже на свѣтѣ и что царствуетъ Александръ. «Что ты говоришь!» воскликнулъ Каменскій и съ ужасомъ перекрестился. Тотъ продолжаетъ рассказывать нижеслѣдующее.

Проѣзжая черезъ Кремль, онъ увидѣлъ толпу народа вокругъ Успенскаго собора; желая узнать причину такого стеченія, онъ втиснулся во храмъ и нашелъ въ немъ графа Салтыкова съ другими главными должностными лицами, которыя присягаютъ новому императору. Болѣе всего онъ замѣтилъ двухъ генераловъ въ Анненскихъ лентахъ, неумытыхъ, невыбритыхъ, забрызганныхъ грязью. Ему сказали, что одинъ изъ нихъ князь Сергій Долгоруковъ, который привезъ манифестъ о кончинѣ Павла и о воцареніи Александра, а другой бывшій оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ, присланный смѣнить Эртеля и вступить въ прежнюю должность. Къ тому прибавили, что видѣли ихъ вмѣстѣ на одной перекладной телѣгѣ скачущими отъ Тверской заставы до дому главнокомандующаго, и что всѣхъ встрѣчающихся они какъ будто взорами поздравляли и привѣтствовали.

Никакого не осталось сомнѣнія. Но какъ это случилось? Онъ даже не былъ боленъ! Все это надѣялся узнать я дома и поспѣшилъ уйти. Отъ Покровки до Тверскихъ воротъ путь не близокъ; я долженъ былъ сдѣлать его пѣшкомъ, ибо денегъ на извозчика у меня не было, и вѣроятно въ тревогѣ забыли прислать за мною лошадь. Я болѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ; однакоже внимательно смотрѣлъ на всѣхъ попадавшихся мнѣ въ простыхъ армякахъ, равно какъ и на людей порядочно-одѣтыхъ. Замѣтно было, что важная вѣсть разнесена по всѣмъ частямъ города и уже не тайна для самаго простаго народа. Это одно

изъ тѣхъ воспоминаній, которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ. Возвратившись домой, я никакъ не могъ добиться толку: знакомые безпрестанно пріѣзжали и уѣзжали, всѣ говорили въ одно время, всѣ обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ. Сей день, столь вождѣленный для всѣхъ, казался вѣстовщикамъ и вѣстовщицамъ особенно благополучнымъ: вездѣ принимали ихъ съ отверстыми объятіями.

Кто бы могъ повѣрить? На восторги, коими наполнена была древняя столица, смотрѣлъ я съ чувствомъ неизъяснимой грусти. Я не зналъ еще...., что вся Россія, торжествующая сіе событіе, принимаетъ за него на себя отвѣтственность; но тайный голосъ какъ будто нашептывалъ мнѣ, что будущее мнѣ и моимъ мало сулитъ радости и что въ немъ бѣдствія и успѣхи, слава и униженіе равно ожидаютъ мое отечество. Я вспомнилъ, что изъ наградъ и милостей, кои бросалъ покойный безъ счету и безъ мѣры на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему, по заслугамъ или безъ заслугъ, упали на меня два чина, а благодарность — ярмо, отъ котораго я никогда не умѣлъ и не хотѣлъ освободиться, и я, признаюсь, вздохнулъ о Павлѣ. Сообщить моихъ мыслей, разумѣется, было никакъ невозможно: во мнѣ бы увидѣли сумасшедшаго или общаго врага.

На другой день, 16 числа, къ вечеру, наканунѣ Вербнаго Воскресенія, въ Охотномъ ряду, вокругъ Кремля и Китая, гдѣ продавали вербы, не доставало только качелей, чтобы увидѣть гулянье, которое бываетъ на Святой недѣлѣ: народъ веселился, а отъ каретъ, колясокъ и дрожекъ цѣлой Москвы заперлись сосѣднія улицы....

...Время, все истребляющее, все болѣе и болѣе покрываетъ забвеніемъ странности сего несчастнаго царствованія; послѣдніе памятники его — укрѣпленія Михайловскаго замка и шутовской нарядъ Брызгалова *) — недавно исчезли. Стариковъ, которые были свидѣтелями происшествій и могли основательно судить объ нихъ, остается мало. Для насъ, тогда несовершеннолѣтнихъ, воспоминаніе о семъ времени тоже что о краткомъ, удушливомъ снѣ, о кошмарѣ, который мы забыли, коль скоро пересталъ онъ давить насъ. Новыя же поколѣнія, внимая разсказамъ, видятъ болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону сей эпохи, чрезъ которую прошло ихъ отечество....

*) Бывшій кастелянъ Михайловскаго замка, чудакъ, болѣе тридцати лѣтъ не снимавшій костюмъ или придворную ливрею, которую носилъ при Павлѣ: малиновый мундиръ, шире и длиннѣе всякаго сертука, съ золотыми позументами, бахромою и кистями.

Итакъ, вдали отъ причинъ ненависти и любви, можно, кажется, безпристрастно судить теперь о человѣкѣ, который... былъ нашъ Людовикъ XIV-й. Слово сего послѣдняго, которое нынѣ всѣхъ возмущаетъ—*l'état c'est moi*—принялъ онъ въ точномъ смыслѣ....

Подобно Людовику XI-му имѣлъ онъ своего любимца-брадобрѣя, своего *Olivier le Daim*; но если далеко стоитъ онъ отъ него въ жестокостяхъ, то еще гораздо далѣе въ искусствѣ правительственномъ. Какая цѣль была у Павла Перваго? Какія препятствія встрѣчалъ онъ? Внутри государства, гдѣ были могущественные враги, коихъ надлежало ему сокрушить для собственной безопасности? Благоустроенное, спокойное, сильное, великое государство получилъ онъ въ наслѣдство отъ той, коей обязанъ былъ жизнью; не терновый, а самый блестящій вѣнецъ оставила ему Екатерина. Что еслибы онъ жилъ во времена Людовика XI-го и былъ въ подобныхъ ему обстоятельствахъ!....

Въ наружной политикѣ тоже что и во внутреннемъ управленіи: никакой предусмотрительности, никакихъ видовъ, никакой осторожности; одни только царскія его личности. Онъ золь на революцію и посылаетъ Суворова въ Италію, разсердился на Австрію и приказываетъ арміи воротиться, прогнѣвался на Англію и преждевременно грозить ей, а она, какъ увѣряютъ, безъ угрозъ его губить. Дѣйствуя безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго плана, по однимъ внезапнымъ побужденіямъ.... знаменитому изгнаннику по праву рожденія, королю Французскому, которому далъ онъ убѣжище въ Митавѣ, безъ всякой политической причины велитъ безжалостно въ одни сутки оставить свои владѣнія; посѣтившаго его гостя, короля Шведскаго Густава IV-го, по одному капризу, высылаетъ изъ Петербурга. Онъ жилъ славою и силою Екатерины. Она ихъ стяжала; а онъ, какъ расточительный наслѣдникъ, скоро умѣлъ бы ихъ утратить....

...Состраданіе, признательность, а пуще всего всегдашняя склонность не покоряться безусловно общему мнѣнію заставляли меня нѣкоторое время быть его защитникомъ. Въ четыре года съ половиною дѣтскаго возраста привыкъ я къ тревоженіямъ его царствованія; всякій могъ почитать себя наканунѣ гибели или быстрого повышенія, а эта живость, это лихорадочное состояніе юношеству не совсѣмъ бываетъ противно. Но теперь, какъ начну припоминать безчисленные, несносныя обиды, какъ общія, такъ и частныя, нанесенныя Россіи и Русскимъ, то трудно бываетъ мнѣ воздержаться отъ глубокаго негодованія.

Сіи поминки Павлу Первому суть послѣднія, которыя я себѣ позволю. Гораздо пріятнѣе мнѣ будетъ говорить о восторгахъ, коими привѣтствовали зарю, весну новаго царствованія.

Послѣ четырехъ лѣтъ, воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Увидимъ послѣ, какъ сдержалъ онъ сіе обѣщаніе.

Но нѣтъ: даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ обѣята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ея управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступъ смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.

Приписать сіе должно отчасти хорошему выбору людей, коими всемогущій тогда графъ Паленъ окружилъ молодаго императора. Всѣ они были употребляемы и уважаемы его бабкою. Беклешовъ, Мордвиновъ, Трощинскій, благонамѣренные, умные и опытные люди заняли тогда важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Только три человека принесены въ жертву общему негодованію: Оболяниновъ, Кутайсовъ и Эртель. Они уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій; первые два никогда въ нее болѣе не вступали, послѣдній не одинъ разъ потомъ правительству пригождался.

Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дня черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу Апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ.

Въ военномъ нарядѣ сдѣланы перемѣны гораздо примѣчательнѣйшія: широкіе и длинные мундиры перешиты въ узкіе и черезъ мѣру короткіе, едва покрывающіе грудь; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Перешли изъ одной крайности въ другую, и всѣ восхищались новою обмундировкой, которая теперь показала бы весьма странною. Со временъ Петра Великаго зеленый цвѣтъ былъ національнымъ въ Русской арміи, но до Павла употреблялся одинъ только свѣтлый; преемникъ сохранилъ введенный имъ темно-зеленый цвѣтъ.

Траура въ Москвѣ подъ разными предлогами почти никто не носилъ. Да и лучше сказать, въ траурномъ платьѣ я помню одну только вдову генераль-лейтенантшу Акулину Борисовну Кемпентъ, одну изъ нашихъ Кіевскихъ знакомокъ, которая въ первомъ замужествѣ

была за Московскимъ купцомъ Дудышкинымъ и оттого чрезвычайно гордилась потомъ своимъ чиномъ. Не смотря на необъятную толщину свою, она все лѣто прѣла подъ черною байкой, для того чтобъ имѣть удовольствіе показывать шлейфъ чрезмѣрной длины.

Въ Апрѣлѣ все пришло въ движеніе. Не смотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, на время самое неблагоприятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками: изгнанники спѣшили возвращаться изъ мѣстъ заточенія, отставные или выключенные потянулись толпами, чтобы проситься въ службу, весьма многіе поскакали за тѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, всѣ желавшіе вступить въ службу были безъ затрудненія въ нее принимаемы. Сотнямъ нажалованныхъ и потомъ выброшенныхъ генераловъ невозможно было дать мѣстъ по чину: имъ велѣно числиться по арміи съ жалованьемъ, въ ожиданіи назначенія; во всѣхъ полкахъ удвоился и утроился комплектъ штабъ-и оберъ-офицеровъ. Сначала средній братъ мой поступилъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ мѣсяца два спустя и старшій опредѣленъ въ провіантскій штатъ. Онъ было пытался проситься въ армію, хотя состояніе здоровья его не позволяло тогда думать ему о фронтѣ; но ему отказали, ибо число просящихся подъ конецъ такъ увеличилось, что не было возможности удовлетворять ихъ желаній. По молодости лѣтъ ему хотѣлось однакоже носить военный мундиръ, который тогда былъ присвоенъ провіантскому вѣдомству; итакъ, несмотря на худую славу его, рѣшился онъ въ него вступить.

Къ числу нашихъ семейныхъ происшествій въ семъ году принадлежитъ и маленькое приращеніе его: сестра моя Алексѣева въ Апрѣлѣ родила втораго и послѣдняго сына своего Николая.

Первые три мѣсяца послѣ кончины Павла графъ Паленъ.... хотѣлъ быть главою государства; старый, преступный временщикъ былъ однакоже обманутъ притворною скромностію молодаго царя и въ одинъ мигъ съ высоты могущества низринуть въ ссылку. Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, боготворимаго и угрожаемаго въ одно время и коего положеніе было не безъ затрудненій, могъ бы удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитались самыми обыкновенными. Но Москва и Россія утопали тогда въ веселіи; сіе важное происшествіе едва было замѣчено людьми еще хмѣльными отъ радости. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ сдѣлался тогда нашимъ единственнымъ начальникомъ въ Иностранной Коллегіи.

Мы почти не видали, какъ прошло лѣто. Нѣкоторую онаго часть провелъ я за городомъ, въ Марѣинѣ, деревнѣ графа Салтыкова. Отецъ

и дѣдъ его, Петръ Семеновичъ и Семень Андреевичъ, такъ же какъ и онъ долго начальствовавшіе въ старой столицѣ, всегда живали дѣломъ въ семь наслѣдственномъ помѣстьѣ, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Москвы по Дмитровской дорогѣ*). Необширный, двухъэтажный каменный домъ, кудрявой архитектуры возрожденія, стоялъ тамъ тогда на высотѣ надъ широкимъ прудомъ съ островами. Два флигеля, одинаковой вышины и въ одну линію съ нимъ построенные, соединялись съ нимъ галереями и терасами, что, растягивая фасадъ его, давало ему видъ довольно огромный. Съ одной стороны былъ длинный, регулярный садъ съ безконечными, прямыми, липовыми аллеями, а съ другой примыкала къ нему прекрасная, густая, молодая роща, идущая внизъ по скату горы, до самаго пруда или озера. Приемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамильныхъ портретовъ; бѣльшая же часть верхняго, подъ именемъ оружейной, обращена была въ хранилище не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

*) Въ Россіи со временъ Петра Великаго такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Къ новизнамъ, къ нововведеніямъ, къ коимъ такъ жестоко приневоливалъ онъ насъ, мы до того привыкли, что гнушаемся всякою стариною. Боярскія вотчины дѣлятся, подраздѣляются, чрезъ женщинъ переходятъ въ другіе роды, очень часто проматываются и продаются въ постороннія руки съ семейными воспоминаніями, съ древними храмами и съ гробницами предковъ. Городскіе дома сбываются сыновьями вскорѣ послѣ кончины родителей, или перестраиваются заново, чтобы не оставить и слѣдовъ прежняго варварскаго вкуса, который иногда бываетъ лучше новѣйшаго; одежда отца и дѣда, дорогія вещи имъ принадлежавшія, все что могло бы напомнить о ихъ существованіи, отдается за безцѣнокъ, какъ старье, какъ ветошь; даже изъ фамильныхъ документовъ тѣ, кои не даютъ правъ на какое-нибудь владѣніе, но кои могли бы быть драгоценными памятниками для потомковъ, теряются и гибнутъ отъ небрежности людей равнодушныхъ, какъ къ семейной чести, такъ и къ отечественной славѣ. У насъ нѣтъ прошедшаго. Петръ Великій отсѣкъ его у насъ, и какъ будто нѣтъ и будущаго; лишь бы стало по нашъ вѣкъ, а тамъ хоть не цвѣти Россія. Чудное дѣло! Не Татары, а Западъ, гдѣ исторія, генеалогія и майораты, сдѣлалъ насъ почти кочевымъ народомъ. Не предчувствіе ли это недолговѣчія Россіи? Неужели она, убѣжище и упованіе всѣхъ друзей порядка и тишины, не что иное какъ огромный метеоръ, который столь же быстро погрузится въ глубокій мракъ, сколь свѣтло и величаво онъ вышелъ изъ него? О, помилуй, Господи! Не принадлежитъ уже Марѣино роду Салтыковыхъ: графъ Владимиръ Орловъ купилъ его и отдалъ дочери своей, графинѣ Паниной, которая настроила тамъ виллы и коттеджи; теперь оно пошло переходить изъ роды въ роды. (Послѣднее не оправдалось. П. Б.).

Пріятности сего лѣтняго мѣстопробыванія умножались еще любезностію двухъ хозяекъ, самой графини Салтыковой и старшей дочери ея, Прасковьи Ивановны Мятлевой. Не знаю, откуда могли онѣ взять совершенство неподражаемаго своего тона, всю важность Русскихъ боярынъ вмѣстѣ съ непринужденною учтивостію, съ точностію приличій, которыми отличались дюшесы прежнихъ временъ. Еслибъ онѣ были гораздо старѣе, то можно бы было подумать, что часть молодости своей провели онѣ въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича, съ сестрами и дочерьми его, а другую при дворѣ Лудовика XIV. Ни развратно-грубая Россія отъ Петра до Екатерины, ни гнусно-развратная Франція отъ регентства до революціи, не могли показать имъ образцовъ достойныхъ ихъ подражанія. Изъ преданія обѣихъ земель составили онѣ себѣ благороднѣйшій характеръ аристократіи, смѣшавъ гостепріимство Русской старины съ образованностію временъ просвѣщеннѣйшихъ.

Великую страсть имѣла г-жа Мятлева являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется, во Французскихъ піесахъ. Бѣлосельскіе и Чернышovy, молодые путешественники, возвратившіеся съ клеймомъ Версали и Фернея, Кобенцели и Сегюры, чужестранные посланники, отличавшіеся любезностію, ввели представленія сіи въ употребленіе при дворѣ Екатерины. Избраннѣйшее общество участвовало въ сихъ просвѣщенныхъ забавахъ, и Эрмитажъ былъ однимъ изъ каналовъ, чрезъ кои начало вливаться къ намъ могущество Франціи. Сюрпризы именинникамъ были тогда также новостію и принадлежностію одного высшаго общества. Большія затѣи приготавлились тогда въ Марѣинѣ къ 23 и 24-му Іюня, днямъ рожденія и именинъ фельдмаршала.

Вѣроятно лицо мое выражало страсть къ театру, ибо намѣреніе завербовать меня въ число актеровъ заставило пригласить меня въ Марѣино. Но какъ не только мнѣ самому никогда не случалось играть, я всего не болѣе семи или восьми разъ бывалъ въ театрѣ: то легко можно себѣ представить, какъ при первой попыткѣ исчезли надежды на удачное мое соучастіе въ предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Мнѣ, однакоже, не показали ни малѣйшаго неудовольствія; это было-бы уже слишкомъ жестоко: напротивъ, первую робость, застѣнчивость мальчика, взброшеннаго въ едва знакомый ему кругъ, дня черезъ два привѣтствіями, вниманіемъ умѣли превратить въ смѣлое, свободное обхожденіе; и какъ мнѣ все нравилось, то, кажется, я и самъ полюбился. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь потомъ я такъ живо, такъ искренно, такъ безвинно всѣмъ наслаждался, какъ тогда въ деревнѣ гр. Салтыкова. Начиналась только весна моей жизни, и это было въ первые мѣсяцы владычества Александра, когда въ воображеніи поддан-

ныхъ онъ былъ еще прекраснѣе чѣмъ въ существѣ, когда всѣ стремились ему уподобиться, когда исчезли ужасы, погасли зависть и вражда и, возлюбивъ другъ друга, въ единомысліи всѣ Русскіе мечтали только о добрѣ.... Въ первый разъ былъ я совершенно свободенъ, въ самое благопріятное время года, въ прекрасномъ помѣстьи, гдѣ жили непринужденно, и однѣ веселости смѣнялись другими. Можетъ быть (кто не безъ грѣха, даже и дѣти), любезность ко мнѣ семейства, которое уважалось въ Петербургѣ и коему поклонялась вся Москва, льстила моему самолюбію; можетъ быть, очарованіе маленькаго двора, къ коему начиналъ я принадлежать, сильно на меня подѣйствовало; но все вмѣстѣ исполнило меня чувствомъ такого благосостоянія, что оно выражалось у меня въ словахъ, во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ. И потому-то, какъ было всѣмъ не улыбаться моею юности и моему счастью!

Графиня Салтыкова съ каждымъ днемъ становилась ко мнѣ милостивѣе. Поощряемый возрастающимъ ея снисхожденіемъ, я рѣшился разъ сказать ей со всею откровенностію, что въ Марѣинѣ я вижу убѣжище, которое равно спасаетъ меня какъ отъ весьма нетягостной власти сестры моей, такъ и отъ тяжкаго ига г. Бантыша-Каменскаго, и она обѣщалась у обоихъ испросить мнѣ дозволеніе еще на нѣкоторое время не разставаться съ моимъ эдемомъ *).

Общество наше было многочисленное. Всякій день пріѣзжали гости изъ Москвы; постоянными же жителями Марѣина были всѣ тѣ, кои должны были участвовать въ сюрпризахъ и представленіяхъ: музыканты, пѣвуны, дамы и дѣвицы, взявшія роли. Между сими послѣдними встрѣтилъ я прежнихъ своихъ знакомокъ, трехъ молоденькихъ княженъ Хованскихъ, дочерей бывшаго Кіевскаго вице-губернатора, который при Павлѣ былъ оберъ-прокуроромъ Синода, а потомъ отставленъ и сосланъ въ Симбирскъ, откуда только что воротился. Сильно забилось во мнѣ сердце при сей встрѣчѣ, и онѣ, кажется, не безъ удовольствія увидѣли товарища своего дѣтства; но взаимныя отношенія наши совсѣмъ уже перемѣнились. Въ меньшихъ я нашелъ еще простодушіе и невинность перваго возраста, но въ старшей, Наталіи, ничего уже не оставалось дѣтскаго. Въ шестнадцать лѣтъ, смѣлые ея взоры уже искали высокихъ жертвъ и, къ счастью, почти на мнѣ не

*) Въ это время князь Козловскій, толстый мой товарищъ по службѣ, прислалъ куплеты въ честь графа Салтыкова; на нихъ тотчасъ сдѣлали какую-ту музыку, а автора, какъ слѣдовало, пригласили на праздникъ. Каждый куплетъ оканчивался словами: „довольны мы своей судьбой, Марѣино намъ рай земной“. Онъ это написалъ, а я это чувствовалъ.

останавливались. Плѣнительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ, и она готовилась восхищать имъ въ оперѣ Паэзіелло *La Servante Maîtresse*.

Сверхъ того, еще двѣ оперы: одна старинная Французская, *Два охотника*, и Русская *Мельникъ*, да двѣ прескучныя комедіи МаривѸ были представлены въ три дня, что продолжались МарѢинскія увеселенія. Исключая г-жи Мятлевой, которая игрой напоминала мадамъ Вальвиль, и княжны Хованской, которая пѣла и играла какъ записная артистка, всѣ прочіе мнѣ показались довольно плохи; особенно же мужчины, съ своимъ Нижегородско-французскимъ выговоромъ, совсѣмъ не за свое дѣло взялись. Всего примѣчательнѣе была пѣса, интермедія, прологъ или маленькій Русскій водевиль подъ названіемъ: *Только для МарѢина*, сочиненіе Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ пѣсу. Такъ какъ всѣ роли были коротенькія, то одну изъ нихъ, роль бурмистра, мнѣ поручили. Я надѣлъ Русскій кафтанъ, привязалъ себѣ бороду и старался говорить грубымъ голосомъ. Какъ нарочно пришлось спѣть мнѣ слѣдующій куплетъ:

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воля портить лишь жену.
ДѸма имъ не посидится,
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится,
Приберемте ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое,
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое, и проч.

Другія представленія даны были въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду; но мы играли днемъ, на открытомъ воздухѣ. Въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной, поляна, состоящая изъ двухъ противоположно-идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружій: тутъ первый разъ въ жизни, чуть ли не въ послѣдній, являлся я передъ публикой.

Самъ Карамзинъ пріѣхалъ наканунѣ представленія, училъ насъ и даже игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова. Я обо-

млѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда вселяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвести только добродѣтели и высокій талантъ. Встрѣтившись съ симъ необычайнымъ человѣкомъ, я бросаю на время Марѣинскія забавы, чтобы предаться наслажденію говорить объ немъ.

Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ, уже зависть и клевета въ страшное царствованіе Павла возставали, чтобъ его погубить. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведущею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ. До него не было у насъ инаго слога, кромѣ высокопарнаго или площаднаго; онъ изобрѣлъ новый, благородный и простой, и написалъ имъ путешествіе свое за границу и плѣнительныя повѣсти, кои своею новостію такъ пріятно изумили Россію. Можно сказать, что онъ же создалъ и разговорный у насъ языкъ и былъ основателемъ новой школы, долго поддерживавшей лучшія правила въ литературѣ. Казалось, чего бы болѣе для обыкновеннаго авторскаго самолюбія? Но онъ не зналъ его, а твореніями своими, какъ врожденнымъ добромъ, дѣлился съ читателями. Скоро почувствовалъ онъ еще другое, высшее призваніе; скоро лавры должны были заступить мѣсто розъ, блиставшихъ на молодомъ челѣ его. Не тщетно получилъ онъ отъ природы трудолюбіе и жажду къ познаніямъ, не даромъ даны ему были пламенное сердце, высокій умъ и чистыя уста; ими предназначено ему было вѣщать современникамъ и потомству о древней, почти забытой славѣ предковъ. Онъ долженъ былъ дать новую безконечную жизнь Васильку и Мономаху, Ляпунову и Скопину Шуйскому и грозно судить грознаго царя. Промыслу угодно было, какъ въ чистѣйшемъ сосудѣ, воспалить въ немъ жаръ просвѣщенной любви къ отечеству, угасавшій между высшими сословіями отъ безразсудной страсти къ иноземному,—не грубый, самохвальный патріотизмъ провинціаловъ и невѣждъ. Слѣдуя за духомъ вѣка, напрасно завистливые соперники хотятъ затмить его славу, стараются своими помоями залить священный огонь, имъ распространенный; отъ времени до времени онъ болѣе умножается и усиливается.

Такіе люди посылаются на землю, чтобы производить въ умахъ великіе и счастливые перевороты, и онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ истинно-чувствительныхъ. Въ тогдашнее еще чинопочитательное время, было даже нѣсколько странно видѣть стариковъ-вельможъ, почти какъ съ равнымъ, въ обхожденіи съ тридцатилѣтнимъ отставнымъ поручикомъ. Мнѣ

не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челѣ и добродушіе во взорахъ его; конечно, изображенія его сохраняются у всѣхъ просвѣщенныхъ Россіянъ.

Изъ тьмы Марѣинскихъ посѣтителей выбираю я для описанія однихъ только литераторовъ. Тутъ былъ еще одинъ поэтъ, весьма извѣстный въ свое время, болѣе по странностямъ своимъ, чѣмъ по числу и изяществу произведеній. Пушкинъ (не племянникъ, а дядя) Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ Московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя, образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. Онъ казался сначала не тѣмъ чѣмъ былъ дѣйствительно, а тѣмъ чѣмъ ему хотѣлось быть; за важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе; въ восемнадцать лѣтъ на званыхъ вечерахъ читалъ онъ длинныя тирады изъ трагедій Расина и Вольтера, авторовъ мало извѣстныхъ въ Россіи, и такимъ образомъ знакомилъ ее съ ними; двадцати лѣтъ на домашнихъ театрахъ игралъ уже онъ Оросмана въ *Заиръ* и писалъ Французскіе куплеты. Какъ мало тогда надобно было для пріобрѣтенія знаменитости! Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножалось еще женитьбой на красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ.

Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна.

Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба позволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, не обиднаго сожалѣнія: не только на преступленія и пороки, даже на странности и слабости людей смотрѣлъ онъ съ грустію и, казалось, радъ бы былъ все человѣчество поднять до себя. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посоветовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ и въ

правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ. Онъ писалъ и басни, и коротенькія посланія, и всякаго рода мелочи, и изъ всего этого, подъ конецъ его жизни, составилъ небольшой томъ, не богатый идеями, но изобильный пріятными звуками и плавными стихами. Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекавшее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ свойствъ, добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить. Онъ былъ у насъ то, что во Франціи Poinsinet de Sivry, также авторъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жарился передъ каминомъ, чтобы пріучить себя къ обѣщанной ему должности королевскаго экранъ.

Въ это время завязывались у насъ первыя сношенія съ Французскою республикой. Еще до кончины Павла отправлены были въ Парижъ сначала графъ Спренгпортенъ, для размѣна плѣнныхъ, а потомъ Колычевъ, для переговоровъ. Въ Маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ, дипломатическимъ агентомъ и картинкой моднаго журнала. Василій Львовичъ мало заботился о политикѣ, но послѣ стиховъ мода была важнѣйшимъ для него дѣломъ. Отъ ея поклоненія близъ четырехъ лѣтъ были мы удерживаемы полицейскими мѣрами; прихотливое божество вновь показалось въ Петербургѣ, и онъ устремился туда, дабы, принявъ ея новые законы, первому привезти ихъ въ Москву. Онъ оставался тамъ столько времени, сколько нужно ему было, чтобы съ ногъ до головы перерядиться. Едва успѣлъ онъ воротиться, какъ явился въ Марѣинѣ и всѣхъ изумилъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фраккомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ. Мы скоро съ нимъ познакомились. Въ глазахъ моихъ былъ онъ человѣкъ пожилой, хотя и модникъ; вдругъ сближается онъ съ мальчишкой, беретъ его за руку, потомъ подъ руку, гуляетъ съ нимъ, рассказываетъ ему разнаго рода неблагопристойности про любовныя свои успѣхи, однимъ словомъ, братается со мной. Мнѣ это чрезвычайно полюбилось: тогда почитали чинъ чина и годъ года; вдругъ я повысился десятью годами, увидѣлъ въ немъ товарища, почти ровесника, а потомъ началъ смотрѣть на него какъ на шалунишку, и еслибы знакомство наше на нѣкоторое время тогда не прервалось, то скоро сталъ бы унимать его и журить.

Шумная осень должна была смѣнить веселое, урожайное, благословенное лѣто, въ продолженіи коего, казалось, и въ сердцахъ была одна радость. Съ первыхъ чиселъ Августа начали черезъ день, одинъ послѣ другаго, вступать батальоны гвардейскихъ полковъ, коихъ противъ нынѣшняго не было тогда и третьей доли. Всѣ царедворцы и

всѣ помѣщики Московской губерніи, жители Петербурга и дворяне изъ отдаленныхъ провинцій, въ Августѣ же стали съѣзжаться на коронацію. Никогда еще такого стеченія не было; трудно было пріѣзжему сыскать себѣ уголокъ въ обширной Москвѣ, и съ 1-го Сентября она совершенно закипѣла многолюдствомъ и веселіемъ. Общая радость умножалась еще тысячью частныхъ, маленькихъ благополучій: друзья, укрывшіеся въ тишинѣ деревни, не чаявшіе когда-либо увидѣться, встрѣчались тутъ послѣ долгой разлуки; просто знакомые обнимались съ восторгомъ, рассказывая о горестяхъ, перенесенныхъ ими или въ крѣпости или въ Сибири; а сколько семейныхъ свиданій! О своихъ чувствахъ я говорить не буду: мои родители пріѣхали также изъ Кіева съ старшею сестрой и у насъ остановились. Едва ли не въ первый разъ отецъ такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, а мать дня два почти не спускала съ меня глазъ.

Толпы народа бросились 5 Сентября за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругой. Удовлетворенное любопытство простаго народа, шумныя его восклицанія часто бываютъ похожи на восторгъ; лишь бы ему не мѣшали, онъ ура прокричать готовъ и тирану. Тутъ, говорятъ, было иначе: при видѣ вѣнценосной, юной, красивой четы, всѣ онѣмѣли отъ радости и удивленія; одни лишь взоры высказывали благоговѣйную любовь. Я помню, что къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское, для сохраненія порядка. Они собирались какъ на пиръ: не было и тѣни того страха, той суетливости, съ которою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую улицу, увидѣвъ я группы людей, разговаривающихъ между собою съ живостію; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться, одному, верхомъ по Московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, его, такъ сказать, стиснули, но не заслоняя ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крику, ни шуму; но сквозь легкій шепотъ слышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное наше солнышко», и все что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтитель-

номъ молчаніи; на одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы. Какое доказательство, что въ нравахъ сей части свѣта совершенная разница съ двумя другими!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Тверской заставы до Кремля и оттуда до дворца въ Нѣмецкой Слободѣ устроены были передъ всѣми домами подмостки, въ три и болѣе ярусовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ императора, который назначенъ былъ 8 Сентября. Съ подмостковъ передъ нашею квартирой глядѣлъ я на сіе шествіе. Ни одного облачка не было на небѣ; этотъ день былъ почти жаркій, также какъ и предшествовавшіе ему и послѣдующіе. На позлащенные кареты, на великолѣпные цуги, на шитьемъ и галунами покрытые мундиры и ливреи, на весь блескъ сей обыкновенной, хотя къ счастію рѣдко возобновляемой, церемоніи, смотрѣли почти разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры въ него вперились, когда онъ появился, и далеко за нимъ слѣдовали. О какъ онъ былъ чудесенъ! Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ; чтó же былъ онъ въ двадцать три? Онъ почти все время ѣхалъ съ обнаженной (еще не отъ волосъ) головою: ибо у каждой церкви, коихъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями и иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того чтó мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковскій въ извѣстномъ своемъ къ нему посланіи:

Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!

Черезъ два дня потомъ было послѣ обѣда гулянье въ Слободскомъ дворцовомъ саду. Вечеръ былъ лѣтній, теплый; тѣснота и давка чрезвычайныя, такъ что инымъ по неволѣ приходилось коснуться самого императора, и многіе, какъ говорили, насладились симъ осязаніемъ.

Только наканунѣ дня коронаціи, 14 числа, погода къ вечеру нѣсколько измѣнилась. Мнѣ этотъ день чрезвычайно памятенъ. Подлѣ Ивановской колокольни, противъ дворца и соборовъ, сдѣланы были мѣста, куда по билетамъ пускались по большей части однѣ только дамы; по чрезвычайной молодости моей, по тѣснотѣ и темнотѣ можно было принять меня за женщину, и я получилъ дамскій билетъ. Въ три или четыре часа по полуночи отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами; отецъ же мой по чину своему имѣлъ мѣсто въ соборѣ. Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и не смотря на то, цар-

ствовали въ немъ глубокой мракъ и совершенная тишина. Мало по малу начали увеличиваться глухой гулъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся; но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, что происходило внѣ храма. Когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ то же мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ въ тысячи колоколовъ раздались въ воздухѣ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно.

Солнце скрылось опять вмѣстѣ съ государемъ, когда онъ вошелъ во внутренность дворца, облака сгустились, и къ вечеру сталъ накрапывать дождикъ; но при пасмурномъ небѣ, на утомленныхъ лицахъ, въ усталыхъ взорахъ, не переставало блистать веселіе. Влага, наполнявшая воздухъ, отражала чудесно великолѣпную иллюминацію, которая ночью зажглась изъ края въ край Москвы, и восторгъ при видѣ сего безконечнаго зарева могъ только равняться ужасу, съ которымъ, одиннадцать лѣтъ спустя, бѣгущіе жители смотрѣли на ея пожаръ.

Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день. Всѣ были напуганы столько же жестокостію, какъ и расточительностію его родителя*). И дѣйствительно, искусство награждать есть великое искусство. Все, что бросается, сыплется безъ осмотрительности, безъ разсчета, теряетъ цѣну, унижается въ глазахъ получающихъ, а еще болѣе въ глазахъ получившихъ; итакъ, нѣкоторымъ образомъ, то что дается однимъ отнимается у другихъ. Средства къ удовлетворенію честолюбія уменьшаются по мѣрѣ какъ возрастаетъ его алчность. Раждается зависть, желаніе такихъ наградъ, коихъ полученіе перестаетъ уже быть лестнымъ. Въ день коронаціи розданы были двѣ Андреевскія ленты и пять или шесть Александровскихъ, менѣе чѣмъ нынѣ иногда въ обыкновенный праздникъ. Зять мой ожидалъ креста, а получилъ перстень

*) За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти, императоръ Павелъ, замѣтивъ, что число пожалованныхъ имъ служащихъ генераловъ превосходитъ всякую мѣру, вздумалъ въ одинъ день отставить безъ просьбы шесть неимущихъ гарнизонныхъ генералъ-лейтенантовъ и тридцать таковыхъ же генералъ-маіоровъ, всѣхъ съ чиномъ и мундиромъ, но безъ пенсій, не оставивъ ни одному изъ нихъ рубля на пропитаніе. Со временъ Петра Великаго до званія полнаго генерала достигали одни только военныя знаменитости и, по достиженіи сего высокаго сана, получали обширныя средства къ поддержанію его; одному Павлу дано было творить, безъ всякихъ заслугъ, никому неизвѣстныхъ, нищихъ генералъ-аншефовъ. Всего царствованія Александра едва достаточно было, чтобы привести въ нѣкоторое равновѣсіе состоянія, чины, мѣста и ордена. Послѣ него, кажется, опять это нѣсколько поразстроилось.

съ вензелемъ и остался предвоенъ. Страсть къ формамъ и униформамъ, кажется, въ это царствованіе еще болѣе увеличилась. Одинъ смѣлый и весьма чиновный человѣкъ, отставленный при Павлѣ безъ мундира, получилъ при Александрѣ, какъ милость, дозволеніе носить его, но принялъ оное не иначе, какъ съ условіемъ въ обыкновенные дни пользоваться правомъ надѣвать такъ-называемое партикулярное платье, чего дотолѣ никакъ допускаемо не было. Изъявленное на то согласіе необходимо было распространить и на другихъ военныхъ, съ мундиромъ отставленныхъ, и доставило имъ возможность покойно одѣваться.

Смѣльчакъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, у котораго годъ я прожилъ въ деревнѣ. Онъ вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій. Съ семействомъ своимъ и женою, прибывшею изъ Казацкаго, встрѣтился онъ въ Москвѣ передъ коронаціей. Всѣ старшіе сыновья его были приняты опять въ службу, и домъ его (у Арбатскихъ воротъ) сдѣлался въ это время однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ для меня.

Сколько старыхъ знакомыхъ встрѣтили мои родители! Изъ знатныхъ или случайныхъ людей три человѣка особенно благоволили къ отцу моему. Одинъ изъ нихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, изъ почтенія къ памяти своего отца; другой, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, по давнишнему знакомству и сосѣдству въ Пензенской губерніи; оба они были отличаемы и любимы вдовствующею императрицей. О пріязни генераль-прокурора Беклешова я не одинъ разъ имѣлъ уже случай упоминать.

Новые любимцы, по большей части молодые, смотрѣли на нихъ какъ на людей прошедшаго времени, съ обвѣтшалами идеями, и готовились скоро затмить ихъ и устранить отъ дѣлъ; но первый годъ сохраняли они еще нѣкоторую силу и вѣсъ.

Желая по возможности возстановить созданное Екатериной, Беклешовъ предложилъ открыть вновь нѣсколько губерній, упраздненныхъ при Павлѣ, и между прочимъ Пензенскую. Нужны были губернаторы; охотниковъ явилось много. Графъ Румянцовъ сказалъ о томъ отцу моему, спросивъ, не пожелаетъ ли онъ еще нѣсколько лѣтъ жизни посвятить царской службѣ? Онъ отклонилъ было сіе предложеніе; но, услышавъ, что Пенза дѣлается опять губернскимъ городомъ (любезная сердцу его Пенза, гдѣ провелъ онъ молодость, гдѣ два раза былъ счастливымъ супругомъ, гдѣ прахъ дѣтей и первой жены его, гдѣ все его имущество) къ несчастію, не могъ устоять противъ желанія въ ней начальствовать. Беклешовъ не хотѣлъ сначала тому вѣрить, по-

лагая, что должность гражданскаго губернатора (хотя и почиталась тогда важнѣе чѣмъ нынѣ) не могла отцу моему казаться лестною, когда всѣ сверстники его давно уже занимали мѣста генераль-губернаторовъ, убѣдившись, однакоже, въ противномъ, съ своей стороны способствовалъ его назначенію. Сіе случилось передъ самымъ отбытіемъ двора изъ Москвы, около половины Октября. Отцу моему не оставили даже военнаго чина, а переименовали въ тайные совѣтники.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія императорской фамиліи, цѣль празднествъ и увеселеній въ Москвѣ почти не прерывалась. Бояре, то-есть богатые, чиновные и знатные люди, живущіе въ Петербургѣ, придерживались еще тогда обыкновенія имѣть и въ старой столицѣ огромные городскіе и славные загородные дома; имъ удобно было и въ ней угощать царя. Но никто не превзошелъ въ великолѣпіи богатѣйшаго изъ нихъ, графа Шереметева. Отъ заставы, называемой у Креста, до селенія его Останкина на три версты путь ярко былъ освѣщенъ. Роскошное убранство дома, въ прежнемъ видѣ и доселѣ сохранившееся, теперь никого не удивляетъ, а тогда казалось волшебствомъ. Мои родители получали приглашенія отовсюду; но мнѣ случилось быть только на одномъ изъ такихъ праздниковъ, у начальника моего, вице-канцлера князя Куракина.

Сему вельможѣ былъ я передъ тѣмъ представленъ, и особенно-ласковый пріемъ его останется мнѣ навсегда памятнымъ. Это одно изъ тѣхъ лицъ, мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройти невозможно: его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными читателямъ. Князь Александръ Борисовичъ, правнукъ того князя Бориса Ивановича, свояка Петра Великаго, который при немъ былъ первымъ посланникомъ въ Парижѣ, выполнилъ въ ихъ семействѣ наслѣдственную съ тѣхъ поръ обязанность образовать свою молодость въ сей такъ-называемой столицѣ просвѣщенія; но до того, какъ внукъ сестры графа Никиты Ивановича Панина, главнаго наставника Павла Перваго, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался. Чистосердечная, безкорыстная, безпредѣльная его преданность къ наслѣднику престола была весьма непріятна не столько императрицѣ Екатеринѣ, сколько окружающимъ ее. Онъ долго былъ какъ бы въ опалѣ и, въ званіи отставнаго камергера, жилъ въ богатомъ помѣстьѣ своемъ Надеждинѣ, въ Саратовской и на самой границѣ Пензенской губерніи. Тутъ онъ познакомился съ отцомъ моимъ, посѣщалъ его и по нѣскольку дней иногда жила у насъ въ деревнѣ.

Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ сотворилъ онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (не знаю, Дармштадтскаго или Веймарскаго, но вѣрно уже не Кобургскаго) также нѣчто похожее на

дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекаръ и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и рощѣ, тамъ-сямъ встрѣчались не весьма изящныя памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ.... Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Трианона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ее именемъ длинную, ведущую къ нему аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такія державныя затѣи, отнимали у нихъ смѣшную ихъ сторону. Что сдѣлалось теперь съ памятниками и храмами? Что сдѣлалось теперь съ самимъ Надеждинымъ? О горе!.... *)

Съ молодости князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь, которую онъ такъ любилъ и среди коей всегда жилъ, и сладострастіе, къ которому имѣлъ всегдашнюю склонность, размягчили тѣлесную и душевную его энергію, и эпикуреизмъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ. Когда онъ началъ служебное свое поприще и долго въ продолженіи онаго, честолюбіе въ Россіи умѣрялось удовольствіями наружнаго тщеславія; никто болѣе князя Куракина не увлекался ими, никто болѣе его не любилъ наряжаться. Легкомысленно и раболѣпно онъ не хотѣлъ, однакоже, подчиняться модѣ: онъ хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ и всегда въ бархатѣ или парчѣ, всегда съ алмазными пряжками и пуговицами, перстами и табатерками. Лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось; но въ новое царствованіе, съ новыми идеями, кои постараюсь объяснить я далѣе, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ Первый пожаловалъ его вице-канцлеромъ, осыпалъ богатствами, обвѣшалъ орденами. Года черезъ два онъ отставилъ его отъ службы, сослалъ въ Надеждино; потомъ позволилъ ему жить въ Москвѣ, и незадолго до смерти своей вновь сдѣлалъ его вице-канцлеромъ. Осторожная, довольно плавная, хотя съ нѣкоторыми разстановками, рѣчь его заставляла въ немъ видѣть дипломата; а между тѣмъ, надобно сказать правду, безчисленные фразы, затвер-

*) Оно досталось родному его племяннику, князю Борису Алексѣвичу Куракину.

женныя имъ нѣкогда во Франціи, гдѣ на нихъ такое изобиліе, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость. За то, какою искусною представительностію, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностію въ дружбѣ, замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!

Мнѣ предстояла завидная участь служить при немъ, и онъ самъ вызвался опредѣлить меня въ свою канцелярію; обстоятельства того не позволили. Съ первыхъ чиселъ Октября напала на меня странная и ужасная болѣзнь: я всегда былъ на ногахъ, могъ даже выѣзжать, но вдругъ началъ худѣть, сонъ и аппетитъ меня совершенно покинули, неизъяснимая тоска мною овладѣла; въ одно время чувствовалъ я ознобъ и жаръ, я весь горѣлъ, а спина и ноги были какъ ледъ; память, которой иногда я самъ дивился, внезапно притупѣла; я сохнулъ, я таялъ, и врачи объявили, что въ одну минуту могу угаснуть. Все это было слѣдствіе невоздержности еще не юношеской, а ребячей. О Французы, о шевалье де-Ролень, какъ мнѣ не проклинать васъ!

Не было возможности и подумать въ такомъ состояніи отправить меня въ Петербургъ. Сестра моя, Алексѣева, скрыла отъ родителей причину и опасность моей болѣзни и уговорила ихъ, выпросивъ мнѣ отпускъ, взять меня съ собою. Они обратились прямо къ князю Куракину, который, щедрый на все, приказалъ Бантышу-Каменскому отпустить меня на шесть мѣсяцевъ. Когда къ сему послѣднему, полумертвый, пріѣхалъ я за паспортомъ, то, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что дѣло безъ него сдѣлалось, а можетъ-быть и по врожденной и привычной вмѣстѣ грубости, сказалъ онъ мнѣ: «Что, зачѣмъ ѣдешь? Что будешь дѣлать? Голубей гонять!» Я ничего не умѣлъ ему отвѣчать. Жестокій! Съ этой минуты, право, кажется, я сталъ его ненавидѣть.

Отцу моему должно было спѣшить, чтобы все приготовить къ открытію новой губерніи; для него былъ бы я только настоящее бремя. Итакъ мнѣ оставались нѣжныя попеченія моей безцѣнной матери, которая собиралась обратно въ Кіевъ. Тамъ были у родителей моихъ обширный, новопостроенный домъ и хорошенькій хуторъ за городомъ; тамъ была большая дворня, экипажи, лошади, многочисленные пожитки, все, что копилось и заводилось въ теченіи тринадцати лѣтъ; тамъ были и долги. Одно надобно было заплатить, другое продать и движимость поднять съ мѣста: много заботъ и горя ей предстояло. Въ сумерки 27 Октября, посадили или, лучше сказать, положили меня въ четверомѣстную карету и, при холодномъ дождѣ, пополамъ съ снѣгомъ, выѣхали мы печально изъ Москвы.

XVIII.

Насъ было въ каретѣ четверо: мы съ матерью и старшею сестрой Елисаветой, да дѣвица Турчанинова, которую, въ замѣнъ услуги, оказанной ея матерью, отвозили мы въ Кіевъ къ родителямъ. Это была та самая ученая и засаленная Анна Александровна, о которой уже имѣлъ я случай говорить, магнетизерка, цѣломудренная естествоиспытательница. За нами слѣдовали двѣ или три кибитки, загроможденные горничными и тюфяками: тогда еще въ Россіи странствовали по-авраамовски, съ рабынями, рабами и навьюченными верблюдами.

Я сидѣлъ рядомъ съ матерью, а сестра и Турчанинова насупротивъ тѣснились въ углу, чтобы дать мѣсто ногамъ моимъ. Какъ мучительно для всѣхъ насъ было начало этой дороги! Особенно же положеніе бѣдной сестры моей было ужасное. При отъѣздѣ вручили ей медики для меня лѣкарство, объявивъ ей одной, что если до назначеннаго имъ времени оно не подѣйствуетъ, то смерть моя неизбежна. Нѣтъ, этой заботливости, которая, по разстройству нервъ моихъ, меня иногда даже сердила, я въ вѣкъ не забуду. Лицо ея отражало безпрестанно выраженіе моего: когда что-то похожее на улыбку показывалось на немъ, она какъ будто на минуту отдыхала отъ страданій. Болѣе двухъ сутокъ продолжалось для нея сіе жестокое волненіе; мы пріѣхали въ Тулу, когда, по мнѣнію ея, наступила рѣшительная минута, и мать моя не могла понять причины неотступныхъ ея моленій, чтобы тамъ остановиться. Переломъ совершился, молодость свое взяла, и сестра ожила вмѣстѣ со мною.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на Югъ, тѣмъ воздухъ становился чище и теплѣе. Запасъ жизненныхъ силъ въ тогдашнія мои лѣта бываетъ столь изобилень, что возвращеніе ихъ, безъ преувеличенія, можно уподобить быстротѣ потока. Еще нѣсколько дней, и уже я въ состояніи былъ ощутить радость, вступая въ Малороссію и предчувствуя Кіевъ.

Когда мы къ нему подѣхали, горы его зеленѣлись новою травой, и золотые его куполы горѣли отъ лучей еще яркаго, но уже не знойнаго солнца. Отъ одного взгляда на святой городъ какъ бы чудесно довершилось мое исцѣленіе. Это было въ самый Михайловъ день. Прежде всего остановились мы у Печерской лавры, чтобы отслужить благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе путешествія, начатаго въ столь мрачномъ расположеніи.

Почти два года не былъ я въ Кіевѣ: въ это время сколько переимѣнъ со мною и съ нимъ! Старики и старушки, которыя потихоньку доживали въ немъ вѣкъ, питаюсь скуднымъ казеннымъ содержаніемъ,

лишившись его при Павлѣ, скоро переселились на тотъ свѣтъ и оставили нищія семейства. Онъ дождалъ на моря, на вельможъ своихъ, а бѣдныя нивы гибли неорошенныя ни каплей его щедротъ. Помѣщики Малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до одинаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ увеличивалось; но и сами Поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами своими только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его.

Представительницей прежняго, согласнаго, благополучнаго Кіевского общества оставалась одна почтенная, умная, добрая и даже еще красивая старушка, о которой не понимаю какъ я забылъ прежде говорить. Впрочемъ, весьма кстати она мнѣ здѣсь пригодилась. Іульяна Константиновна Веселицкая, по первому мужу Бѣлуха-Кохановская, имѣла рѣшительно пристрастіе къ Кіеву; не только власть Поляковъ, нашествіе Татаръ не могло бы заставить ее изъ него выѣхать, тѣмъ болѣе что она долго жила съ ними: второй мужъ ея былъ послѣднимъ Русскимъ посланникомъ при предпослѣднемъ ханѣ Крымскомъ; но онъ дани ему не платилъ, а по состоянію вдовы его, по драгоцѣннымъ вещамъ, коими она владѣла, замѣтно было, что дани онъ самъ отъ него принималъ.

Отъ обоихъ браковъ госпожа Веселицкая имѣла по нѣсколько сыновей и по нѣсколько дочерей; одни были давно женаты, другія замужемъ. Посреди нѣжно-подобострастнаго, многочисленнаго потомства, коимъ она кротко повелѣвала, казалась она въ домѣ своемъ какою-то царицей. Въ это время выдавала она замужъ одну изъ своихъ внучекъ, и въ день свадьбы нарумянилась, принарядилась, право, хоть бы самой къ вѣнцу. Когда я къ ней явился, по старой привычкѣ, погладила она меня по головѣ, взяла за подбородокъ и поцѣловала въ уста, называя своимъ «гарнымъ хлопцемъ». Вообще постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и Украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною.

Домъ госпожи Веселицкой былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Хлѣбосолюство въ старину имѣло свою худую сторону: неучтиво было не потчивать, неучтиво было не ѣсть, а кушанье было прескверное. У Іульяны Константиновны была другая крайность; подчиваніе шло своимъ порядкомъ, но и безъ него можно было объѣсться: все было свѣжее, хорошее, хотя и не весьма затѣйливое. Въ изящныхъ художествахъ, какъ и въ поваренномъ дѣлѣ, конечно, вкусъ долженъ образоваться; но иногда бываетъ онъ и врожденный, какъ у мо-

ей милой старушки. Ея совѣтамъ и приказаніямъ повара ея были обязаны своимъ искусствомъ; она заимствовала у Москалей блины, ватрушки и кулебяки, усвоила ихъ себѣ, усовершенствовала ихъ приготовленіе и умѣла сочетать ихъ съ Малороссійскими блюдами, варениками и галушками. За ея столомъ сливались обычаи и нравы обѣихъ Россій, Восточной и Западной, Великой и Малой. Въ дѣтствѣ меня рѣдко брали къ ней; теперь никто не осмѣливался препятствовать ей меня кормить, а аппетитъ у меня былъ преужасный.

Нельзя себѣ представить, какъ эта женщина была любима и уважаема своими знакомыми. Родственники ея зятей и невѣстокъ и ея собственные, Иваненки, Гудимы, Масюковы и другіе, да и просто знакомые, безпрестанно пріѣзжали изъ-за Днѣпра, единственно за тѣмъ, чтобы съ нею видѣться; одни останавливались у нея, другіе нанимали квартирки; они никуда не выѣзжали: въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались къ себѣ. Ни одного Поляка нельзя было у нея встрѣтить, за то Русскіе бывали всякій кто хотѣлъ.

А хотѣли того многіе; ибо не было тогда ни одного Русскаго дома, куда бы ежедневно за-просто можно было ѣздить. Гражданскій губернаторъ, г. Коробѣинъ, старый артилеристъ, хорошій дворянинъ, добрый и честный человѣкъ и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ земляковъ на обѣдъ или на вечеръ, но большую часть времени проводилъ въ уединеніи. Вице-губернаторъ Четвериковъ и другіе Русскіе чиновники жили всѣ про себя; а въ Кіевѣ, казенномъ городѣ, какъ я сказалъ и прежде, общество только и поддерживается что служащими людьми.

Поляки же, какъ видѣли выше, даже семейные, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губернскій маршалъ, тайный совѣтникъ Козловскій, имѣлъ, что называлось, открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно сдѣлался онъ преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію *). Онъ, безъ различія, принималъ Поляковъ и Русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими, обходился вѣжливо и ласково.

Всего охотнѣе собирались Поляки не у соотечественника своего, а у Англичанина, который тогда былъ военнымъ или генераль-губернаторомъ Кіевскимъ. Вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи, господинъ Феньшъ или Феньша (Fenshaw) долженъ былъ навсегда оставить свое отечество; онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную служ-

*) Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ.

бу. Ни въ особѣ, ни въ заслугахъ его не было ничего блистательнаго; онъ всегда служилъ въ арміи, полегоньку подвигался въ чинахъ и кое-какъ перебивался, чтобы содержать жену и семейство. Когда его произвели въ полковники, то дали ему Елецкій пѣхотный полкъ и Московскій, вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ. При Павлѣ, оставаясь не болѣе какъ шефомъ этого полка, онъ успѣлъ въ короткое время получить по старшинству чинъ генерала отъ инфантеріи, и когда предмѣстникъ его, Повало-Швейковскій, восьмой въ четырехлѣтнее царствованіе Павла Кіевскій военный губернаторъ, чѣмъ-то передъ императоромъ провинился, то сей послѣдній, заглянувъ въ списокъ, назначилъ на его мѣсто неизвѣстнаго ему Феньша. Онъ за что-то ожидалъ также себѣ отставки, когда пришло извѣстіе о кончинѣ царя.

Про него говорили, что въ военномъ дѣлѣ онъ смыслить очень мало, въ гражданскомъ же ровно ничего, а попалъ въ начальники двухъ или трехъ губерній! Такіе примѣры теперь уже не рѣдки, и никого болѣе не удивляютъ. Самая наружность его не могла вселить къ нему уваженіе: коротенькій, толстенькій человѣчекъ, не имѣющій ни одной оригинальной черты Англичанъ, съ самыми безцвѣтными характеромъ и фізіономіей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однакоже, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому что хорошо умѣетъ говорить по англійски и знаетъ чтó такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софья Карловна, была, по крайней мѣрѣ, похожа на что-нибудь: она напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи, и по-французски Англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно.

Чета сія забила въ уголокъ просторнаго деревяннаго дворца, построеннаго Елисаветой Петровной, во вкусѣ всѣхъ публичныхъ зданій ея времени. Чтобы отыскать ихъ, надобно было проходить рядъ нетопленныхъ комнатъ, изъ коихъ двѣ были обиты атласомъ въ позолоченныхъ, отчасти облупившихся рамахъ: роскошь, которую, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, можно было тогда найти въ одномъ только царскомъ жилищѣ. Сіи двѣ комнаты изрѣдка отоплялись и освѣщались, и въ нихъ давали они не балы, а балики, на которые приглашаемо было самое отборное общество, то-есть Поляки, иностранцы, да изъ Русскихъ тѣ только, которые знали не одинъ свой отечественный языкъ. Такъ какъ Французскимъ языкомъ промышлялъ я тогда уже очень порядочно и готовъ былъ плясать до упаду, то на сихъ балахъ не только былъ я не лишнимъ, но даже желаемымъ гостемъ. Всѣхъ моложе и лучше бывала тутъ недавно вышедшая замужъ Мошковская, урож-

денная Ворцель; всѣхъ старѣе и страшнѣе овдовѣвшая, все еще полная жизни, Шардонша.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу члены разнороднаго тогдашняго Кіевскаго общества. Упрямые, милые мои Хохлы показывали твердость, непреклонность, которыя во многихъ случаяхъ намъ бы не худо было перенимать: они жили особнякомъ, удалялись отъ Поляковъ, но съ Русскими обходились какъ съ братьями; домъ г-жи Веселицкой, какъ сказалъ я, былъ ихъ сборнымъ мѣстомъ. Наши же любезные Русаки, столь забывчивые, слишкомъ общительные, готовы были водиться со всѣми; нѣкоторые, однакоже, и самые почтенные, недовольные военнымъ губернаторомъ и явно его презирающіе, собирались иногда у гражданскаго, который съ нимъ не совсѣмъ былъ въ ладахъ. Поляки, чуя уже близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надменны. Главный пріютъ ихъ былъ у Феньша.

Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда передъ Новымъ Годомъ начались контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стекались ихъ земляки, и сильные числомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламываясь ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей сиротъ-красавицъ, но сосѣдями и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактномъ домѣ, то-есть въ биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды и думали, что настало опять время ихъ грубой вольницы. Молодые армейскіе офицеры, которые съ воцареніемъ Александра также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ; отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими выпроваживали Поляковъ. Къ счастью, до поединковъ никогда не доходило. Феньшъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ караулъ. Но ихъ было множество, и разгнѣванные Поляки, объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактные балы, если тѣхъ не прогонять, сдержали свое слово; не могли однакоже удержать женъ и дочерей своихъ, которыя ни за что бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москаликами. Итакъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими. Къ стыду моему, долженъ признаться, что внутренно былъ я за Поляковъ, во первыхъ, какъ за побѣжденныхъ, а во вторыхъ, какъ за людей, по мнѣнію моему, болѣе образованныхъ.

Жизнь моя вообще текла весьма пріятно, со всѣми былъ я хорошъ и на тайныя и явныя несогласія смотрѣлъ довольно равнодушно; только пользовался свободой менѣе чѣмъ въ Москвѣ: я даже не имѣлъ права безъ слуги ходить пѣшкомъ по улицѣ. Въ этомъ не было никакой стѣснительной мѣры; но, по старому баловству, матушка все опасалась, чтобъ я не ушибся, или не былъ кѣмъ обиженъ. Изъ молодыхъ людей моего возраста, всего чаще бывалъ я съ прежнимъ моимъ товарищемъ Нилусомъ и съ старшимъ сыномъ Феньша, его адъютантомъ, малымъ весьма добрымъ и веселымъ *).

Для матери моей житье было хлопотливое; она никуда почти не выѣзжала, стараясь сколь можно скорѣе окончить свои домашнія дѣла, и едва къ концу Января успѣла съ ними управиться. Извѣстія изъ Пензы были самыя радостныя: отецъ мой прибылъ въ нее благополучно и былъ встрѣченъ съ восторгомъ; не говоря уже о долголѣтнихъ любви и уваженіи, коими онъ тамъ пользовался, онъ явился туда какъ милостивая грамота, возвращающая прежнее достоинство разжалованному городу. Дворяне, желая угодить правительству, на первомъ сѣздѣ сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена въ послѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи. Послѣ тьмы, въ которую четыре года старались погрузить Россію, всѣ съ рвеніемъ начали искать въ ней свѣта наукъ. Во время выборовъ помѣщики безпрестанно пировали, объѣдались и опивались, опаивали и окармливали другъ друга.

Наконецъ, пришла и намъ пора туда отправиться. Хотя я всегда чрезвычайно любилъ Кіевъ, хотя маленькая, сердечная, но совсѣмъ безвинная связь, о которой, впрочемъ, не стоило бы и говорить, умножала тогда въ глазахъ моихъ его прелесть, я не безъ удовольствія помышлялъ о сей дорогѣ. Мнѣ казалось, что въ Кіевѣ я какъ принцъ путешествующій инкогнито, а туда ѣду какъ бы на царство. Къ тому же я возбуждаемъ былъ и любопытствомъ увидѣть сторону, которую никогда не видалъ и о которой такъ много слышалъ. Я всегда жилъ на оконечностяхъ Россіи, бывалъ и въ сердцѣ ея, Москвѣ, но во внутреннія, нечистыя, такъ сказать пищеварительныя ея части, Симбирскъ, Пензу, Саратовъ и Тамбовъ, никогда не заглядывалъ.

Итакъ 31 Января, выѣхавъ изъ Кіева не безъ грусти, я однакоже свою страстишку, свой любовный хмѣль проспалъ на первомъ ночлегѣ.

*) Я говорю съ старшимъ въ Россіи, ибо самый старшій всегда оставался въ Англіи. Его мать имѣла неосторожность хвалиться имъ, какъ славнымъ проповѣдникомъ. Мысль, что сынъ ихъ попъ, ее и мужа совершенно уронила въ мнѣніи Русскихъ.

Зима была непостоянная: два раза въ Малороссіи выпадалъ снѣгъ и замерзали рѣки, и два раза онъ пропадалъ и онѣ вскрывались. По тонкому льду перешли мы черезъ Днѣпръ пѣшкомъ и съ опасностію и трудомъ переправили повозки. На другой сторонѣ ожидало насъ новое горе: замерзшая, голая земля, по которой въ четверомѣстномъ возкѣ не знаю какъ дотащились мы до первой станціи на лошадяхъ. Желая выиграть время, мать моя разочла, что для сокращенія пути лучше всего ѣхать почти проселочными дорогами, на мѣстечко Басань, на Прилуки, Ромѣнь и Сумы. Лошадей вездѣ было мало, но и полсотни ихъ съ трудомъ могли бы насъ везти на полозьяхъ безъ крохи снѣгу. Къ счастью, Украина, какъ и Молдавія, отчизна воловъ; на нихъ, шагъ за шагомъ, должны мы были проѣхать 250 верстъ. Покрывая все небо, густыя снѣжныя облака висѣли надъ нами и какъ будто насъ дразнили: это было несносно. За предѣлами Малороссіи перешли мы въ другую крайность: мы тонули въ снѣгахъ. Но что разказывать о бѣдствіяхъ, столь обыкновенныхъ во время зимнихъ странствованій по Россіи? Мы проѣхали Курскъ и пріѣхали въ Воронежъ.

Тамъ находился на квартирахъ Малороссійскій кирасирскій полкъ, въ коемъ служилъ средній братъ мой Николай, и у него мы остановились. Наканунѣ, сбившись съ дороги въ сильную мятель, мы плутали половину ночи и измученные пріѣхали часу въ десятомъ утра. Матушка съ сестрами, старшею и маленькою, цѣлый день посвятили отдохновенію; а меня тотчасъ братъ повезъ смотрѣть городъ и представлять главнымъ онаго лицамъ. Все это было какъ на лету, и я ихъ всѣхъ перезабылъ, кромѣ двухъ: шефа братнина полка, генерала князя Ромодановскаго, и главнаго Воронежскаго откупщика, который садился съ гостями за жирный и званый обѣдъ и насъ убѣдительно пригласилъ остаться. Про него нѣсколько словъ.

Это былъ дворянинъ въ купечествѣ, отставной гвардіи полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ П... - С..., праправнукъ древнихъ бояръ, изъ столбовыхъ первый у насъ, который, сбросивъ предрассудки старины, прозрѣлъ будущность Россіи. Мужъ дальновидный, по ходу дѣлъ и по направленію умовъ, онъ предусмотрѣлъ, что скоро не чины, не заслуги, не добродѣтели будутъ въ Россіи доставлять уваженіе и вести къ знатности, а богатство, единое богатство; онъ не погнушался предводительствовать цѣловальниками и собирать дань съ порока и одинъ попятился, дабы съ потомствомъ и семействомъ (когого еще не имѣлъ *) далеко скакнуть потомъ впередъ.

*) Онъ вскорѣ потомъ женился на красавицѣ княжнѣ Щербатовой. Сынъ его женатъ на княжнѣ Гагариной, родной племянницѣ адмирала князя Меншикова. Дочь его за

Послѣ убійственно-сытнаго обѣда, на часокъ завернули мы домой, чтобы навѣстить матушку, а въ пять часовъ были уже въ театрѣ. Изъ всѣхъ Русскихъ городовъ въ одномъ только Воронежѣ была тогда вольная труппа, составившаяся изъ охотниковъ и отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ актеровъ. Она не совсѣмъ плохо играла *Ненависть къ людямъ и Раскаяніе*, Коцебу. Въ восемь часовъ былъ я на балѣ у богатаго фабриканта Горденина (который почти наканунѣ выдалъ дочь за дипломата Муратова, въ послѣдствіи Харьковскаго губернатора) и проплясалъ до втораго часа ночи, имѣя въ виду со свѣтомъ отправиться далѣе въ путь. Подвиги неимовѣрные даже въ тридцать лѣтъ, и весьма естественные въ пятнадцать или шестнадцать, когда скука болѣе всего утомляетъ, и забавы служатъ отдохновеніемъ.

Братъ поѣхалъ провожать насъ, получивъ отъ князя Ромодановскаго отпускъ на двѣ недѣли. Опять пустились мы по ухабамъ, какъ по замершимъ волнамъ и, минуя Тамбовъ, безъ дальнихъ приключеній проѣхали степныя мѣста, на Югъ отъ него лежащія. Вотъ, наконецъ, вѣвжаемъ мы въ Пензенскую губернію; это было за полночь. Ужаснѣйшая вьюга, какую могу только запомнить, какъ бы предвѣстіе всѣхъ непріятностей, ожидающихъ моихъ родителей, насъ тутъ встрѣтила. Мы потеряли дорогу, ѣхали цѣликомъ, люди и лошади выбились изъ силъ, и мы готовы были остановиться и, лишь бы не замерзнуть, кое-какъ укутавшись, ожидать дневнаго свѣта, какъ вдругъ завидѣли вблизи небольшую деревню. Скорѣе туда, и въ избѣ, довольно опрятной, согрѣлись и отдохнули. На другой день все было тихо и ясно; крестьяне, узнавъ, что у нихъ ночевала губернаторша, привалили толпой, чтобы помочь намъ, посмотрѣть на насъ и выпроводить на большую дорогу, которая недалеко оттуда пролегала; староста или волостной голова также явился съ хлѣбомъ и солью. Я полюбопытствовалъ спросить названіе сей деревни; мнѣ отвѣчали Чембарь. Проѣзжая по улицѣ, я видѣлъ однѣ только соломенные кровли и ветхую, большую, деревянную церковь; мнѣ никакъ не могло придти тогда въ голову, что скоро тутъ будетъ уѣздный городъ, что учредителемъ его будетъ мой отецъ, что въ немъ построится нѣсколько каменныхъ зданій, и что лѣтъ черезъ тридцать Русскій царь проживетъ въ немъ двѣ недѣли, ожидая исцѣленія.

Еще оставалось намъ сдѣлать 120 верстъ. Не смотря на наше губернаторство, на военный мундиръ и крики моего брата, не смотря

высокоумнымъ К. Прибавляетъ ли сіе что-нибудь къ знатности этого семейства? Нѣтъ, ничего; но прибавитъ, если сей послѣдній разбогатѣетъ, какъ онъ надѣется, и если въ Россіи не переменится общее мнѣніе.

на покорность и всеусердіе смотрителей и ямщиковъ, должны мы были имѣть еще одинъ ночлегъ и пробыть болѣе сутокъ въ дорогѣ.

Остановившись въ 13-ти верстахъ отъ Пензы, въ деревнѣ нашей Симбухинѣ, мѣстѣ рожденія моего, отправили мы брата съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ. За нѣсколько дней до того, прибыли изъ Москвы сестра Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и провіантскій братъ нашъ Павелъ изъ Казани, куда онъ былъ посланъ по какой-то комиссіи. Вмѣстѣ съ ними покойный отецъ не замедлилъ прискакать къ намъ. Сдѣлался общій сѣздъ. Давно уже члены согласнаго нашего семейства не бывали всѣ вмѣстѣ; тутъ, исключая зятя, соединились всѣ, можно сказать, живые и мертвые, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ лежали усопшіе мои братья и сестры. Въ семействѣ нашемъ любили мы другъ друга по старинѣ, долго не знали *твое* и *мое*, все было общее; можно посудить о нашей радости, сколько разсказовъ, сколько отвѣтовъ, прерываемыхъ новыми вопросами, сколько ласкъ и даже сколько поцѣлуевъ! Сладостные часы мелькнули какъ минута, и когда совсѣмъ почти смерклось, пустились мы въ Пензу.

При имени сего города что-то чудное во мнѣ происходитъ: я чувствую умиленіе и негодованіе вмѣстѣ. Тамъ принялъ я жизнь, тамъ отецъ мой долго вкушалъ верховное въ мірѣ блаженство, тамъ лежитъ онъ съ обѣими своими супругами, тамъ единственная моя собственность. Но тамъ же горестями и страданіями, сократившими дни его, заплатилъ онъ за прошедшія радости; тамъ каждый изъ насъ испыталъ множество непріятностей, оскорбительныхъ для самолюбія.

Совсѣмъ было темно, когда мы въѣхали въ этотъ городъ. Красивые виды его были скрыты отъ глазъ; я не могъ даже замѣтить, что онъ стоитъ на горѣ; чернѣя, мелькнули передо мною избы, домики и дома его. Мнѣ стало грустно, самъ не знаю отъ чего. Ни почетный пріемъ, сдѣланный матери моей у самага подѣзда, гдѣ дожидались ея нѣсколько чиновниковъ и городничій *), ни обширный, теплый и ярко на этотъ случай освѣщенный домъ, куда вошли мы, ни радости протекшаго дня, ничто меня не веселило. Сіе было 19 Февраля, въ Среду на масланицѣ; четыре дня увеселеній предстояли мнѣ, и это меня болѣе пугало: я бы хотѣлъ провести ихъ съ семействомъ въ Симбухинѣ. Никого не зналъ я изъ жителей, и заранѣе всѣ они мнѣ не нравились.

Посѣщеніямъ мужскимъ и дамскимъ и разнаго рода приглашеніямъ на другое утро не было конца, такъ что матери моей не оставалось времени ни порядочно отдохнуть, ни сдѣлать визиты, и она по

*) Полицеймейстеры были тогда въ однѣхъ только столицахъ.

неволя должна была казаться неучтивою. Въ двадцать, въ тридцать домовъ, одинъ неизвѣстнѣе мнѣ другаго, повезли меня. Всякій день, въ 10 часовъ утра, бывали гдѣ-нибудь завтракъ и блины, а потомъ катанье за городъ, волчья травля, садка или бѣгъ; послѣ того званый обѣдъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало при фонаряхъ катанье съ горъ; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ балъ и ужинъ. Такъ продолжалось четыре дня до самаго чистаго Понедѣльника, и это отчаянное веселіе, этотъ шумъ нѣсколько заглушили непонятную во мнѣ тоску. Я бы болѣе наслаждался, еслибы сквозь учтивости и ласки, мнѣ оказанныя, проглянуло сколько-нибудь добродушія: его я ни въ комъ не замѣтилъ. Ни живаго, сердечнаго веселія прежнихъ Кіевскихъ баловъ, ни пристойности столичныхъ собраній не нашелъ я тутъ; казалось,

Послѣ ужасовъ набѣга
Татаринъ буйный пировалъ.

Какъ праздникъ встрѣтилъ я Великій постъ. Противоположность сырной недѣли и первой поста была въ провинціи, если возможно, еще болѣе рѣзкая, чѣмъ нынѣ. Мы вновь уединились и, какъ бы предвидя, что никогда уже, всѣ безъ изъятія, не будемъ соединены, почти не разставались. Въ день Сборнаго Воскресенія, въ день православія, послѣ обѣдни, сестра и братъ не отлучены были отъ семейства, а разлучились съ нимъ: одна отправилась обратно въ Москву, а другой въ Воронежъ, не съ проклятіями, а съ благословеніемъ родительскимъ.

Прежде нежели я примусь описывать Пензу, ея жителей, духъ ея общества, попрошу у читателя дозволенія на страну, ее окружающую, бросить взглядъ въ историческомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда пролегалъ тутъ главный путь изъ Россіи въ Орду. Сколько князей и бояръ тутъ проѣхало! Баскаки спѣшили чрезъ сіи мѣста, чтобы грабить нашу землю; великіе князья и митрополиты Московскіе раскидывали тутъ свои шатры, и въ нихъ горестно молили Бога о защитѣ. Монгольское племя, болѣе всѣхъ другихъ привязанное къ кочевой жизни, могло основаться только среди необозримости степей и покидало ихъ тогда только, когда стремилося за добычей. Татары, народъ отъ Монголовъ совершенно отличный и имъ подвластный, давшій имъ свое имя и пережившій ихъ владычество, не столько чуждались осѣдлости. По всѣмъ вѣроятіямъ, Татары, какъ передовое войско Монголовъ, заняли опушку Русской земли, пространство между Волгой и Мокшей, но по малочисленности своей могли на немъ жить только разсѣянно. Для нихъ гористыя и плодородныя мѣста, изобильныя водой и лѣсомъ, представляли удобства, о коихъ Монголы не могли помышлять. Названія мѣстъ и рѣкъ, въ Пензенской и со-

сѣднихъ съ нею губерніяхъ, показываютъ, что тутъ сдѣлалась настоящая Татарія: Ардымъ, Кевда, Мелсита, Кучюкъ, Поръ, Анзыбей, Инсара, Селикса, Чембаръ, самая Пенза и множество другихъ, коихъ и не перечесть и въ коихъ не сыщешь и слѣдовъ Славянскаго корня *).

Послѣ завоеванія Казани, Русскіе безъ опасенія и безъ спросу стали захватывать земли, занятыя ихъ врагами. Тогда все что было народное было царское, и все что было царское было народное; въ древнія варварскія времена, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, главы народовъ дѣлились славою и богатствомъ съ тѣми кто раздѣлялъ ихъ опасности, съ вѣрными своими сподвижниками, кои за нихъ и съ ними проливали кровь свою. Въ новѣйшее же время человеколюбіе и просвѣщеніе государей... судятъ о томъ иначе: они усыновляютъ новыхъ подданныхъ, не только равняютъ въ правахъ побѣжденныхъ съ побѣдителями, но даже первымъ передъ послѣдними даютъ неизчетныя преимущества; орудія бросаютъ съ презрѣніемъ и обнимаютъ съ любовію пріобрѣтенія, ими добытыя. Теперь Боже спаси отъ завоеваній! Они суть только тягость, а не сила государства.

Но не о томъ рѣчь. Итакъ Русскіе селились между Татарами. Какъ предки ихъ, подвигаясь на Сѣверо-востокъ, гнали передъ собою Мерю, Весъ и Финскія племена, и строили Муромъ, Ростовъ и Суздаль, такъ и они, расширяясь на Юго-востокъ, тѣснили потомство своихъ властителей и поглощали самое ихъ народонаселеніе. Увѣряютъ, что при Борисѣ Годуновѣ потокъ до того усилился, что начали опасаться, чтобы не изсякнулъ самый источникъ его, и что сіе заставило укрѣпить за помѣщиками живущихъ на землѣ ихъ людей. Кажется, приливъ всего сильнѣе былъ около Пензы, равно какъ и число встрѣченыхъ имъ Татаръ, и оттого сіе мѣсто сдѣлалось средоточіемъ Руссо-татарской помѣси.

Всякій, кто ѣдетъ изъ Москвы, проѣхавъ Арзамасъ, можетъ легко въ томъ убѣдиться: все измѣняется вдругъ, природа и люди; горы становятся все выше и круче, лѣса тѣнистѣе, избы ниже и неопрятнѣе, лица смуглѣе, фізіономіи выразительнѣе и суровѣе. Переселившіеся туда Русскіе дворяне переженились на дочеряхъ безчисленныхъ Татарскихъ мурзъ или князей, Маматказиновыхъ, Мамлѣевыхъ, Колунчаковыхъ, Девлеткильдѣевыхъ, Чегодаевыхъ, Мансыревыхъ, коихъ потомство встрѣчается во всѣхъ городахъ и селахъ и во многихъ мѣстахъ па-

*) Въ другихъ губерніяхъ: Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, а далѣе Чебоксаръ, Уфа, Бугульма и Белебей суть чисто-татарскія названія. Надобно же было за ними поставить Нѣмецкій *буртъ* — Оренбургъ!

шетъ нынѣ землю. Слѣдственно, и высшій классъ въ томъ краю не совсѣмъ уже Русскій.

На берегу рѣчки Пензы, близъ втока ея въ Суру, стояло самое большое изъ новыхъ селеній. По негостепріимному, неуживчивому, бранчивому нраву его жителей, обрусѣвшихъ Татаръ, или отатарившихся Русскихъ, дано ему было названіе Облай-Слобода. Въ 1666 году (апокалипсическое число) царю Алексѣю Михайловичу угодно было возвести его въ званіе города и дать ему другое имя по рѣкѣ, на которой оно было построено. Съ тѣхъ поръ постоянно управляли имъ воеводы, до самаго учрежденія губерній при Екатеринѣ.

Когда-то отцу моему, какъ Орфею, удавалось плѣнять сихъ лютыхъ звѣрей; по его совѣтамъ, какъ по голосу Амфіона, когда-то поднимались камни и, стройно ложась другъ на друга, образовывали стѣны и дома. Но сіе время прошло; съ тѣхъ поръ зростота оставила ихъ черствыя души, а просвѣщеніе не успѣло еще смягчить ихъ. Я гдѣ-то говорилъ уже о Пензѣ и сказалъ, что помѣщики съ своею прислугою составляютъ бѣольшую часть, а купцы и мѣщане едва треть ея населенія. Въ такомъ уѣздномъ городѣ, стоящемъ вдали отъ губернскихъ, внѣ главныхъ путей сообщенія, городничій не могъ быть важнымъ лицомъ, а напротивъ долженъ былъ стараться всѣмъ угождать; обществомъ же управляли одни предразсудки и партіи. Самые ужасы Павловыхъ временъ не заглядывали въ сію глушь. Это была республика въ забытомъ углу, какъ Санъ-Марино въ Италіи. Такъ продолжалось пять лѣтъ, и послѣ того во всякомъ начальникѣ, поступающемъ по законамъ и соблюдающемъ порядокъ, должны были сіи люди видѣть тирана.

Надобно знать, какое мнѣніе сами губернаторы и вообще всѣ жители имѣли прежде о высокомъ ихъ званіи. Губернаторъ былъ лучъ сіянія царскаго, хозяинъ губерніи, защитникъ ея правъ, ходатай у престола. Не обремененные тысячею мелочей, какъ нынѣ, не стѣсняемые безчисленными формами, не обязанные безпрестанно отправлять срочныя вѣдомости, коихъ никто не читаетъ, не окруженные лазутчиками, не устрашаемые отвѣтственностію за всякую бездѣлицу, не видящіе равносильныхъ управленій другихъ вѣдомствъ, отъ нихъ вовсе не зависящихъ, спокойные, уважаемые, могли они безпрепятственно творить добро и въ благѣ ввѣреннаго имъ края видѣть собственное. Но и къ достиженію сего завиднаго положенія, охотно сохраняемаго бѣольшую часть жизни, были также нужны права, зрѣлый умъ и зрѣлыя лѣта, опытность въ дѣлахъ, несомнительная нравственность, сотворенное себѣ честное имя, уваженіе пріобрѣтенное собственными поступками. Послѣ выбора первыхъ сановниковъ государства, самымъ

труднѣйшимъ почитался выборъ губернаторовъ. Не смотря на безпорядки Павлова правленія, пусть вспомнятъ, кого нашелъ императоръ Александръ и кого сначала опредѣлилъ въ сіи должности. Имена Львова, Панкратьева, Руновскаго, Миклашевскаго, Рунича и другихъ понынѣ произносимы съ душевнымъ уваженіемъ и благословляемы въ тѣхъ мѣстахъ, коими они управляли. Если повѣрять мнѣ въ изображеніи отца моего, то кто болѣе его могъ надѣяться украсить собою мѣсто начальника губерніи? А едва прошелъ Мартъ мѣсяцъ, какъ появились уже неудовольствія и несогласія. Я долженъ объяснить здѣсь начало и причину ихъ.

Въ Пензенской губерніи было тогда семейство ***, безобразныхъ гигантовъ, величающихся, высящихся, яко кедры Ливанскіе; и прошелъ вѣкъ мой, и увы! не могъ я сказать: се не бѣ! И кто взыщетъ мѣсто ихъ, тотъ обрѣтетъ еще нечестивое ихъ высокомеріе въ Симбирскѣ и Саратовѣ. Тамъ живутъ еще старшіе члены семейства ***. Глава его, ..., былъ человѣкъ неглупый, съ большимъ состояніемъ: онъ имѣлъ труппу актеровъ и музыкантовъ, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, и давалъ балы, какихъ тогда можно было найти въ ней по двадцати каждый день. Въ чинѣ отставнаго поручика (дѣло дотолѣ неслыханное) былъ онъ разъ выбранъ губернскимъ предводителемъ; если прибавить къ тому чрезвычайно высокій его ростъ, то сколько причинъ, чтобы почитать себя выше обыкновенныхъ смертныхъ! Въ немъ и въ пяти гайдукахъ, имъ порожденныхъ, была странная склонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Огромнѣйшій изъ его дѣтищъ, А., служилъ при Павлѣ въ генераль-прокурорской канцеляріи; тамъ сошелся, сблизился онъ съ человѣкомъ самаго необыкновеннаго ума, о коемъ преждевременно говорить здѣсь не хочу. Отъ него заимствовалъ онъ фразы, мысли, правила, кои къ представляющимся случаямъ прилагалъ потомъ вкривъ и вкось. Извѣстно, какъ быстро при Павлѣ вездѣ шло производство: въ двадцать два года былъ онъ уже надворный совѣтникъ и назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пензу. Природа, дѣлая лишнія усилія, часто истощаетъ себя, и чрезъ мѣру вытягивая великановъ, отнимаетъ у нихъ тѣлесныя силы. Такъ то было съ этимъ ***. Глядя на его ростъ, на его плеча, внимая его грубому и охриплому голосу, можно было принять его за богатыря; но согнутый хребетъ обличалъ его хилость, и въ двадцать лѣтъ не съ большимъ одолѣвающимъ его хирагра и подагра заставляли его часто носить плисовые сапоги и перчатки. Безсиліе его ума также подавляемо было тяжестью идей, кои почерпнулъ онъ въ разговорахъ съ знаменитымъ другомъ своимъ и

кои составляли все его знаніе... Первые мѣсяцы оставался онъ спокоенъ, принимая участіе въ общемъ веселіи и не разстраивая общаго согласія. Одно происшествіе подало ему поводъ себя обнаружить. Шатающійся въ Пензѣ отставной офицеръ, по имени Чудаковскій, пьяный, дерзкій и развратный, сдѣлалъ одно изъ тѣхъ преступленій, которыя въ Россіи были тогда почти неслыханы: насильственно былъ онъ причиною смерти одной несовершеннолѣтней дѣвочки. По принесенной о томъ жалобѣ, отецъ мой велѣлъ его засадить и предать уголовному суду. *** немедленно вошелъ съ протестомъ, въ коемъ, самымъ неприличнымъ образомъ порицая злоупотребленіе власти, старается оправдывать виновнаго, увлеченнаго яко бы силою любви. Это было въ началѣ Страстной недѣли; все что было порядочныхъ людей, пришло въ ужасъ, а въ другихъ сначала сіе возбудило одно только любопытство. Бумагу сію можно почитать манифестомъ зла противъ добра. Безнаказанность такой наглости, нѣсколько времени спустя, ободрила всѣхъ враговъ порядка: знамя было поднято, они спѣшили къ нему... Наконецъ, малѣйшее неудовольствіе на губернатора, за всякую бездѣлицу, за невниманіе, за разсѣянность (чего бы прежде не смѣли и замѣтить) бросало въ составившуюся оппозицію многихъ помѣщиковъ, впрочемъ, не весьма дурныхъ людей, но необразованныхъ и щекотливыхъ.

Нескоро отецъ мой могъ все это понять; служивши долго при Екатеринѣ, когда власть уважали и любили, и нѣсколько времени при Павлѣ, когда трепетали передъ нею, ему не вѣрилось, чтобы было возможно столь несправедливо, безразсудно и нахально возставать противъ нея. Онъ не скрывалъ своего негодованія и жаловался старому другу своему Беклешову; а тотъ съ одной стороны успокаивалъ его конфиденціальными, совершенно пріязненными письмами, а съ другой грозилъ офиціально ***, что выкинетъ его изъ службы, если онъ не уймется. Но сей послѣдній умѣлъ скрывать получаемыя имъ бумаги, коихъ содержаніе сдѣлалось извѣстно только по оставленіи имъ должности: казался веселъ, покоенъ и каждый день затѣвалъ новые протесты. Отецъ мой былъ въ отчаяніи, не зная что подумать о генералѣ - прокурорѣ, а *** ничего не страшился: онъ зналъ что происходитъ въ Петербургѣ и ничего такъ не желалъ, какъ, надѣлавъ шуму, явиться туда жертвою двухъ старовѣровъ. Наконецъ, дѣйствительно велѣно ему подать въ отставку, и онъ послалъ просьбу; но она пришла уже къ преемнику Беклешова, который, съ честію его уволивъ, причислилъ къ себѣ. Я не знаю ничего позорнѣе этой краткой борьбы между умнымъ, пылкимъ и благороднымъ старцемъ и бессмысленнымъ, безстрастнымъ и безнравственнымъ юношей.

Въ поступкахъ этого человѣка можно было видѣть нѣчто отчаянно-смѣлое и можно было въ немъ предполагать необычайную силу духа; напротивъ, трудно было сыскать человѣка болѣе его трусливаго. Старшіе братья мои и иные молодые люди говорили ему въ глаза жестокія истины, отъ коихъ всякаго другаго бы взорвало; мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ графъ Толстой въ бѣшенствѣ взялъ его за воротъ, но онъ остался непоколебимъ, понюхивалъ табакъ и, величественно улыбаясь, старался все обратить въ шутку. Мнѣ сказывали потомъ, какъ при всѣхъ объявлялъ онъ, что не согласится ни за что въ мірѣ на поединокъ. Подобно одному глупцу нынѣшняго времени, онъ любилъ твердить о своей магистратурѣ; ею, по словамъ его, какъ священною мантией, прикрывался онъ отъ ножа или кинжала убійцы (чего опасаться, кажется, было трудно), но никогда не упоминалъ о шпагѣ или пулѣ противника, который однакоже могъ бы явиться.

Я видѣлъ только самое начало этой брани, ибо шестимѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и далѣе Мая мѣсяца мнѣ въ Пензѣ нельзя было оставаться.

Но и послѣ * * *, война не прекращалась. Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ хотѣлось бы показать главныя лица, въ ней подвизавшіяся. Жители Петербурга, привыкшіе съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на все что происходитъ въ провинціяхъ, улыбнутся при чтеніи описываемаго мною и назовутъ это бурею въ стаканѣ воды. Но въ этомъ стаканѣ считается до миліона жителей, и онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе десяти Нѣмецкихъ герцогствъ съ ихъ дворами, министрами и войсками. Не бѣда, если легкомысленный и праздный столичный народъ почитаетъ недостойнымъ своего вниманія благосостояніе цѣлой области; но правительству необходимо заботиться о ея спокойствіи и быть осмотрительну въ выборѣ людей, туда посылаемыхъ. Въ изображеніи Пензенскихъ безпорядковъ оно могло бы увидѣть тѣ, которые происходили или происходятъ и нынѣ въ другихъ губерніяхъ.

Мнѣ было очень больно, что земляки мои по сердцу, Малоросіяне, сдѣлались первыми нашими врагами. Изъ совѣтниковъ Черниговскаго губернскаго правленія, Иванъ Андреевичъ Войцеховичъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Пензенской Гражданской Палаты. Его почитали тонкимъ и хитрымъ, а онъ по природѣ былъ только человѣкъ скрытный, но не злой и не коварный. Кажется, къ чему бы ему было хитрить, зачѣмъ бы интриговать? Онъ не былъ ни честолюбивъ, ни алченъ къ деньгамъ, и честность его въ дѣлахъ могла бы обратиться въ пословицу. *) Но у него была жена, гораздо моложе его, Прасковья

*) Во время величайшихъ несогласій съ предсѣдателемъ, мы имѣли дѣло въ Гражданской Палатѣ. Родители мои не хотѣли противъ него подать подозрѣнія и не смотря на то, онъ судилъ бы противъ насъ, еслибы наши требованія были несправедливы; но наше право было неоспоримо, и онъ рѣшилъ совершенно въ пользу нашу.

Акимовна, изъ фамиліи Сулимовъ, самолюбивая и завистливая. Губернаторство моей матери ее мучило, и она къ чему-то придралась, чтобы поссориться и, какъ говорится въ провинціяхъ, разѣхаться домами. Тогда разѣхавшійся домъ ея сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ. Между ними первые явились два единосемца ея, одинъ, Данилевскій (былъ послѣ директоромъ гимназіи), а другой.. видно было лицо не весьма примѣчательное, потому что имя его ускользнуло отъ моей памяти. Съ нею ли въ одно время они пріѣхали или прежде? Зачѣмъ они пріѣхали, и за что прогнѣвались на насъ? Кажется, нѣтъ никакой нужды знать, даже мнѣ самому, а кольми паче другимъ: довольно, что они были очень злы. Въ кругу семейства и соотчичей, намъ столь враждебныхъ, могъ ли Иванъ Андреевичъ оставаться совершенно безпристрастнымъ? По крайней мѣрѣ онъ никогда не переставалъ быть скромнѣе въ рѣчахъ, учтивѣе во встрѣчахъ, не переставалъ также до нѣкоторой степени, какъ Греческій мудрецъ, покоряться неукротимой своей Ксантиппѣ. Въ тридцать лѣтъ, госпожа Войцеховичева могла бы быть довольно недурна собою. Но внутренняя ярость, часто выступавшая на лицо ея, успѣла рано провестъ на немъ нѣсколько морщинокъ; улыбка, всегда язвительная, не придавала никакой пріятности устамъ, которыя, какъ увѣряють, открывались для одной только хулы; надъ самымъ челомъ ея, среди черныхъ волосъ, являлся уединенно цѣлый густой комокъ сѣдыхъ. Итакъ она была не красавица; не въ состояніи будучи восплаять любовь, она, искусно проповѣдуя независимость и равенство, умѣла возбуждать вражду и мщеніе. Я бы назвалъ ее Пензенскою мадамъ Roland, еслибы не было у нея пріятельницы, необузданностію и дерзостію ее превосходящей.

Низенькая, толстенъкая, почти четвероугольная крикунья, Степанида Андреевна Кекъ, была женщина умная, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, украшенная золотымъ вензелемъ Екатерины Второй. Въ ней можно было видѣть разницу между просвѣщеніемъ и образованностію. Занятія ея жизни были новостію для Пензенскихъ барынь: она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ, выписывала рѣдкія растенія, разводила ихъ и прекрасными цвѣтами могла бы снабдить весь городъ. За то всякая баба, торгующая на базарѣ, всякій мужикъ былъ ея вѣжливѣе и пристойнѣе; даже нынѣ, когда приличія свѣта все болѣе и болѣе почитаются предразсудками, ея манеры были бы нестерпимы. Чистосердечная грубость предполагаетъ обыкновенно доброе сердце, а у этой толстушки весь жиръ разведенъ былъ желчью. Ея мужъ, изъ Нѣмцевъ, гдѣ то служилъ, когда-то получилъ какой-то чинъ, военный или статскій, и разбогатѣлъ, отдавая деньги въ ростъ. Года за два до нашего

прїѣзда, купилъ онъ имѣніе неподалеку отъ Пензы и поселился въ ней съ супругою своею и тещей, также Нѣмками. Про него ничего не говорили, его никогда не видѣли и знали токмо подъ именемъ мужа Кекши. Кажется, онъ помаленьку занимался прежнимъ ремесломъ и въ уединенной тишинѣ любовался только звонкимъ металомъ, умножающимъ невыносимое громогласіе жены его, которая за него разѣвжала, дѣйствовала, а говорила за десятерыхъ. Мать моя никакъ не умѣла или не хотѣла скрывать, сколь посѣщенія этой женщины ей непріятны; она должна была знать, что въ провинціи изъявленная холодность, хотя впрочемъ безъ малѣйшей неучтивости, разрываетъ знакомство, и что разрывъ знакомства возжигаетъ непримиримую вражду; она боялась оглохнуть и на все рѣшилась.

Къ симъ двумъ пріятельницамъ начали приставать всѣ горделивыя жены Пензы. Ни малѣйшей причины къ неудовольствію имъ не было подаваемо; онѣ искали предлоговъ. Имъ казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони, заведенное въ губернскихъ городахъ, сѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ; къ тому ихъ никто не приневоливалъ, а онѣ требовали невозможнаго: чтобы въ продолженіи недѣли всѣмъ имъ отданы были визиты. Онѣ поудержались и ожидали упрековъ, кои не оставили бы назвать взыскательностію; но ихъ отсутствія не замѣтили, онѣ продлили его и, наконецъ, объявили, что видно общество ихъ не нужно. Цѣлый легіонъ демоновъ въ женскомъ образѣ ополчился тогда противъ моихъ родителей, и еще болѣе противъ доброй моей матери. Въ семъ полчищѣ особенно примѣчательны были только двѣ сестры, старыя, кислонравныя дѣвки, недавно запасшіяся послушными мужьями—Бровцына и Есипова; онѣ были ехиднѣе самой Войцеховичевой и бѣшенѣе Кекши.

Дамъ, хотя и не совсѣмъ достойныхъ сего названія, пустилъ я впередъ, во первыхъ изъ учтивости и вовторыхъ потому, что непосредственно послѣ *** онѣ первыя повели атаку; да еще по тому уваженію, что женская злость, равно какъ и женская доброта, всегда далеко превосходятъ мужскую. Столь же ничтожныя причины подвигли противъ отца моего и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ Пензѣ. Могли выйти непріятности по дѣламъ, по службѣ; можно было жаловаться на несправедливости, претерпѣваемыя отъ подчиненныхъ, но этого ничего не было; наговоры, сплетни, косой взглядъ, вотъ чего достаточно было, чтобы породить ненависть. Отъявленнымъ, главнымъ врагомъ нашимъ почитался нѣкто ст. с. П. А. Г., семидесятилѣтній старикъ, утопавшій въ постыдномъ любострастіи. Владѣя хорошимъ родовымъ имѣніемъ, онъ чрезвычайно умножилъ его экономическими средствами, будучи экономіи директоромъ и потомъ вице-губернато-

ромъ въ Вятской губерніи, населенной какъ извѣстно, почти одними только казенными крестьянами; его экономическая система что-то не понравилась; нашли, что она накладна для казны и не совсѣмъ учтиво отказали ему отъ должности. Онъ пріѣхалъ на житье въ уѣздный тогда городъ Пензу, гдѣ всѣхъ онъ былъ богаче, всѣхъ старѣе лѣтами и чиномъ, гдѣ не весьма строго смотрѣли на средства къ обогащенію и охотно раздѣляли удовольствія ими доставляемыя. Старость его, которую называли маститою, была отмѣнно уважаема: ибо за дешевый, хотя множествомъ блюдъ обремененный, столъ его садилось ежедневно человѣкъ по тридцати. Только что за обоняніе, вкусъ и желудки были у гостей его! Кашами съ горькимъ масломъ, ветчиной со ржавчиной, разными похлебками, вареными часто въ нелуженой посудѣ, потчивалъ ихъ этотъ человѣкъ, въ коемъ тщеславіе спорило съ ужасною скупостію. Однимъ обыкновеннымъ хлѣбосолецствомъ не ограничивалось его великолѣпіе; длинный рядъ комнатъ довольно низкаго, одноэтажнаго, деревяннаго дома его былъ убранъ съ большими претензіями; но все тамъ было неопрятно, нечисто какъ совѣсть хозяина. Въ огромномъ мезонинѣ, подавлявшемъ сей низенькій домъ, помѣщался театръ, гдѣ играли доморощенные его актеры и музыканты *). Офиціальная сила отца моего не могла нравиться народности Пензенскаго гранда; къ тому же самая противоположность характеровъ не допускала ихъ сблизиться. Оказывая ему всевозможную учтивость, отецъ мой воздерживался однако отъ всего, что могло произвести короткость, и одинъ разъ, захворавъ отъ его обѣда, старательно отклонялъ потомъ новыя его приглашенія. Чего же болѣе для совершеннаго разрыва?

Тотъ о коемъ кончилъ я рассказъ, можетъ почитаться добродѣтельнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я стану говорить и о комъ безъ омерзѣнія не могу я вспомнить. Правомъ, сердцемъ, правилами и поступками, равно какъ и лицомъ, фигурой, взглядомъ и голосомъ, я не знавалъ человѣка хуже Семена Алексѣевича **. Въ немъ одно совершенно отвѣчало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться объ немъ я много не буду, опасаясь, чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенномъ способѣ, который употреблялъ онъ для стяжанія себѣ богатства. Онъ заводилъ тяжбы со всѣми сосѣдями, преимущественно же съ мелкими дворянами; когда онъ приводилъ ихъ въ отчаяніе, то мирился съ ними не иначе какъ съ условіемъ уступить ему ихъ малые участки на низкую цѣну, ко-

*) Житье г. Г., подъ именемъ Рукавицына, очень удачно описано въ *Искусителѣ*, романѣ Загоскина. Тамъ же очень вѣрно изображены бывший при Екатеринѣ губернаторъ Ступининъ и родственникъ его Еф. Петр. Чемесовъ, подъ именемъ Двинскаго

торую онъ сполна не выплачивалъ, и они отступались отъ нея, чтобы отъ него какъ-нибудь отвязаться. Когда у другихъ шелъ споръ объ имѣніи, то съ предложеніями о покупкѣ его онъ обращался единственно къ тѣмъ, кои лишались надежды выиграть дѣло и такимъ образомъ, за самую умѣренную цѣну пріобрѣталъ помѣстье и процессъ. Этотъ ябедникъ дѣйствовалъ не подкупомъ, а страхомъ; онъ во всѣхъ судахъ былъ ужасъ и бичъ присутствующихъ, секретарей и повѣтчиковъ. Когда мы пріѣхали въ Пензу, говорили, что у него въ одно время было тридцать два процесса. Такіе люди рѣдко бываютъ щекотливы, а этотъ еще требовалъ уваженія: дѣло невозможное для человека съ честію, каковъ былъ отецъ мой; а вотъ еще и новый злодѣй!

Многочисленное семейство его было примѣчательно родовымъ, наслѣдственнымъ свинообразіемъ. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болѣзнь, коей начало приписывали сожитію ея съ мужемъ, до того изуродовала лицо ея, и такъ уже весьма некрасивое, что лишила ее даже носа. Изъ его дѣтей мнѣ особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую, по преувеличеннымъ пропорціямъ тѣла ея, сами родители прозвали Дунаемъ, и у которой была удивительная страсть ловить мухъ и глотать ихъ. Со взоромъ дикаго звѣря, имѣла она туловище коровы и птичій вкусъ: Ламайскіе язычники могли бы почестъ ее божествомъ.

На другой дочери его женился нѣсколько лѣтъ потомъ спустя, одинъ изъ главъ коалиціи, игрокъ О.... Выгнанный сперва изъ столицъ, потомъ изъ губернскихъ городовъ, сей смѣлый, но видно не довольно искусный человекъ, неоднократно изобличенный въ мошенничествѣ и воровствѣ, избралъ убѣжищемъ свободную тогда Пензу. Довольно уже неопытныхъ юношей, довольно неосторожныхъ мужей прошло чрезъ хищныя его руки, чтобы дать ему средства завести хорошій домъ и жить въ немъ прилично. Нѣкоторая роскошь есть одна изъ приманокъ, одно изъ необходимыхъ условій для промышленниковъ такого рода и обращается имъ подъ конецъ въ привычку и потребность; она домъ его сдѣлала привлекательнымъ. Мѣры при отцѣ моемъ принятыя полиціей къ прекращенію публичныхъ засѣданій въ семъ домѣ ожесточили г. О...., хотя никто не могъ воспретить ему дѣйствовать тайно, и хотя для ловитвы его открыто широкое поле на всѣхъ окрестныхъ ярмаркахъ.

Не высчитывать же мнѣ всѣхъ пакостниковъ, вошедшихъ въ сообщничество съ вышесказанными людьми, всѣхъ подлыхъ ихъ приверженцевъ! Не безъ труда и съ частыми позывами ко рвотѣ могъ изобразить я змѣй, а до ядовитыхъ насѣкомыхъ уже не спущусь. Сіи нечистыя стихіи образовали не тучу, какъ говоритъ пословица, а на-

возную кучу, изъ которой однакоже громъ не переставалъ гремѣть во время управленія отца моего. Она составила, разумѣется, не въ одинъ день. *** положилъ ея начало, но обстоятельства, въ коихъ находилась тогда вся Россія ее умножили и усилили.

Спросить, можетъ быть, какъ человѣкъ съ умомъ и твердостью, какимъ представленъ мой отецъ, могъ не пренебречь дерзостью и происками людей запятнанныхъ, по большей части столь ничтожныхъ? Какъ не умѣлъ онъ обуздать ихъ? Я уже сказалъ выше, что при Павлѣ невинно-гонимые прятались по деревнямъ, а множество справедливо-преслѣдуемыхъ наполнило Пензу. Число—весьма важное дѣло, тамъ гдѣ начальникъ, безъ подпоры въ столицѣ, долженъ вооружаться противъ всякаго рода зла одною своею правотою и благонамѣренностью. И дѣйствительно, онъ долго сражался и часто побѣждалъ; но чего ему это стоило! Времена были необыкновенныя: грубое свободомысліе, которое при Екатеринѣ допустили разойтись по Россіи, притѣсненіями Павла получило нѣкоторую сущность и благостью Александра думало утвердиться. Какъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльныхъ орудій, въ эту минуту открыть новый образъ войны противъ начальствъ и правителей, и первый опытъ сдѣланъ въ Пензѣ. Старому рыцарю, отцу моему, мало помогали сначала щитъ его и копье, добродѣтель и честь; но онъ образумился и убѣдился подъ конецъ, что и одною храбростью можно иногда одолѣвать число и искусство. Стратегическія правила этой войны усовершенствовались нынѣ, когда не только губернаторы, но и сами министры, по ввѣряемымъ имъ частямъ, идутъ какъ на бой; тогда же люди, облекаемые высокою довѣренностью царскою, спокойно садились на мѣста свои, на коихъ по долгу совѣсти и присяги безспорно творили судъ и расправу.

Пусть смѣются надо мной, а въ низкихъ и глупыхъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789-го года. Только послѣ двоекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 1814 и 1815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забрались въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ? Кіевъ отъ заблужденій Запада былъ защищаемъ ненавистью и презрѣніемъ къ Польшѣ, откуда могли они въ него проникнуть; въ Петербургѣ и въ Москвѣ видалъ я только людей, напуганныхъ ужасами революціи. Въ нечестивой Пензѣ слышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпиграмы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, они толковали уже о Ноттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене, и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами Кан-

дида и *Благо Быка*: авторы и сочиненія мнѣ были тогда вовсе неизвѣстны. Я не хочу быть пророкомъ; но, судя о будущемъ по прошедшему и настоящему, и теперь увѣренъ въ душѣ моей, что еслибъ когда-нибудь (помилуй насъ Боже) до два расколыхалась Россія, еслибъ западные вѣтры надули на нее свирѣпую бурю, то первые ея валы воздыматься будутъ въ Пензѣ *). Во время Пугачевского бунта вѣроломствомъ и жестокостію никто не превзошелъ ея жителей; въ 1812 году, изъ всѣхъ ополченій одно только Пензенское возмутилось въ самую минуту выступленія противъ непріятеля.

Да, такъ: почти сорокалѣтнее негодованіе мое и по днесъ не истощилось; неугасимая ненависть къ Пензѣ и понынѣ наполняетъ мое сердце. Пусть люди добрые, но не знающіе глубокихъ ощущеній, равнодушные къ добру и злу, въ шумѣ свѣтскихъ увеселеній или въ заботахъ службы теряющіе память о иныхъ обязанностяхъ, пусть подозреваютъ они меня въ клеветѣ, пусть обвиняютъ въ жестокосердіи, въ ужаснѣйшей злобѣ! Я не ропщу на нихъ: имъ не понять меня. Не всякому дано священное, небесное чувство безпредѣльной сыновней любви, не у всякаго отецъ былъ праведникъ, не у всякаго распинали его, какъ у меня.

Я называлъ главныхъ злодѣевъ нашихъ, не сказавъ, въ чемъ состояли ихъ нападенія и какой имѣли они успѣхъ. Все это такъ тѣсно связано съ тѣмъ, что я видѣлъ потомъ въ Петербургѣ, что отдѣлить отъ того почти невозможно, и я предоставляю себѣ рассказать о томъ въ слѣдующихъ главахъ.

Но и вездѣ не безъ добрыхъ же людей; ихъ было довольно и въ Пензѣ. Не знаю, показались ли бы они такими въ другомъ мѣстѣ, но тамъ ихъ общество было услажденіемъ: нравственности были они не строгой, любезностью ума не плѣвляли, о просвѣщеніи уже и не спрашивай, болѣе или менѣе заражены были невѣжественною спѣсью; но многіе изъ нихъ были забавны своими странностями и не были чужды понятіямъ объ обязанностяхъ и достоинствахъ человѣка. Частыя поѣздки мои въ Пензу доставятъ мнѣ много случаевъ говорить о нихъ, и потому ограничусь я теперь описаніемъ вообще ихъ образа жизни.

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственные мѣста, идетъ улица, называемая Дворянскою. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма вы-

*) Нельзя обвинять ***, что первый бросилъ онъ въ Пензѣ зловердныя сѣмена; но очень удачно сдѣлалъ онъ первую вспашку на почвѣ самой удобной для воспріятія разрушительныхъ идей.

сокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно также, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, городскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единообразіе. Невысокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ ошипаны, всѣ оборваны; одни лежатъ на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ, или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣниваго и вѣтреннаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресолѣ. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, не смотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашеннаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебели видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мущины тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гинесеѣ, въ диванной. Всякая прѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налево стоящимъ мущинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мущина обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, потомъ нѣсколько горячихъ, нѣсколько жаренныхъ и нѣсколько хлѣбныхъ являлись по очереди, а между ними неизбежные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанье и напитки, называть каждого гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отмѣнно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подѣвжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора. Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія ихъ нѣхъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проездомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

Одинъ почтенный, степенный и богатый человѣкъ, Николай Васильевичъ Смирновъ, жилъ въ Пензѣ прилично и благородно. При малолѣтнемъ сынѣ его былъ гувернеромъ меньшей братъ извѣстнаго уже шевалье де-Ролена. Не имѣя ни любезности, ни ума старшаго брата, онъ былъ гораздо его нравственнѣе. До революціи стоялъ онъ съ полкомъ въ Аячію, гдѣ хорошо зналъ семейство Бонапарте и выучился по-италіянски. Чтобы не совсѣмъ праздно проводить мнѣ время, пригласили его посѣщать меня и давать мнѣ Французскіе и Италіянскіе уроки; въ послѣднемъ я не имѣлъ времени сдѣлать большихъ успѣховъ, достаточно, однакоже, чтобы въ послѣдствіи понимать слова въ операхъ; а мнѣ только и было нужно. Изъ Москвы сдѣланы были Ев

генію Ролену выгоднѣйшія предложенія, и онъ оставилъ домъ г. Смирнова. Давно уже срокъ моего отпуска прошелъ, но не знали съ кѣмъ меня отправить, а одного, по глупости моей, не рѣшались; и потому воспользовались отъѣздомъ г. Ролена.

Какъ мнѣ ни жаль было разстаться съ родителями, но я сдѣлалъ сіе не безъ удовольствія, покидая вмѣстѣ съ нимъ непріятную и непріязненную Пензу. Мы выѣхали, помнится, 29-го Мая, въ одной изъ широкихъ и глубокихъ кибитокъ, которыя употреблялись тогда для дальнихъ дорогъ. Путевыя издержки, разумѣется, были на счетъ моихъ родителей. Погода была чудесная, дорога какъ скатерть, я лежалъ какъ въ колыбели, и хотя сухощавый Французъ, у котораго пересчитать можно было косточки, иногда и морщился отъ ѣзды, не совсѣмъ для него покойной, но только на минуту, а потомъ опять начиналъ смѣяться и шутить. Разказамъ его, и весьма занимательнымъ, не было конца, и мнѣ кажется, ни одного путешествія я такъ скоро не совершилъ. До Саранска и далѣе, до самой границы Пензенской губерніи, проворно закладывали намъ лошадей, услуживали намъ и, какъ передъ дофиномъ Пензенскимъ, снимали передо мной шапки. Подъѣзжая къ Арзамасу, пренебреженіе къ проѣзжимъ, мальчику и Французу, сдѣлалось очень примѣтно; я гнѣвался, а Французъ хохоталъ, разсуждая о превратностяхъ міра и паденіи царствъ. По дорогѣ отъ Пензы до Москвы, на Муромъ и Владимиръ я столько разъ потомъ проѣзжалъ, что описаніе ея мнѣ кажется столь же мало любопытно, какъ разказъ о путешествіи съ Невскаго проспекта на Крестовскій островъ.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя, поселившихся почти за городомъ. Не все же было хорошо при обожаемой мною Екатеринѣ: не довольствуясь отнятіемъ имѣній у монастырей (чѣмъ уменьшились, едва ли не уничтожились власть и вліяніе духовенства, а слѣдственно уваженіе къ нему), князь Потемкинъ нанесъ при ней святотатственную руку на самое существованіе многихъ изъ обителей; въ томъ числѣ упразднены были въ Москвѣ знаменитый нынѣ Симоновъ, и прежде Крутицкій монастыри. Сей послѣдній долго былъ мѣстопробываніемъ епархіальнаго архіерея, коему вмѣстѣ съ епархіей давалъ даже свое имя*). Опустѣвшія кельи его об-

*) Нищета составляетъ силу возникающихъ сектъ и религій; но постепенно умножающаяся бѣдность церкви, нѣкогда могущественной и богатой, доказываетъ упадокъ самой вѣры. Зачѣмъ же потрясать алтарь въ Россіи, гдѣ онъ всегда былъ и есть самая твердая, надежнѣйшая опора трона, до того, что понятія объ нихъ сливаются въ названіи престола, обоимъ присвоеннаго? Это и преступленіе, какъ говорилъ Талейранъ, это и политическая ошибка.

ращены были въ казармы полицейскихъ драгунъ. Изъ нихъ сформировалъ Алексѣевъ два эскадрона и былъ назначенъ ихъ командиромъ. Они служили менѣе для пользы, чѣмъ для украшенія полиціи, и были потѣхой для ихъ начальника, который отъ полицейскихъ заботъ отдыхалъ, научая ихъ кавалерійской службѣ. Очень порядочные дворяне соглашались вступить въ сіи эскадроны и носить бѣлый султанъ, коимъ украшались офицеры; промотавшіеся, буйные, молодые купчики плѣнялись также высокими касками, и многіе входили въ нихъ рядовыми. Алексѣевъ баловалъ ихъ, приголубливалъ, иныхъ производилъ въ унтеръ-офицеры, всячески приманивалъ и составилъ изъ того что-то весьма красивое.

Помѣщенія внутри монастыря для него самого не было: архіерейскія келья отдалъ онъ офицерамъ. Но лѣтомъ какъ можно менѣе хотѣлъ онъ разставаться съ своими любезными эскадронами, и потому близко отъ нихъ занялъ онъ пустой, невысокій, деревянный домъ, съ обширнымъ садомъ, принадлежащій отсутствующему его пріятелю князя Жевахову. Туда перевезъ онъ жену и дѣтей, и тамъ нашель я ихъ.

Тамъ же провелъ я все лѣто, могу сказать, въ нѣдрахъ природы и полиціи. Оно прошло для меня быстро, слѣдственно чрезвычайно пріятно: я полюбилъ долгія уединенныя прогулки, которыя мнѣ уже не возбранялись. Крутицы находятся между Новоспасскимъ монастыремъ и Симоновымъ, въ равномъ почти разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другаго; въ семъ пространствѣ обыкновенно заключались мои прогулки. Во мнѣ родились новыя чувства, которымъ не было имени; я любилъ безъ предмета, желалъ безъ цѣли, наслаждался безъ всякой чувственности, думалъ безъ мыслей, столь же мало какъ птица, которая летаетъ по ясному небу. Какъ назвать это, сумасшествіемъ или мечтательностію? Знаю только, что мнѣ было очень хорошо и что ничего подобнаго никогда уже послѣ я не ощущалъ. Я полагаю, что это было лихорадочное состояніе самой первой молодости, какой то избытокъ жизни, безъ всякой причины, безъ всякаго потрясенія готовый на все изливаться. Не въ состояніи будучи выразить того, чтò я чувствовалъ тогда, пусть позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, кои были свидѣтелями моего страннаго блаженства.

Пространство, занимаемое бывшимъ Крутицкимъ монастыремъ, очень велико; монахи насадили внутри стѣнъ его прекрасную липовую рощу, а затѣмъ остается еще, также внутри ограда, довольно обширная площадь, чтобы дѣлать на ней кавалерійское ученіе. Двойные ворота, служившіе ему входомъ, съ маленькою церковью надъ ними, украшены и понынѣ множествомъ каменныхъ столбчиковъ, на коихъ

искусно высѣчены вѣтви, листья и птицы, покрытые зеленою и другими красками. Новая, большая церковь стоитъ у самого входа и обращена въ приходскую; старая же соединялась съ бывшими архіерейскими кельями посредствомъ открытой галлерей или переходовъ, также поддержанныхъ кручеными столбчиками, съ навислыми между ими сосульками; но все это не каменное, а муравленное, облитое разноцвѣтною глазурью *). Чудо какъ это было хорошо! Но безъ всякаго присмотра все это билось, ломалось, портилось. Въ самой же церкви сдѣланъ былъ цейхгаузъ. Я полюбопытствовалъ разъ заглянуть туда и, не смотря на мою молодость, смутился духомъ: отъ верху до низу стѣны сохраняли еще изображенія святыхъ угодниковъ, а внутренность завалена сукнами и кожами; на сохранившемся каменномъ алтарѣ, о срамъ, о ужасъ! лежали сѣдла и уздечки. Такой вандализмъ, что право хоть бы въ революціонной Франціи.

Съ Новоспасскимъ монастыремъ почти соединяется бывший Крутицкій примыкающею къ нему слободкою, а отъ Симонова отдѣлялся тогда длиннымъ полемъ, нынѣ частію застроеннымъ. Симоновская обитель едва начинала тогда вновь подыматься; она все еще казалась опустѣвшею: такъ мало иноковъ еще въ ней собралось. Какъ часто, среди тишины ея, даже въ сумерки, бродилъ я между могильными камнями, безъ робости и печали, а съ какимъ-то душевнымъ спокойствіемъ! Самая смерть въ глазахъ моихъ не имѣла тогда ничего угрюмаго. Мнѣ неизвѣстны были историческія лица двухъ героев-отшельниковъ, Осляби и Пересвѣта, похороненныхъ въ старомъ Симонѣ, во ста саженьяхъ отъ новаго; но кто въ Москвѣ не зналъ вымышленнаго лица Бѣдной Лизы? И я не рѣдко посѣщалъ Лизинъ прудъ. Повѣсть Карамзина привлекала чувствительныхъ къ нему на поклоненіе; она первая указала на красоту Симоновскихъ видовъ, открыла вновь дорогу къ забытымъ стѣнамъ его и, вѣроятно, подала мысль о его воскресеніи.

Впрочемъ, не всегда мечтательнымъ, но иногда и положительнымъ, грубымъ наслажденіямъ я предавался. Получивъ не задолго передъ тѣмъ, за открытіе большаго заведенія фальшивыхъ ассигнацій, Аннинскій крестъ на шею, зять мой праздновалъ сіе важное, по тогдашнимъ понятіямъ, для него событіе веселымъ пиршествомъ, и жалѣлъ, что не могъ угостить начальника своего, графа Салтыкова, который съ своею графиней и семействомъ уѣхалъ на все лѣто въ Петербургъ. Случалось, что полиція съ нами любезничала, дѣлая маленькія иллюминаціи въ роцѣ и маленькіе фейерверки въ полѣ. Иногда

*) Нѣмецъ баронъ Боде сказывалъ мнѣ, что для возобновленія и украшенія Кремлевскихъ теремовъ бралъ онъ за образецъ единственно Крутицы.

пѣсельники, балалаешники, плясуны, такого рода потѣхи, которыя пріятны только лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, забавляли насъ. Иногда въ слѣдъ за этими самыми пѣсельниками, въ темную ночь, спускались мы къ Москвѣ-рѣкѣ и слушали, какъ, съ рожками развѣзжая въ лодкахъ, они оглашали берега ея. Въ день Преображенія Господня и Успенія Богоматери, вся Москва пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ и телѣгахъ, подымалась на гулянье вокругъ сосѣднихъ съ нами монастырей.

Просрочивъ и опасаясь грубостей Бантыша-Каменскаго, я не спѣшилъ къ нему явиться; но онъ принялъ меня, о диво! какъ бы ни въ чемъ не бывало. Умный старикъ смѣтилъ, наконецъ, что взыскательность съ мальчиками, кои на годъ или на два записываются въ его архивъ для полученія чина, совсѣмъ неумѣстна, когда все гласить о снисходительности.

Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его строгости, архивъ лишился многихъ пріятностей. Никто уже (и я въ томъ числѣ) такъ часто въ него не ходилъ: скука была ужасная, не съ кѣмъ почти было слова вымолвить. Куда дѣвались всѣ наши молодцы? Одни переселились въ спокойный уже Петербургъ подъ покровительство къ роднымъ; другіе получили мѣста при миссіяхъ; одни путешествовали за границей, другіе доучивались въ иностранныхъ университетахъ; а иные, не покидая архива, выпросились на лѣто въ деревню. Единственною для меня отрадой были встрѣчи съ двумя сослуживцами, прежнимъ Блудовымъ, и новымъ Губаревымъ. Я нашелъ, что первый чрезвычайно выросъ, потерялъ немного прежней живости (чему причины я тогда не зналъ), за то, кажется, еще болѣе поумнѣлъ; другой былъ добрый, остроумный весельчакъ, который потомъ деревенскую жизнь предпочелъ исканію почестей.

Многіе изъ жителей Москвы и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра. Очарованіе все еще длилось. Вѣнчанный юноша уже хладѣлъ въ пламенныхъ объятіяхъ Россіи, уже невѣрные взоры его съ любовію обращались къ Западу; а ея восторги не истощились. Всѣ завидовали тѣмъ счастливымъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ. Увы, несчастный! Зачѣмъ увлекся я общею молвою! Зачѣмъ послушали меня родители! Зачѣмъ вице-канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе! Около половины Августа причисленъ я къ дѣламъ коллегіи, съ тѣмъ чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, поступить въ канцелярію князя Куракина.

Я бы могъ спокойно жить въ безпечной Москвѣ; изрѣдка повышаемый въ чинахъ, я бы до сѣдыхъ волосъ могъ оставаться архив-

нымъ юношей. Въ старикѣ Каменскомъ привычка обращалась въ чувство; я бы сталъ копаться съ нимъ въ древнихъ рукописяхъ и могъ бы сдѣлаться полезнымъ ему сотрудникомъ. А если бы недостаточное состояніе понудило меня искать содержанія болѣе выгоднаго, то сколько мѣстъ въ Москвѣ, гдѣ служба—продолжительный, пріятный сонъ! Кремлевская Экспедиція, Почтамтъ, Опекунскій Совѣтъ и другія. Нѣтъ, всею будущностью, спокойствіемъ всей жизни пожертвовалъ я честолюбію, которое велѣли мнѣ имѣть и котораго даже во мнѣ не было. Кто знаетъ? Не столь разборчивый, я могъ бы встрѣтить скромную, тихую дѣву, безъ причудъ и шумихи Петербургскаго воспитанія; я былъ бы ею счастливъ, а она мною. Въ благорастворенномъ климатѣ, ближе къ природѣ, можетъ быть я полюбилъ бы сельскую жизнь, малый достатокъ жены соединивъ съ собственнымъ; врожденною моею бережливостію я могъ бы ихъ умножить; семейство, научаемое мною умѣренности, наслѣдовало бы моему скромному счастью, и нынѣ ясный день тихо догоралъ бы для меня. Но нѣтъ! На путь жестокихъ испытаній круто своротила меня судьба съ той мирной стези, которую указывали мнѣ и природныя наклонности, и положеніе, въ коемъ я находился.

И что же? Много ли я выигралъ передъ тѣми, кои никогда не знали Петербургской службы? То я прыгалъ, то долженъ былъ на время останавливаться; а они спокойно шли ровнымъ, тихимъ шагомъ, и отъ меня не отставали. И что за жизнь моя была, о Боже! Почти вся она протекла среди болотъ Петрограда, гдѣ воздухъ физически стольже заразителенъ, какъ нравственно. Сколько нуждъ перенесъ я въ семъ городѣ! Какъ постоянно рвался я изъ него! И въ преклонныхъ лѣтахъ еще осужденъ я влачить въ немъ тяжелыя оковы службы.

Но мнѣ ли роптать? Ахъ, нѣтъ! Благодарю Тебя, Господи: по волѣ Твоей, необыкновенный, ненизкій жребій мнѣ выпалъ. Во тьмѣ заблужденій, въ кою ввергнута была моя неопытная, праздная молодость, никогда не переставали свѣтить мнѣ честь и вѣра, и голосъ совѣсти моей, иногда мучительный, никогда не умолкалъ. Близъ четверти столѣтія поставленъ я въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ врагами моей отчизны: то съ иностранцами, коихъ она обогащаетъ и коихъ ненависть возрастаетъ по мѣрѣ ея благодѣяній, то съ неблагодарными единовѣрцами, для коихъ она должна быть свѣтиломъ и упованіемъ; то съ единокровными ея злодѣями, нѣкогда случайно отторгнувшими ея области и насильственно водворившими въ нихъ чуждую ей вѣру, но болѣе всего съ безразсудными ея сынами, не постигающими истинныхъ ея и собственныхъ своихъ пользы и славы. Почти съ перваго шага осмѣлился я вступить не въ скрытый, но въ явный съ ними бой;

Часто, часто изнемогалъ я подъ ихъ ударами; иногда долженъ былъ бѣжать отъ однихъ и вдругъ являлся передъ другими. Благонамѣренное, благотворное мнѣ начальство само скучало иногда неблагоразумнымъ моимъ рвеніемъ, готово было отступить отъ меня и предать на произволъ обстоятельствъ, но чѣмъ-то было удерживаемо. Недостатокъ въ знаніи, разстроенное здоровье, часто слѣдствіе его — недостатокъ въ дѣятельности, хитрость и сила враговъ, ничто не изумляло меня, ничто не пугало. Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мое близко; но я еще не погибъ, но я все еще стою, одинъ, цѣль и невредимъ. Кто же сіялъ мнѣ въ пропасти? Кто говорилъ мнѣ языкомъ совѣсти моей? Кто спасалъ меня отъ видимыхъ и невидимыхъ силъ? Тотъ, Котораго всегда осмѣливаюсь называть я Русскимъ.

Пусть услышитъ Онъ мольбу благодарнаго и утомленнаго существа! Буди Его воля, если мнѣ суждено до конца дней моихъ мучительно бороться! Но умиლოსердись, о Боже, пошли конецъ моимъ страданіямъ! Какъ одержимымъ тяжкими болѣзнями, дай вкусить мнѣ предсмертное спокойствіе хотя на малое время; дай окончить мнѣ жизнь и уснуть вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ праотца или праматери городовъ Россійскихъ, въ Москвѣ или въ Кіевѣ, въ виду священнаго Кремля или лавры Печерской, вдали отъ Татарской, ненавистой мнѣ Пензы, отъ Финскаго, постылаго мнѣ Петербурга!

Въ немъ начинается совершенно новая для меня эпоха жизни, чрезвычайно важная для самой Россіи, эпоха нововведеній, все перепортившихъ улучшеній. Я намѣренъ описать ее въ слѣдующихъ уже не главахъ, а томахъ, если достанетъ у меня на то времени, здоровья и терпѣнія. Мнѣ нетрудно было изобразить первые годы моей жизни. Переносясь въ сіе отдаленное время, я начиналъ вновь существовать, живость воспоминаній оживляла мой рассказъ; но отсель смѣхъ и шутка должны рѣже показываться въ моемъ повѣствованіи. Я перестаю уже быть мальчикомъ, живу въ одиночествѣ, имѣю собственную волю, дѣйствую по собственному разсудку, смотрю внимательно на ходъ общественныхъ дѣлъ, однимъ словомъ становлюсь гражданиномъ. Въ описаніи предметовъ болѣе важныхъ, не знаю, будетъ ли мнѣ столько удачи?

Въ послѣдній разъ сопровождаемъ я былъ спасительнымъ обо мнѣ попеченіемъ моего семейства; мнѣ не дозволили ѣхать одному. Старшій братъ мой Павелъ, за болѣзнію, опять оставилъ службу; его прислали изъ Пензы въ Москву, чтобъ отвезти меня и устроить на новомъ жительствѣ. Мы отправились 31 Августа, а 4 Сентября 1802 года прибыли въ Петербургъ.

Vigelj, Filip F.,

Zapiski Filipa Filippoviča Vigelja

Bd.: 1

Moskva (1891)

4 Biogr. 294 z-1/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11480432-9